

**Институт философии
РАН**

На правах рукописи

Хазова Юлия Валентиновна

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Специальность 09.00.11 – «Социальная философия»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

**Научный руководитель:
д.филос.н., профессор В.Г. Федотова**

Москва - 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Социальные и когнитивные факторы развития науки как методологическая проблема	
1.1. Определение когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук	18
1.2. Специфика социально-философского подхода к исследованию наук об обществе и человеке	29
Глава II. Развитие социально-гуманитарных наук в XIX–начале XX вв.: эпоха первой либеральной современности	
2.1. Интеллектуальные и социальные предпосылки формирования наук об обществе и человеке	36
2.2. Социальные факторы развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук в XIX столетии.....	51
2.3. Социальный кризис рубежа XIX–XX вв. и развитие антинатуралистических исследований	86
Глава III. Развитие социально-гуманитарных наук в XX–XXI вв.: вторая организованная современность и начало третьего модерна	
3.1. Роль институционализации в науках об обществе и человеке.....	106
3.2. Экономические и политические условия развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук в период организованной современности в 1920-1960-е гг.....	127
3.3. Социокультурные процессы и когнитивное развитие наук об обществе и человеке во второй половине XX–начале XXI вв..	150
Заключение.....	172
Библиография	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Проблема взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук сегодня приобретает исключительную актуальность в связи с появлением новых мировых тенденций – нового теоретического осмысления эволюции научного знания, коммерциализации науки и образования, новых социальных требований к науке.

Изучение причин развития науки часто сводилось к изучению когнитивных факторов. Движущие силы, приводящие к трансформации научного знания, рассматривались как имманентные, внутренне ему присущие. Социальные факторы воспринимались как внешние по отношению к развитию науки. За последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Сейчас открыто признаётся обусловленность научного знания потребностями общества. Вместе с тем в изучении вопроса о степени независимости развития научного знания сохраняется пробел.

В настоящее время чрезвычайно острой является проблема коммерциализации науки и образования. Коммерциализация науки и образования приводит к тому, что, во-первых, знание, разрабатываемое внутри университетов и исследовательских центров, становится закрытым и платным. Научное знание перестаёт быть общедоступным. Доступ к нему получает только тот, кто за него заплатил. Вводятся социальные фильтры, способные повлиять на дальнейшее развитие научного знания. Во-вторых, коммерциализация научного знания в стране с преобладанием торговой отрасли экономики неизбежно влечёт за собой значительное сокращение фундаментальных научных исследований, ибо они не могут обеспечить быструю прибыль и вписаться в законы коммерции. В связи с этой новой проблемой решение вопроса о степени влияния социальных, экономических, культурных условий на характер научного знания (как естественного, так и социально-гуманитарного) становится особенно актуальным.

Возникшая сегодня дискуссия о новых требованиях к науке свидетельствует о том, что социальные требования существенно влияют на науку посредством способов её организации и поставленных социальных целей. Однако когнитивные факторы ее развития налагают границы на действие социальных факторов. В современных условиях России вопрос о типологии соотношения социальных и когнитивных факторов развития науки в целом и социально-гуманитарного знания, в особенности, приобретает исключительную значимость.

В данный момент в российской науке приходится констатировать отсутствие полноценных исследований факторов развития наук об обществе и человеке. Именно поэтому необходимо социально-философское осмысление исторической эволюции социально-гуманитарного научного знания, включающее экспликацию типов взаимодействия когнитивных и социальных факторов его развития. Характеризуя типы связей социальных и когнитивных факторов развития науки в эпоху модерна, на разных этапах современности, автор следует актуальной необходимости дать квалифицированное обсуждение этой проблемы в отношении современной эпохи.

Степень разработанности проблемы. В период возникновения социально-гуманитарных наук на рубеже XVIII–XIX вв. господствовало представление о научном познании, осуществляющемся независимо от социальных факторов. Этому способствовали образцы научности естествознания, существующего с XVII века. Классическая наука рассматривала научное знание как отражение реальности, а социальное влияние на результат познания получило исключительно негативную оценку благодаря теории «идолов» авторитетного учёного и мыслителя Ф. Бэкона. Взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в период их возникновения в конце XVIII–начале XIX вв. не было исследовано. В рамках классической парадигмы научное знание представлялось развивающимся исключительно благодаря когнитивным

факторам, без воздействия социальных, культурных, политических факторов. Считалось, что вненаучные факторы могут повлиять на развитие научного знания не качественно, но количественно – они могут ускорить или замедлить научный прогресс (О. Конт, Дж.С. Милль и далее в XX столетии О. Нейрат, Р. Карнап и др.).

На уровне философского анализа Г.В.Ф. Гегель много раньше показал, что в основании любого знания лежит предшествующая культура, содержащая в себе историю диалектических отношений между субъектом и объектом познания. Это означало изменение понимания сущности знания: было открыто, что любое знание носит исторический и культурно обусловленный характер, т.е. по своей природе оно естественным образом постоянно испытывает влияние социальных факторов и уже содержит их внутри себя. Так возникла возможность пересмотра концепции научного знания как знания, развивающегося исключительно под воздействием когнитивных факторов, по собственным когнитивным законам в соответствии с логикой научного исследования. После того, как К. Маркс выявил историческую обусловленность любой общественной практики, научное знание стало рассматриваться как социальный феномен, носящий не эксклюзивный, но инклюзивный характер. К. Маркс впервые обнаружил действие социальных факторов в развитии экономической науки. В марксизме научное знание полагалось развивающимся преимущественно под воздействием социальных факторов в силу его включённости в общественно-историческую практику.

«Инонаучные» программы социально-гуманитарных наук Г. Риккерта и В. Виндельбанта появились лишь во второй половине XIX века. В них утверждалось отличие исторических наук, наук о человеке, о культуре от социальных и естественных наук, развивающихся в условиях доминирования когнитивных факторов. Социология, например, рассматривалась ими как более близкая к парадигме естественнонаучного знания.

После того, как в конце XIX столетия обозначилась проблема взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития науки, в первой половине XX столетия произошло её углубление, которое привело к различным вариантам её решения. В 1920–1930-е гг. в Советской России в рамках общественных и научных дискуссий В.М. Шулятиков и Б.М. Гессен указывали на существование прямых причинно-следственных связей между когнитивными и социальными факторами, содержанием научного знания и классовой борьбой. Социально-экономический фактор был представлен ими как решающий в развитии естественных, социально-гуманитарных наук и философии, а когнитивный фактор как подчинённый социальному. В то время вульгарно-социологические упрощения были в какой-то мере адекватны революционной эпохе российского общества.

На Западе в 1940–1960-е гг. выделились два течения – экстернализм и интернализма – в рамках которых развернулась широкая дискуссия о взаимодействии когнитивных и социальных факторов развития науки. В экстернализме развитие науки определяли воздействием внешних, социальных факторов, в интернализме – внутренних, когнитивных. Экстернализм представляли Дж. Бернал, Р. Мертон, С. Рестиво, Э. Цильзель и др.. Эти ученые проводили исследования о воздействии социальных факторов на развитие естественных наук. Они сосредоточились на изучении заимствования научной деятельностью принципов общественно-практической деятельности. Ими были выявлены социальные причины повышения значимости экспериментальных разработок (Э. Цильзель), связи развития научных направлений и общественных потребностей (Дж. Бернал и С. Рестиво), проанализировано влияние протестантской этики на формирование исследовательского этоса (Р. Мертон) и т.д. В экстернализме научная деятельность рассматривалась в рамках институционального развития общества. Эти тенденции, необычные для понимания естествознания, для наук об обществе и человеке представлялись самоочевидными. Представители интернализма (А. Койре, Дж. Агасси, Дж.

Рэнделл мл., Р. Холл), в противоположность экстерналистам, обосновывали содержание научного знания наличием когнитивного контекста, формирующего строй мышления определённой эпохи. В интернализме развитие научного мышления было вписано в развитие социального мышления. Интерналисты рассматривали развитие научного мышления как часть развития мышления в целом. Воздействие социальных факторов на когнитивные ими не признавалось. Несмотря на противостояние экстернализма и интернализма, большинство представителей данных направлений признавали наличие собственной логики развития научных идей, формирующейся под влиянием внешних по отношению к науке факторов (экстернализм), либо имманентной, обусловленной когнитивным развитием человеческого мышления (интернализм). Таким образом, научное мышление оказывалось сопряжённым с развитием общества посредством деятельности (экстернализм), либо посредством мышления (интернализм). Такая постановка проблемы не позволяла осуществить общий социально-философский анализ, который состоит в установлении связи развития науки с развитием общества и позволяет характеризовать типы взаимосвязи социальных и когнитивных факторов в соответствии с типами общества.

В 1950–1980-е гг. советские учёные использовали деятельностный подход к исследованию развития науки, который предполагал социальную обусловленность научного знания, обеспеченную его включением в общественно-историческую практику. Среди философов науки данной точки зрения придерживались многие авторы, среди которых И.В. Ватин, Г.Н. Волков, В.В. Денисов, В.Ж. Келле, Т.П. Матяш, К.Р. Мегрелидзе, Л.Н. Москвичёв, Я.К. Ребане, М.М. Розенталь, Г.В. Старк, Ю.В. Тищенко, Л.Е. Хоруц и мн.др. Ими признавалось не прямые воздействия социальных факторов на когнитивные, опосредованные познавательным процессом.

С 1980-х гг. в отечественной философии науки происходит уточнение влияния социальных факторов на когнитивные. Проводятся масштабные исследования взаимосвязи процессов познания и деятельности (В.А.

Лекторский, В.Н. Порус, В.С. Швырёв и др.); научного мышления, вписанного в социально-исторический контекст (П.П. Гайдено, М.К. Мамардашвили, В.С. Стёпин и др.); социальных условий научного познания (И.Т. Касавин, В.Е. Кемеров, Л.М. Косарева, Е.А. Мамчур, Л.А. Маркова, Н.В. Мотрошилова, А.П. Огурцов, В.А. Окладной, В.П. Филатов и др.); значения ценностей в научном познании (В.Б. Власова, Л.А. Микешина, Е.Л. Черткова и др.) и институциональной организации познавательного процесса (М.М. Карпов, Е.З. Мирская, Э.М. Мирский, М.К. Петров, А.В. Потемкин, М.И. Шульман и др.). Однако в данных исследованиях, сосредоточенных преимущественно на социальной природе естественнонаучного познания, не проводится анализ форм взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Значительный вклад в осмысление проблемы социально-гуманитарных наук внесён исследованиями В.Г. Федотовой ключевых парадигм социально-гуманитарных наук – натуралистической и культурцентристской, а также проведённым ею анализом Штарнбергской группы о постановке социальных целей и задач научного исследования. Представляют интерес труды З.А. Сокулер о воздействии власти и властных структур на развитие естественнонаучного знания, а также работы Н.М. Смирновой, посвящённые типам научной рациональности, проявляющимся в дисциплинах об обществе и человеке и соответствующим индустриальному и постиндустриальному обществам.

Западные исследователи детализировали основные точки зрения на взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития науки. С 1970-х гг. в рамках западной социологии науки широкое распространение получает метод *case studies*, заключающийся в изучении отдельных эпизодов истории науки (Д. Блур, Б. Барнс, М. Малкей, С. Шейпин и др.). Социологи науки в различной степени (в зависимости от школ и направлений) признают влияние социальных факторов на развитие научного знания. Но применение методологии *case studies*, предоставляя интересные научные результаты, не

даёт выводов обобщающего характера, что свидетельствует о нехватке социально-философского анализа целостного развития общества и науки.

Социально-философский анализ соотношения социальных и когнитивных факторов развития общества имеет методологические преимущества в возможности типологизации взаимодействия социальных и когнитивных факторов развития социально-гуманитарных наук в обществах разного типа. Но такая работа еще не проведена и является нашей задачей. Кроме того, в силу господства научных идеалов естествознания как зарубежные, так и советские исследователи в подавляющем большинстве сосредотачивались на исследовании естественных наук. Результаты исследований естественных наук автоматически переносились на социально-гуманитарные науки, что обедняло как исследования науки, так исследования общества и что побудило нас к исследованию соотношения социальных и когнитивных факторов в социально-гуманитарных науках.

В 1970–1990-е гг. рядом зарубежных авторов был произведён анализ социальных факторов социально-гуманитарных наук. Социологи П. Бергер, Э. Гидденс, А. Гоулднер, Ч. Миллс, П. Бурдьё и др. исследовали политические и экономические факторы развития социальных наук. Они отметили присутствие классового мышления в социологических исследованиях. Ценной для понимания взаимодействия когнитивного и социального в научном знании является концепция власти французского социолога М. Фуко, который обратил внимание на принуждение, осуществляемое самим процессом рационализации, развернутым гуманитарными науками. Среди специалистов-психологов, осуществивших анализ социальных факторов развития психологической науки, можно выделить К. Джерджена, Т. Лихи, Г. Ричардса, Г. Стэма, П. Тайсона, Ч. Толмена, Д. Хоуитта. Культурные факторы развития гуманистической социологии и психологии рассматривали немецкие исследователи Х. Абельс и М. Куш. Анализ экономических факторов, опосредованно создающих фундамент научного экономического знания, был осуществлён экономистом

и антропологом К. Поланьи ещё в 1940-е гг. Представители Франкфуртской школы – Т. Адорно, Г. Маркузе и М. Хоркхаймер – рассматривали социальные факторы развития социологии и психологии в XX столетии. Как правило, работы вышеперечисленных авторов представляют собой исследования, сосредоточенные на сопоставлении определённого периода развития социально-гуманитарных наук (часто одной определённой дисциплины) и конкретного этапа развития общества и потому не освещают социальную перспективу и историческую ретроспективу.

Международный коллектив авторов – П. Вагнер, Э. Ио, Т. Портер, Д. Росс, Й. Хейлброн, Э. Ио и др. – опубликовал труд «Кембриджская история наук: современные социальные науки»¹ и осуществил масштабное исследование обусловленности социально-гуманитарных наук социально-историческим контекстом.

Не разработанным в отечественной мысли является социально-философский анализ взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в контексте социальных изменений, что затрудняет теоретическое реконструирование общей логики эволюции социального знания в современном обществе. История науки, науковедение, философские дисциплины, изучающие познавательный процесс, не решают эту проблему, поскольку она связана с социально-философским осознанием единства познавательной и предметно-практической деятельности. Поэтому в данном диссертационном исследовании в соответствии с задачами социальной философии предпринимается попытка представить развитие социально-гуманитарных наук как включенное в развитие общества, а также выявить типологию связи социальных и когнитивных факторов развития наук об обществе и человеке на разных этапах современности согласно новой концепции типов современности. Автор применяет новую концепцию трех типов современности (модерна), два из которых выявлены С. Лэшем, П.

¹ The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ed. by *T.M. Porter and D. Ross*. Cambridge: Cambridge University Press. 2003.

Вагнером, развиты В.Г. Федотовой и третий предложен ею же в монографии В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества»² – первая либеральная современность XIX в., вторая организованная современность XX в. (1920–начало 1970-х) и третий модерн – новое Новое время для незападных стран, время национальных моделей модернизации, в котором фактор культуры имеет большое значение.

Объект исследования. Объектом исследования является социально-гуманитарное научное знание.

Предмет исследования. Предмет исследования – взаимодействие когнитивных и социальных факторов в развитии и функционировании социально-гуманитарных наук.

Цель исследования. Цель диссертационной работы – социально-философский анализ связи когнитивных и социальных факторов в развитии и функционировании социально-гуманитарного научного знания.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- обозначить специфику социально-философского исследования факторов развития наук об обществе и человеке;
- проследить условия взаимодействия социальных и когнитивных факторов развития социально-гуманитарных наук в XIX столетии в эпоху первой либеральной современности;
- выявить социальные и когнитивные факторы развития наук об обществе и человеке на рубеже XIX–XX вв. в условиях кризиса первой либеральной современности;
- установить степень влияния институционализации на развитие социально-гуманитарного научного знания с начала XX в.;

² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608с.

- раскрыть социальные факторы, способствующие интенсивному развитию натуралистических исследований в XX веке (1920–начало 1970-х гг.) в эпоху второй организованной современности;

- проанализировать связь между социокультурными процессами и развитием социально-гуманитарных наук в конце XX в., во время кризиса второго модерна, и начале XXI вв. – вхождения в эпоху национальных моделей модернизации незападных стран;

- определить виды взаимоотношения между когнитивными и социальными факторами социально-гуманитарных наук;

- сформулировать типологию взаимоотношения когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества модерна.

Теоретико-методологической основой диссертации являются отечественные и зарубежные исследования социальных философов, а также представителей конкретных социально-гуманитарных наук (социологов, психологов, экономистов), философов и методологов науки. При изучении когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук были использованы индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы исследования и методы компаративистского анализа, которые позволяют находить в истории конкретных социально-гуманитарных дисциплин одновременные методологические трансформации и соотносить их с социально-исторической ситуацией. Для исследования социокультурного и культурно-исторического контекста развития наук об обществе и человеке применялись логико-диалектический анализ, а также общефилософские принципы историзма и конкретности. Диссертация основывается на результатах научных исследований в области социальной философии, истории науки, онтологии и методологии науки, социологии знания, исторической науки.

Научная новизна исследования состоит в раскрытии связи когнитивных и социальных факторов развития и функционирования

социально-гуманитарных наук в контексте развития общества. Научная новизна исследования заключается в следующих результатах:

- выявлена специфика социально-философского подхода к исследованию наук об обществе и человеке;
- прослежены условия взаимодействия когнитивных и социальных факторов в развитии социально-гуманитарных наук в XIX столетии в эпоху первой либеральной современности;
- установлены социальные факторы появления и развития антинатуралистической исследовательской программы в науках об обществе и человеке в середине XIX–начале XX вв. в условиях кризиса первой либеральной современности;
- обнаружена степень влияния институционализации на развитие социально-гуманитарного научного знания с начала XX в. в условиях кризиса обществ первого модерна;
- раскрыты социальные факторы, способствующие интенсивному развитию натуралистических исследований в 1920–начале 1970-х гг. в западном обществе эпохи второй организованной современности;
- проанализирована связь между социокультурными процессами и развитием антинатуралистической программы социально-гуманитарных наук во второй половине XX – кризисе второй организованной современности и начале XXI в. – становления национальных моделей модернизации незападных стран, учитывающих фактор культуры, нового Нового времени для незападных стран;
- введено различие между прямыми и косвенными связями между социальными и когнитивными факторами развития социально-гуманитарных наук;
- сформулирована типология когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества модерна.

Положения, выносимые на защиту:

- *Социально-философский подход* к исследованию взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук заключается в обнаружении устойчивой связи между тенденциями развития общества и методологическими тенденциями исследования социальной реальности и человека в социально-гуманитарных науках. Эта проблема не решается ни историей науки, ни науковедением, ни философскими дисциплинами, изучающими познавательный процесс, и связана с социально-философским осознанием единства познавательной и предметно-практической деятельности, когнитивных и социальных факторов развития.

- В XIX веке натурализация социально-гуманитарных наук происходила под воздействием социальных потребностей западного общества *эпохи первой либеральной современности*. Натурализация наук об обществе и человеке осуществлялась в условиях рационализации и капитализации западного общества, а также острой потребности в стабилизации социально-политической ситуации. Осуществление данных процессов обеспечивалось осваиванием социально-гуманитарными науками естественнонаучного идеала, который являлся единственным образцом научности в то время.

- Антинатуралистическая исследовательская программа в науках об обществе и человеке сформировалась в конце XIX–начале XX вв. *в период между двумя современностями*. К концу XIX века был накоплен собственный опыт социально-гуманитарных наук, поставивший вопрос об их специфике, о формах инонаучности в гуманитарном знании. Это была реакция на господство натурализма и она усилилась в обстановке социального и духовного кризиса, свидетельствующего о проблемах либерального проекта современности. Преобладанию когнитивных факторов в развитии социально-гуманитарного знания была противопоставлена

основополагающая роль социально-культурных факторов в самом процессе познания общества и человека.

- Институционализация наук об обществе и человеке, происходящая с начала XX в., оказала влияние на содержание социально-гуманитарного научного знания: существует естественная согласованность принципов функционирования бюрократического аппарата и построения позитивистского исследования.

- Интенсивная математизация и схематизация наук об обществе и человеке, наблюдавшаяся в 1920–начале 1970-х гг. в эпоху второй организованной современности, явилась следствием масштабного социального (государственного и экономического) планирования. *Социально-политические и экономические структуры стали заказчиками* социально-гуманитарных научных исследований позитивистской направленности. Науки об обществе и человеке обеспечивали научными данными о способах контроля над социокультурной реальностью и одновременно формировали «организованное», технократическое сознание.

- Новый всплеск антинатуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук, произошедший в 1960-е гг., явился интеллектуальной реакцией на господство плановых позитивистских установок. Он опередил анархические социальные движения 1960-х гг., направленные против власти техноструктур, которые ознаменовали начало кризиса второй организованной современности. В 2000-е гг. в эпоху нового Нового времени для незападных стран и национальных моделей модернизации возникновение новых социальных моделей развития, альтернативных западной, привело к активному росту в незападных странах социально-гуманитарных научных исследований антинатуралистической направленности. В то же время незападные страны, отказавшиеся от догоняющей модели модернизации, опирались на антинатуралистические исследования, развивающиеся с 1970-х гг., потому что последние были

способны учитывать фактор культуры, необходимый для нового этапа модернизации.

- Между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук существуют *косвенные и прямые связи*. Косвенная связь означает взаимодействие социальных и когнитивных факторов, опосредованное процессом познания. Прямая связь рассматривается как детерминация когнитивных факторов социальными факторами посредством социального заказа на научное знание определённого типа, содержащее заданные заказом когнитивные структуры.

- Взаимодействие когнитивных и социальных факторов на протяжении всего развития социально-гуманитарных наук осуществляется постоянно, но является различным и зависит от типа общества, в котором формировалось научное знание. Обозначим типологию взаимоотношения когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с выделяемыми типами общества.

В эпоху первой либеральной современности и в период её кризиса на стыке XIX–XX преобладают косвенные связи между социальными и когнитивными факторами развития социально-гуманитарных наук. В этот период общество не является заказчиком определённых когнитивных структур, оно их не детерминирует. Когнитивные структуры научного социально-гуманитарного знания самостоятельно определяются самими учёными. Однако производство и дальнейшее функционирование содержания научного знания является социально обусловленным. Новые исследовательские программы вырабатываются в условиях изменения социокультурной ситуации; научное знание получает социальную интерпретацию, его развитие оказывается зависимым от неё.

В эпоху второй организованной современности 1920–начала 1970-х гг. существует преобладание прямых связей между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук. Политические и экономические системы детерминируют содержание

социально-гуманитарных наук – они становятся заказчиками научного знания, имеющего определённые когнитивные структуры.

В эпоху кризиса второй организованной современности начала 1970–конца 1990-х гг. и XXI в. в эпоху начавшегося третьего модерна – национальных моделей модернизации незападных стран имеет место усложнение типов взаимодействия факторов развития социально-гуманитарных наук. Существует комбинация прямых и косвенных связей между когнитивными и социальными факторами. Часть научного знания продолжает формироваться как социальный заказ политических и экономических систем и содержит заданные когнитивные структуры (прямая связь когнитивных и социальных факторов). В то же время между социальными и когнитивными факторами развития наук об обществе и человеке имеется косвенная связь, опосредованная познавательным процессом. Научные когнитивные структуры не задаются извне, содержание научного знания оказывается самодостаточным, но его развитие стимулируется сложившейся социокультурной ситуацией.

Научно-практическая значимость диссертационной работы определяется научной ценностью и новизной перечисленных результатов.

Научно-практическая значимость результатов исследования связана с возможностью дальнейшего систематического осмысления развития социально-гуманитарных наук. Это позволяет влиять на практическую организацию науки. Диссертация имеет методологическое значение при осмыслении актуальных проблем современности, одной из которых выступают формы социального влияния на развитие социально-гуманитарных наук.

Работа может помочь в разработке обществом стратегии развития социально-гуманитарного научного знания.

На основе проведенного исследования могут быть прочитаны спецкурсы по истории и методологии науки и социологии знания.

Апробация работы. Результаты исследования представлялись на всероссийской конференции «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации» (МИРЭА, г. Москва, 11 ноября 2009г.), а также на заседании круглого стола «Капитализм: меняющийся или уходящий?» (Институт экономики РАН, г. Москва, 30 марта 2011).

Существенные положения диссертационного исследования излагались автором на заседаниях сектора социальной философии Института философии РАН.

Результаты диссертационной работы были опубликованы в ряде научных статей автора (список публикаций представлен в конце автореферата). Диссертационная работа обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора социальной философии Института философии РАН.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

Глава I. Социальные и когнитивные факторы развития науки как методологическая проблема

1.1. Определение когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук

Прежде чем приступить к фиксации когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарного научного знания, следует выявить уже существующие способы решения данной проблемы для науки в целом, безотносительно видов научного знания. Это необходимо сделать для очерчивания горизонта интерпретации взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития науки.

Проблема факторов развития, движущих научную мысль, – это проблема XX столетия. До XX столетия подобной проблемы не существовало, поскольку было практически общепризнано, что главным и единственным фактором эволюции науки является эволюция человеческого

познания. Считалось, что научное познание направлено, во-первых, на постижение истины и, во-вторых, на решение проблем человечества и что, в конечном счёте, эти две цели накладываются друг на друга. Другими словами, исповедовалась вера в то, что прогресс научной мысли естественным образом накладывается на прогресс человеческого общества. Родоначальником такой точки зрения выступил учёный и мыслитель Нового времени Ф. Бэкон, когда сказал, что «знание и могущество человека совпадают»³.

Утверждение конечного совпадения потребностей науки и потребностей общества закрепились в эпоху Просвещения. Оно основывалось на интерпретации научной деятельности по поиску истины как естественной способности человека, развиваемой в рамках столь же естественного прогресса человеческого общества. Современный британский социолог науки Д. Блур объясняет теорию автономного познавательного процесса существованием телеологического взгляда на знание и рациональность: «...Истина, рациональность и обоснованность являются естественной целью человека». Данная позиция опирается на следующее умозаключение. Поскольку человек является рациональным животным и его познавательные способности заточены под поиск истины, то научное познание как высшая точка человеческого познания направляется требованиями разумности⁴. В эпоху Просвещения общество и разум обретают новое понимание. Общество начинает пониматься как проект разумных людей и продукт их разумной деятельности. Общество становится социальным воплощением разума, в то время как когнитивной ипостасью разума становится научное знание.

Возникший в XX столетии экстернализм поставил под сомнение естественный характер развития научного мышления и, соответственно, его природную гармоничность с развитием общества. Экстернализм

³ Бэкон Ф. Новый органон. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. С. 12

⁴ См. Блур Д. Сильная программа в социологии знания//Логос №5-6 (35), 2002. СС. 162-185

сосредоточил своё внимание на влиянии внешних социальных структур на внутреннюю организацию научного исследования. Интернализм, в отличие от экстернализма, объяснил связь научного знания и вненаучных социальных процессов общими внутренними структурами человеческого мышления. Дальнейшие многочисленные социологические исследования показали определённую зависимость развития научного знания от конкретного социального контекста. Таким образом, речь зашла о существовании взаимосвязи между структурами общества и содержательными аспектами научного знания.

Из всего многообразия существующих вариантов исследования данной проблематики для получения полноценного и обоснованного решения поставленной задачи нам следует непосредственно обратиться к их сопоставлению между собой и к выяснению характера их взаимодействия в перспективе социальной философии.

В настоящий момент различие, проводимое между когнитивными и социальными, внутренними и внешними факторами развития науки, не подразумевает их противопоставления друг другу. Современные исследователи, к примеру, в области когнитивной культурологии склонны видеть в непрерывном соотнесении сферы когнитивного и культурного решение многих научных проблем⁵. Специалист в области социальной эпистемологии И.Т. Касавин выделяет три типа взаимосвязи социальности и знания. «Внутренняя социальность» познания присуща когнитивной активности человека и заложена формами деятельности и общения; она является социальным продуктом, т.е. существует благодаря образованию и опыту, которые получает человек на протяжении жизни в социуме. «Внешняя социальность» характеризуется зависимостью знания «от состояния общественных систем...», которые «формируют требования к знанию и критерии его приемлемости», транслируют образы и аналогии, используемые современным обществом. «Зависимость от социальных

⁵ См., к примеру, *Режабек Е.Я., Филатова А.А.* Когнитивная культурология. – СПб.: Алетейя, 2010. – 316с.

институтов – политических, экономических, религиозных и пр. – также характеризует внешнюю социальность знания»⁶. «Открытая социальность» знания, согласно И.Т. Касавину, определена включением знания в культурную динамику, взаимодействием различных культурных форм и типов⁷.

Предложенная типология снимает острое противоречие между когнитивным и социальным. Но для исследования взаимодействия внутренних и внешних элементов научного знания необходимо, насколько это возможно, их противопоставить, чтобы затем продемонстрировать взаимосвязь между ними. Это составляет методологическую проблему исследования взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития науки. Предполагая, что когнитивное и социальное находятся в таком глубоком взаимодействии друг с другом, что они перетекают из одного в другое, в отношении развития науки необходимо их максимально разделить. Ввиду наличия подходов, фактически снимающих противоречие между когнитивным и социальным, необходимо постоянно иметь в виду, что реконструирование когнитивных и социальных факторов развития науки, а также их взаимодействия, носит искусственный характер, когда заведомо пренебрегается их мгновенным перетеканием друг в друга (которое невозможно зафиксировать) либо их тождеством (которое невозможно продемонстрировать).

Мы обозначим, что когнитивные факторы науки – это движущие силы научного познания, заложенные в самом научном познании и ограниченные предметом и логикой научного исследования. Действие когнитивных факторов демонстрирует внутренний, имманентный характер научного познавательного процесса. К когнитивным факторам мы относим онтологию науки, когнитивные универсалии и методологию научного исследования.

⁶ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: к истории и постановке проблемы//Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. – М: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. С.9

⁷ Там же.

К когнитивным факторам развития научного знания относится исследуемая реальность – онтология науки. Исследование онтологии (которая составляет объект научного изучения) предполагает выявление фундаментальных объектов действительности, их типологию, вскрытие общих закономерностей взаимодействия, а также анализ пространственно-временной структуры реальности⁸. Среди философов и методологов науки существуют две ключевые точки зрения на научную онтологию. Она рассматривается как реальность в прямом смысле слова (и тогда объекты реальности непосредственно фундируют содержание социально-гуманитарного научного знания) и как картина реальности (которая, существуя в головах учёных и формируя направления научной деятельности, также определяет содержание научного знания об обществе и человеке). Помимо констатации неразрешённости спора конструктивизма и реализма⁹, в отношении научной онтологии необходимо отметить перцептивную избирательность (термин А. Гоулднера) онтологических оснований. Вне зависимости от того, существуют или нет исследуемые объекты в реальности, социально-гуманитарные учёные работают с ней избирательно и выбирают («вырезают» в ней) произвольно отобранные онтологические основания¹⁰.

К когнитивным факторам науки относятся когнитивные универсалии, познавательные клише, которыми мыслит учёный как любой человек, получивший воспитание и образование в обществе (таким образом, они относятся к т.н. «внутренней социальности» знания). Когнитивные клише являются универсальными составляющими любого вида знания, поскольку восприятие посредством них реальности заложено в человеческую природу (как априорные формы чувственности и рассудка, по И. Канту). Поэтому когнитивные универсалии служат мощными факторами развития научного

⁸ Стёпин В.С. Основания науки и их социокультурная соразмерность//Наука в культуре. М., 1998. С.71.

⁹ См. подробнее о способах разрешения данной проблемы: Лекторский В.А. Предисловие//Познание, понимание, конструирование/ Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2007. СС. 3-29

¹⁰ См. подробнее Хазова Ю.В. Изменение социально-гуманитарных наук и понимание онтологии//Меняющаяся социальность: контуры будущего/ Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 2012. СС. 29-48

знания. К когнитивным клише относятся законы логики, которые в научных текстах присутствуют как внутренняя форма мышления или внутренний (логический) фон (Г.Г. Шпет, Б.И. Пружинин¹¹); язык как структура категорий мышления, а также способ репрезентации и актуализации реальности (П. Бергер, Т. Лукман, А. Гоулднер и мн.др.). В качестве познавательной универсалии выступают «мифические» компоненты научного знания – представления, которые невозможно проверить. Например, представление о том, что для всего происходящего можно указать определённые основания, предшествующие ему во времени, причинно связанные с ним и, по крайней мере, частично объясняющие его, а также представление, связывающее воедино единичное и общее (В. Депперт¹²). Познавательной универсалией является вера в возможность самого познания (А.В. Нестерук); ценности, которые в каждом конкретном случае акта познания руководят выбором существенного из всей представленной действительности и указывают на наличие благ, которыми либо являются сами объекты изучения, либо объекты предполагают эти блага (Г. Риккерт). Познавательной универсалией также является норма, образец, стандарт, служащие критерием для квалификации какого-либо явления, в том числе относящегося к науке (В.А. Окладной¹³). Среди составляющих научного когнитивного аппарата выделяются семиологические механизмы и семантические структуры – нарративные, дескриптивные механизмы, метафоры, метомимии, грамматические времена, способствующие созданию «эффекта реального», принципы классификации, пороги различения и т.п. (Н.Е. Копосов¹⁴). Также когнитивной универсалией служит существование

¹¹ См. Пружинин Б.И. Между контекстом открытия и контекстом обоснования: методология науки Густава Шпета//Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. – М: Языки славянских культур, 2006. С. 144

¹² См. Депперт В. Мифические формы мышления в науке//Наука в культуре/ Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. СС. 261-266.

¹³ Окладной В.А. Возникновение и соперничество научных теорий. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. СС. 10-13

¹⁴ См. подробнее Копосов Н.Е. Что такое критика социальных наук? [Электронный ресурс]// Журнал Социологии и социальной антропологии. 1999 год, том II, выпуск 3. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/3/4kopos.html>

научной проблемы, некоего гносеологического конфликта, драматической компоненты знания, и мн.др.

К когнитивным факторам развития социально-гуманитарных наук относится способ исследования реальности – метод, а также совокупность способов исследования реальности – методология. Далее мы подробно проанализируем данный когнитивный фактор.

Что касается социальных факторов развития социально-гуманитарных наук, то для того, чтобы их выявить, мы намеренно абстрагируемся от всепроникающей, «внутренней», по И.Т. Касавину, социальности, подразумевающей пронизанность ею всех феноменов жизни общества и человека, включая все виды знания. Мы сосредоточимся на «внешней» и «открытой» социальности и выделим социокультурные, макросоциальные и микросоциальные факторы развития социально-гуманитарных наук. Под социальными факторами развития науки мы будем понимать движущие силы научного познания, формирующиеся в обществе и культуре и определяющие характер научного познания либо отдельные его черты.

Само возникновение социально-гуманитарных наук в истории человечества является случайным социокультурным событием (в обратном случае, если бы социально-гуманитарные науки были когнитивно необходимы, они бы существовали всегда на всём протяжении человеческой истории). Возникновение наук об обществе и человеке было обусловлено специфической социокультурной ситуацией, в которой зарождалось современное западное общество (само представляющее собой социокультурный феномен) на рубеже XVIII–XIX вв. на закате эпохи Просвещения. В то время содержание научного знания об обществе и человеке, несмотря на его научный (всеобщий) статус, часто варьировалось от региона к региону. Как пишет российский социолог В.Я. Ядов, национальные социологии, уже существовавшие в конце XIX–начале XX вв., были призваны решать конкретные национальные задачи, и вследствие этих объективных обстоятельств содержание их знания было различным.

Американская социология, ориентированная на прагматизм, решала «конкретные американские проблемы»; английская социология (антропология) углублённо исследовала колонизированные народы Африки и Азии и т.п.¹⁵. Таким образом, содержание научного знания и его направленность несут на себе печать социокультурных феноменов. Их присутствие легко распознать по ссылке на региональные особенности изучаемого феномена (в социологии это, например, изучение специфики российского, американского общества и т.п.). К социокультурным факторам относятся специфические социальные, политические и культурные процессы, определяющие не только проблематику исследования, но и интенсивность социально-гуманитарных исследований. Они свидетельствуют о специфике обращения к научным данным со стороны конкретного общества и государства, об особенностях социально-политической и экономической ситуации, влияющей на финансирование научных исследований, на социальный статус учёного и т.д.¹⁶. Итак, социокультурные факторы определяют специфику развития социально-гуманитарных наук. Социокультурные факторы, сформировавшиеся в Западной Европы и Америке, сделали возможным зарождение наук об обществе и человеке.

Философ науки К. Поппер в своих исследованиях упоминает социокультурные факторы развития науки. Он говорит о том, что в краткосрочной перспективе социокультурные (в терминологии Поппера

¹⁵ Ядов В.А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=881. Однако, другой российский социолог А.Г. Здравомыслов замечает, что «национальное культурное влияние не является однозначным фактором в выборе определения и интерпретации социальной реальности и исследовательской стратегии в рамках собственно социологии, главным образом в силу того, что это влияние само по себе исключительно многообразно и разнонаправлено». См. *Здравомыслов А.Г.* Поле социологии в современном мире. М: Логос 2010. С. 36. Можно провести историческую параллель с психологической наукой. Как пишут английские исследователи Ф. Тайсон, Д. Джонс и Дж. Эллок, «немецкая психология начиналась как наука о психике, а в США она быстро стала наукой о поведении». Указанные авторы напрямую связывают этот факт с социальным контекстом развития психологии. См. *Tyson P.J., Jones D., Elcock J.* Psychology in Social Context: Issues and Debates. BPS Blackwell Publishing, 2011. P. 10 В настоящее время нельзя утверждать, что интеллектуальные традиции более не актуальны для социально-гуманитарных наук, в частности, в российской психологии до сих пор деятельностный подход к изучению психики является одним из самых значимых, каковым он был в советский период. Но в целом можно констатировать, что соотношение научных школ в психологии в различных развитых регионах приблизительно совпадает.

¹⁶ Показателем, как мы считаем, здесь выступает среднее значение, взятое у развитых западных стран, активно использующих научные данные в общественной деятельности (Великобритания, США, Германия, Франция, Швеция и т.д.).

«социальные») факторы в виде конкретных практических проблем играют какую-то роль в построении и даже в определении сущности социально-гуманитарного научного знания. Но в долгосрочной перспективе, перерастая в теоретические проблемы, они отходят от своей конкретности и практичности в узком смысле слова, становятся абстрактными и растворяются в существе научной проблемы¹⁷. Т.е. после возникновения наук об обществе и человеке по прошествии некоторого времени по мере распространения западных стандартов социокультурные факторы, вызвавшие их к жизни, имеют тенденцию элиминироваться, сглаживаться в своей уникальности и неповторимости. По мере распространения уникальность внешне теряет своё качество, хотя и сохраняет его в скрытом виде. Социокультурные факторы превращаются в объективные социальные факторы, универсальные для любого места и времени и стабилизирующие равномерный рост социально-гуманитарного научного знания. Именно в этом ключе разрешается вопрос о национальной науке. Как пишет В.Я. Ядов, в настоящее время, в эпоху глобализации, когда экономические и информационные процессы общемирового характера ставят единые социальные задачи, само социальное унифицируется и возникает необходимость в «гранд-теории», должным образом его описывающей и объясняющей¹⁸. Итак, констатируется постепенное ослабление действия социокультурных факторов в связи с унификацией общества. Происходит усиление универсальных социальных факторов (согласно выявленной обратной зависимости социокультурных и социальных факторов).

Развитие современной науки невозможно без воздействия унифицированных социальных факторов. В связи с тем, что современное общество с каждым днём становится всё более глобальным, постепенно исчезают специфические научные проблемы, спровоцированные социокультурными условиями. Их место занимают универсальные

¹⁷ См. *Поннер К.* Логика социальных наук//Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. СС. 300-305

¹⁸ *Ядов В.А.* Для чего нужна сегодня национальная русская социология? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=881.

проблемы, с которыми сталкивается глобальное общество. Так, при росте городов возникает потребность в решении возникающих социальных проблем (перенаселённость, рост преступности и др.), промышленный переворот влечёт за собой изменения, которые нуждаются в специальном осмыслении (трансформация видов труда, его условий и др.) и т.д. Научное знание (по К. Попперу, максимально абстрагированное от конкретной ситуации – а это возможно только при условии, что общество предельно идентично, т.е. по-настоящему глобально) стремится быть универсальным способом решения глобальных социальных проблем. Помимо вовлечённости в структуру современного общества и выполнения социального заказа на предоставление достоверных данных об обществе и человеке, успешное функционирование социально-гуманитарных наук требует наличия социальных условий научной деятельности. К таким условиям (и они являются универсальными для нормального функционирования научной деятельности) относятся система финансирования науки, институт воспроизводства научных кадров, поддерживаемый в обществе престиж науки и т.д. Чтобы не путаться в терминах, мы обозначим второй тип социальных факторов как макросоциальные факторы.

Мы выделяем два вида макросоциальных факторов. Первый вид – это система прямых и косвенных социальных заказов. Социальный заказ возможен в обществе определённого типа, которое нуждается в научном знании и в котором научное знание об обществе и человеке встроено в его структуру, является его неотъемлемым элементом. Второй вид социальных факторов – это система социальных условий, обеспечивающих функционирование научной деятельности. При этом необходимо иметь в виду, что последний из перечисленных факторов, будучи важным и действующим, является зависимым от первого: только при существовании налаженной системы социального заказа на научное знание (т.е. востребованности научного знания) ему будут предоставляться условия для социального воспроизводства. Под макросоциальными факторами развития

социально-гуманитарных наук мы будем понимать события и процессы, которые, изначально¹⁹ не принадлежат к сфере научного знания и не являясь научным способом получения научного знания, стимулируют его производство посредством системы социального заказа и тем самым обуславливают воспроизводство научной деятельности.

Третий тип социальных факторов – микросоциальные факторы, которые изучаются социологией науки по преимуществу методом анализа отдельных эпизодов истории науки – методом case studies. При таком подходе социальные обстоятельства, выявленные посредством эмпирического исследования отдельного эпизода истории науки, приобретают случайный характер. Их случайность обусловлена тем обстоятельством, что интересы, традиции, профессиональные навыки научного сообщества не заданы автоматически самим фактом их отношения к сфере научного сообщества, а определяются конкретными людьми и конкретной социокультурной ситуацией. Поэтому в совокупности микросоциальные факторы всегда разнятся между собой и под них нельзя провести какую-либо закономерность.

Итак, к когнитивным факторам развития науки нами были отнесены онтологические основания, когнитивные универсалии и методология исследования. Среди социальных факторов развития науки были выделены социокультурные, макросоциальные и микросоциальные факторы.

¹⁹ Здесь необходимо иметь в виду одну фундаментальную особенность социально-гуманитарных наук, отмеченную В.Г. Федотовой. В науках об обществе и человеке объект и субъект познания совпадают: объект «не просто выделен практикой, а дан не иначе, как деятельность людей». См. *Федотова В.Г. Социальная обусловленность общественно-научного знания как методологическая проблема: дис. докт. филос. наук/ ИФРАН. – М., 1986. С.143.* Социально-гуманитарные науки изучают деятельность людей, которая продуцирует социальность и одновременно является продуктом социальности. Немаловажным является факт рефлексии социально-гуманитарных наук над сознательной деятельностью людей. Деятельность и сознание являются одновременно и способом существования объектов исследования наук об обществе и человеке, и способом их познания социально-гуманитарными учёными. Эта дуальность социально-гуманитарных наук создаёт дополнительные сложности для методологического исследования самих социально-гуманитарных наук. Любой объект социокультурной действительности может одновременно выступать как когнитивным фактором развития наук об обществе и человеке, так и социальным фактором. Поэтому, имея в виду данную особенность, мы оговариваем, что, не будучи изначально включённым в научную онтологию, социальное явление или процесс формально находится вне сферы научного познания и потому является социальным фактором развития социально-гуманитарных наук.

1.2. Специфика социально-философского подхода к исследованию наук об обществе и человеке

Выявив разновидности социальных и когнитивных факторов, способствующих развитию социально-гуманитарных наук, обратимся к вопросу их взаимодействия в перспективе социальной философии. Социальная философия исследует развитие социально-гуманитарных наук в контексте изменения общества, когда при изменении общества меняется взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития научного знания. Под таким углом зрения социальная философия исследует развитие социально-гуманитарных наук с точки зрения эволюции их социального бытия, развёртывающегося внутри логики бытия всей общественной жизни и являющегося одним из его проявлений. Социально-философский анализ предполагает анализ «субстанциальной основы общественной жизни, которая придаёт социетальные свойства её различным проявлениям» (К.Х. Момджян). Поскольку социальная философия занимается изучением социального во всеобщей форме, из нашего анализа выпадают микросоциальные, конкретные факторы, не поддающиеся универсализации и обобщению. Социально-философскому анализу могут быть подвергнуты общезначимые макросоциальные факторы, действующие в любом обществе, в котором развиваются социально-гуманитарные науки, и потому поддающиеся обобщающему анализу. Также социально-философскому анализу могут быть подвергнуты социокультурные факторы, определяющие специфику зарождения научного знания, которая впоследствии автоматически распространилась на всё научное знание.

Что касается когнитивных факторов, способствующих развитию наук об обществе и человеке, то в них ключевой характеристикой должно быть наличие динамики изменений, которую предполагает понятие «развития». Рассмотрим с этой позиции когнитивные факторы. Онтология науки в своей сущности представляет собой статическую область, срез содержания научного знания, хотя и в ней может быть прослежена динамика изменений

(появление одних онтологических объектов и исчезновение других), совпадающая с развитием общества. Равным образом это относится к когнитивным универсалиям, «трафарету» познавательного аппарата, данному учёному в силу его принадлежности человеческому роду, но изменяющемуся под действием интеллектуальной моды. В этих двух факторах динамика изменений носит либо вторичный, либо неочевидный характер. В третьей разновидности когнитивных факторов, методологии, смена методологических программ исследования является очевидной и неотъемлемой частью истории науки и выступает одной из её существенных черт. Исторический характер методов и методологий будет служить социально-философской предпосылкой нашего исследования²⁰.

Отечественный философ и методолог науки В.Г. Федотова обосновала, что в настоящее время в социально-гуманитарных науках одновременно используются натуралистическая и культур-центристская (термины В.Г. Федотовой), или позитивистская и интерпретативистская исследовательские программы. Этим одновременным использованием двух противоположных исследовательских программ в социально-гуманитарных науках достигается гуманитарная адекватность, состоящая в том, «чтобы к одному и тому же объекту подходить с точки зрения двух стратегий. ...Гуманитарное научное знание может быть получено о любом объекте путем методически заостряемого интереса к его субъектной природе и жизненно-смысловому содержанию; социальное знание может быть получено о любом объекте путем намеренно-методически подчеркиваемой его объективности и наличия в нем закономерностей»²¹. Из принятия принципа гуманитарной адекватности в социально-гуманитарных науках следует несколько выводов. Первый вывод связан с равноценностью двух методологий исследования.

²⁰ Методология и онтология науки неразрывно связаны, и поэтому по ходу изучения методов исследования социально-гуманитарных наук мы будем обращаться к онтологическим объектам, которые предполагаются существующими в той или иной методологии конкретной социально-гуманитарной науки. Но данное обращение не является целью нашей работы.

²¹ Федотова В.Г. Эволюция классической концепции истины под влиянием социально-культурной обусловленности // Проблема метода в социально-гуманитарном познании/ Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: Институт философии АН СССР, 1989. С. 13

Поскольку в абсолютно каждом объекте исследования социально-гуманитарных наук можно выделить как закономерность, т.е. вписанность в объективную действительность, так и уникальность, наделяемую определёнными, присущими только данному объекту смыслами, то каждая методологическая исследовательская программа имеет равноценный гносеологический статус. Из равноценного гносеологического статуса следует, что обе методологии исследования должны быть представлены одновременно и распределены равномерно, т.е. должен наблюдаться некий постоянный когнитивный методологический баланс.

Экономист Дж.Н. Кейнс в конце XIX в. отмечал, что методы разных научных школ, часто соперничающих между собой, очень похожи, и это, казалось бы, служит подтверждением мысли о перманентной равноценности методов. «Необходимо, однако, иметь в виду, что на самом деле в произведениях лучших экономистов той и другой школы нельзя найти такой резкой противоположности. В сущности, применяемые ими методы, – когда они действительно рассуждают об одних и тех же вопросах, – в значительной степени однородны. Но они расходятся во взглядах на относительную важность различных сторон своего труда, в формальных же заявлениях относительно метода эти различия получают преувеличенный вид»²². Однако сказанное Кейнсом относится именно к методам, а не к методологическим исследовательским программам. Если методы, используемые различными научными школами, изучающими один и тот же предмет, в самом деле, могут различаться лишь формально, а по существу быть схожими, то методологические исследовательские программы демонстрируют принципиально различные способы отношения к действительности.

В области методологии социально-гуманитарных наук вплоть до 1960-х гг. наблюдается не плюрализм и равноценность, а доминирование, но не отдельных методов, а исследовательских программ, объединяющих эти методы, при отсутствии постоянного когнитивного методологического

²² Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. – М.: Типография И.А. Баландина, 1889. С.9

баланса. Данный тезис будет обосновываться на протяжении всего нашего исследования. Выделенные В.Г. Федотовой исследовательские программы – натуралистическая и культур-центристская (или антинатуралистическая) – являются ключом к рассмотрению социально-гуманитарного научного знания, поскольку их противостояние явилось мощным фактором развития социально-гуманитарных наук: «В XX в. противоречие этих двух исследовательских программ явилось одним из источников движения методологического знания, а также самих наук»²³. Указанное противоречие выражается в том, что происходит доминирование какой-либо методологической тенденции либо переход от одной исследовательской программы к другой. Причём, и мы это продемонстрируем, такое доминирование или переход случаются практически одновременно в различных социально-гуманитарных дисциплинах.

Ситуацию в науке, когда одно методологическое направление оказывается преобладающим, нельзя оценивать однозначно, но следует эксплицировать предпосылки, на основании которых такая оценка становится возможной. Если некоторая совокупность методов всегда наилучшим образом вскрывает принципы функционирования человеческой реальности, то естественное преобладание данной совокупности методов, а также количественное превалирование её приверженцев, свидетельствует о научном прогрессе. Тогда методологическое доминирование ускоряет процесс получения научного знания, служит основанием для психологической уверенности учёных в его истинности, что, в свою очередь, также является когнитивным фактором развития науки. Если же реальность может быть изучена способами, эквивалентными по своему познавательному статусу, то доминирование одного из них при отсутствии постоянного когнитивного баланса автоматически переносит решение данной проблемы из внутринаучного во вненаучный пласт. В таком случае доминирование

²³ Федотова В.Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук//Социальные знания и социальные изменения. Под ред. В.Г. Федотовой. – М.: ИФРАН, 2001. С 63

одной из методологических исследовательских программ будет автоматически свидетельствовать о существовании прямого и/или косвенного социального заказа на научное знание определённого вида, адекватно отвечающего на потребности организации социально-практической деятельности или, шире, жизни общества в целом. Смена методологических тенденций будет служить идентификатором изменений жизни социума и, соответственно, возникновения новых общественных потребностей в научном знании.

Поскольку социальные и когнитивные факторы постоянно испытывают взаимное влияние друг на друга, взаимодействие может быть раскрыто между всеми видами когнитивных и социальных факторов. Так как наше исследование ограничено пространственно-временными и тематическими рамками, мы затронем лишь некоторые аспекты этого взаимодействия. Нами будет проанализировано воздействие социальных факторов на когнитивные факторы развития социально-гуманитарных наук, что также подразумевает под собой взаимодействие, поскольку в этом случае когнитивные факторы испытывают воздействие социальных и также участвуют во взаимодействии. В силу указанных выше причин мы сможем лишь затронуть вопрос воздействия когнитивных факторов на социальные, когда наука формирует сознание людей. В стороне от нашего рассмотрения также останется такая обширная тема, как обратное влияние общества, изменившегося под воздействием научного знания, на дальнейшее развитие науки. Это – вторичные факторы развития науки, мы их сознательно опустим и рассмотрим только первичные, хотя понимаем, что без обратной реакции общества на науку развитие последней невозможно. Мы будем исходить из следующей предпосылки: если социально-гуманитарные научные исследования получают активное развитие, то в обществе имеется потребность в данном знании.

Итак, учитывая специфику социально-философского подхода, мы пришли к выводу, что исследованию могут быть подвергнуты лишь те

факторы, которые поддаются обобщению – общезначимые социальные факторы. Поскольку изучение развития социально-гуманитарных наук предполагает детектирование динамики изменения их состояния, и в наиболее очевидной форме она прослеживается в методологии наук об обществе и человеке, то в рамках социальной философии исследуются методологические тенденции социально-гуманитарных наук, вписанные в процесс глобального социального развития. В отличие от социальной эпистемологии (ищущей когнитивные инварианты социального и научного), науковедения (сосредоточенного на изучении методологии и содержания научного знания) или социологии науки (обнаруживающей связь между социальными отношениями, складывающимися внутри исследовательского коллектива или научного сообщества, и результатами научных исследований), социальная философия направлена на изучение целостности социально-гуманитарного научного знания и внутренних системных характеристик общества, свидетельствующей о единстве социального бытия. Поэтому социально-философскому исследованию подвергаются связи между макросоциальными и методологическими тенденциями, между динамикой развития методов и динамикой развития общества.

ВЫВОД ПО ГЛ. I. Анализируя современные научные данные об обществе и человеке, невозможно получить представление о развитии социально-гуманитарных наук на всём протяжении их существования, точно так же, как нельзя понять современное общество, не зная его предысторию и основываясь лишь на знании принципов функционирования имеющихся в данное время социальных институтов. Чтобы определить сущность социально-гуманитарного научного знания, необходимо исследовать его развитие. Но исследование развития науки невозможно без экспликации факторов, влияющих на него.

Разграничение когнитивных и социальных факторов эволюции научного знания об обществе и человеке неизбежно носит условный характер в силу социальной природы самого познания. Имея в виду изначальное

совпадение когнитивного и социального, тем не менее, возможно продемонстрировать их последующее разделение и взаимодействие уже в разделённом виде.

К когнитивным факторам, принадлежащим сфере научного мышления, движущим целенаправленным и сознательным производством научного знания и определяющим его характер, относятся когнитивные универсалии, научная онтология и научная методология. Когнитивные универсалии заложены в восприятие человеком реальности. Набор онтологических оснований, составляющих объекты познания, задаёт определённую логику и направленность дальнейшего научного поиска. Методология представляет собой совокупность научных способов исследования реальности.

Среди социальных факторов выделяются социокультурные, макросоциальные и микросоциальные факторы. Социокультурные факторы науки носят случайный характер и определяют специфику развития научного знания. Макросоциальные факторы являются унифицированными источниками движения науки и включают систему социального заказа на решение универсальных проблем, с которыми сталкивается общество, и систему социальных условий, обеспечивающих функционирование научной деятельности. Микросоциальные факторы определяются конкретными условиями осуществления научной деятельности в исследовательском коллективе.

Социально-философский подход к исследованию социально-гуманитарных наук предполагает выявление типологии целостного исторического развития науки и общества. Систематическому анализу динамики развития научного знания могут быть подвергнуты универсальные процессы общемирового масштаба (макросоциальные факторы) и методологические тенденции исследования реальности.

Доминирование одной из исследовательских программ – натуралистической и антинатуралистической – при существовании их равноценного гносеологического статуса и отсутствии постоянного

когнитивного методологического баланса переносит решение данной проблемы из внутринаучного во вненаучный пласт. Доминирование одной из методологических исследовательских программ или смещение методологических тенденций исследования социальной реальности и человека свидетельствует о воздействии социальных факторов на развитие научного знания об обществе и человеке определённого вида, адекватно отвечающего на потребности организации социально-практической деятельности или, шире, жизни общества в целом.

Глава II. Развитие социально-гуманитарных наук в XIX–начале XX вв.: эпоха первой либеральной современности

2.1. Интеллектуальные и социальные предпосылки формирования наук об обществе и человеке

Прежде чем приступать к анализу развития социально-гуманитарных наук, необходимо раскрыть ключевые когнитивные предпосылки, способствующие их зарождению и сформировавшиеся в определённом социальном контексте до начала эпохи первой либеральной современности, а также рассмотреть роль метода в науках об обществе и человеке и выявить вненаучные когнитивные компоненты социально-гуманитарного научного знания.

К концу XVIII столетия в сознании образованных людей произошёл перенос рациональности природы на рациональность социального. Естественнаучный идеал явился главным когнитивным фактором развития наук об обществе и человеке, одной из ключевых предпосылок их возникновения. Он сложился под воздействием определённых социокогнитивных процессов, которые происходили в Западной Европе в эпоху Возрождения, Реформации и Просвещения. Образование естественнаучного идеала было результатом сдвигов в человеческом мышлении, происходящих в определённую социальную эпоху. В развитии естественнаучных представлений когнитивное и социальное оказываются

неразрывно связанными друг с другом. Постулируя такую взаимозависимость, как отмечает отечественный специалист в области философии и методологии науки Л.М. Косарева, мы сталкиваемся с неразрешимой пока проблемой интернализма и экстернализма. Мы не можем указать, какое конкретно событие в социальной жизни способствовало формированию той или иной научной когнитивной структуры (проблема экстернализма). В то же время мы не можем объяснить, почему то или иное научное представление возникло или получило развитие именно в одну определённую социальную эпоху, а не в другую (проблема интернализма). Поэтому чтобы рассмотреть историю формирования естественнонаучного идеала, который повлиял на становление социально-гуманитарных наук, мы кратко, насколько позволяет пространство диссертационного исследования, проследим эволюцию научного понимания природы.

Является общепризнанным, что зарождение современного естественнонаучного идеала произошло в эпоху Нового времени. Российский философ и историк науки П.П. Гайденко пишет, что именно в эпоху Нового времени происходит переосмысление понятия природы, которое сложилось в Античности и сохранялось в Средние века. С середины XVI и до конца XVII вв. происходит пересмотр фундаментальных принципов познания, просуществовавших на протяжении почти двух тысячелетий: «снимаются жесткие разделения между естественным и искусственным», «небесным и земным мирами»; «снимается непреходимый водораздел между математикой и физикой» и «отменяется... теория четырех причин: в науке признаются только механические, а не телеологические и формальные причины»²⁴.

П.П. Гайденко выделяет три интеллектуальных течения, которые повлияли на формирование науки Нового времени – это христианство, герметизм и Реформация. Античные представления о естественном как о

²⁴ Гайденко П.П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания//Философско-религиозные истоки науки / Отв. ред. П.П. Гайденко. – М.: Мартис, ИФ РАН, 1997. С. 45

природном, а об искусственном как о сделанном руками (артефакте) были замещены на представления, отождествляющие естественное и искусственное (природу и машину) на основании христианского понимания мира как сотворённого Богом и потому уже имеющего «искусственный» характер. Поэтому, согласно П.П. Гайденко, становится возможным снятие грани «между физикой как наукой о природе и механикой как искусством, создающим то, чего недостает в природе, грань, столь характерную для античного мышления»²⁵. Становится возможным применение математических истин к познанию природы, поскольку они равно созданы Богом. Так стирается различие между надлунным и подлунным миром, не мыслимое для эпохи античности. В связи с тем, что до произошедшей концептуальной революции христианство просуществовало на протяжении полутора тысяч лет, возникает закономерный вопрос, почему данная революция не произошла раньше? Как считает П.П. Гайденко, для христианских теологов между божественным и человеческим пролегла пропасть в силу человеческой греховности, глубоко осознаваемой и в эпоху эллинизма, и в эпоху Средних веков. «Острота переживания первородного греха, видимо, помогала сохранять то чувство огромной дистанции между небесным и земным, которое на протяжении всего средневековья оставляло незабываемой античную картину мира, с разделением его на небесный и земной, каждый из которых подчинен особым законам, картину мира, служившую предпосылкой античной и средневековой физики»²⁶. Между тем, продолжает П.П. Гайденко, как противовес чувству греховности должен был выступить сильный догмат о Боговоплощении, «ослаблявший... противопоставление небесного и земного»: «тем самым Небо как бы спущено на землю, или, что то же самое, земля поднята на Небо»²⁷.

Тем не менее, чувство греховности перевесило догматы о творении и о Боговоплощении, следовательно, делает вывод П.П. Гайденко, в

²⁵ Там же. С. 52

²⁶ Там же. СС. 54-55

²⁷ Там же. С. 55

христианском мировоззрении не хватало каких-то важных предпосылок, позволявших, элиминировав чувство греховности, приравнять небо и землю. Это было совершено посредством интеллектуальных течений неоплатонизма и герметизма, расцветших в эпоху Возрождения в XV–XVI вв. Также «вместе с герметизмом возрождались и связанная с ним гностическая традиция, никогда полностью не умиравшая и в средние века, но теперь получившая широкое распространение»²⁸. Эзотерико-окультистские учения, в отличие от христианской теологии, проповедовали божественную (нетварную) сущность человека и веру в возвращение человека в состояние невинности посредством магических средств, очищающих его от первородного греха. «Очистившийся от греховной скверны человек становится вторым Богом. Без всякой помощи и содействия свыше он может управлять силами природы...»²⁹. В гностицизме также утверждалось, что без особой духовной практики и аскезы, а только посредством знания можно взойти к Богу и, раскрыв все тайны мироздания, «стать вторым творцом, преобразующим природу и господствующим над ней»³⁰. Таким образом, в эпоху Возрождения произошло изменение общемировоззренческой установки сознания. Образ Человека-Бога, земного Бога, исполненного титанического могущества, ослабил чувство греховности и акцентировал идею могущества человека, божественной силы его интеллекта и идею господства человека над природой – идеи, которые пережили критику оккультизма и эзотерики в период Реформации.

В эпоху Нового времени подверглись пересмотру понимание целей в природе: понятие цели было устранено при изучении природы (фундаментальная особенность становящейся механики), но оно сохранилось в метафизике, изучающей природу духа и души, которые, как объяснял Лейбниц, действуют свободно и свободно полагают цели в противовес телам, механически следующим законам действующих причин. Однако, замечает

²⁸ Там же. С. 57

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 58

П.П. Гайденко, «в эпоху Просвещения, когда началась критика метафизики со стороны ученых-естествоиспытателей, а также философов, настроенных позитивистски и возвестивших победу материализма — Эйлера, Мопертюи, Кейла, Ламеттри, Даламбера, Гольбаха... понятие цели устранялось отовсюду; возникло даже стремление понять человека как полностью детерминированного внешними обстоятельствами, “средой”, т.е. цепочкой “действующих причин”: появилась “философия обстоятельств” как проекция механики на науки о человеке»³¹.

Существенный вклад в развитие науки был внесён протестантским акцентом на божественной воле, а не на божественном разуме. Полагая, что «Бог сначала своей волей творит вещи, а уже затем в Его уме возникают идеи как репрезентации этих вещей»³², протестанты, согласно П.П. Гайденко, обосновали эмпирическое исследование установленных Богом законов природы. Американский социолог Р. Мертон, известный своим исследованием воздействия протестантизма на развитие науки, полагает вполне возможным то, что «пуританский этос не оказал прямого влияния на метод науки... но... этот ценностный комплекс, психологически побуждая к определённым способам мышления и поведения, сделал эмпирически фундированную науку скорее достойной одобрения, нежели предосудительной...»³³. Р. Мертон отмечает, что некоторые элементы протестантской этики отложились на установках учёных Нового времени по отношению к исследовательской работе. К таким элементам можно отнести цель исследования природы (приумножение славы Божией и блага человека), поощрение экспериментального исследования (как имеющего непосредственную связь с божественными творениями и, соответственно, с творческой деятельностью Бога по сравнению с вторичными теоретическими

³¹ Там же. С. 69

³² Там же. С. 84

³³ Мертон Р. Пуританство, пиетизм и наука//Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 804

выкладками), а также поощрение трудолюбия, терпения, прилежания, избегания праздности³⁴.

Таким образом, вторая половина XVI в. и весь XVII в. привнесли в естественнонаучное знание принципиально новые изменения, трансформирующие его сущность. Иначе стала восприниматься природа. Под влиянием христианства, его постулатов о сотворении мира и о Боговоплощении был преодолен непроходимый барьер между небесными и земными явлениями, существовавший на протяжении двух тысячелетий в силу древнегреческой традиции. Снятие данного барьера означало возможность перенесения математических принципов изучения неба – «небесной механики» – на «земную» физику. Герметизм и связанный с ним гностицизм также способствовали растворению грани между небесным и земным за счёт возвышения земного – человека – посредством экспликации его божественной сущности, что ослабило устойчивое в христианстве чувство человеческой греховности как недостойности небесного. Эпоха Реформации предоставила обоснование важности экспериментальных исследований вследствие суждения о первичности эмпирического перед рациональным, возникшего как результат протестантского представления том, что Бог вначале творит вещи, а потом познаёт их своим умом. Протестантский этос, распространившийся в Западной Европе, оказал косвенное влияние на отношение учёного к своему труду, включающее цель научного исследования (приумножение славы Божией) и исповедуемые научно-этические принципы (терпение, прилежание и т.д.). Сложившийся к XVIII в. естественнонаучный идеал – это результат развития человеческого мышления, неразрывно связанного с социальными эпохами.

Естественнонаучный идеал в момент зарождения социально-гуманитарных наук оказался единственным научным идеалом. Это значило, что наука прочно ассоциировалась с естественной наукой, а занятия наукой, т.е. поиск истинного, достоверного, проверяемого знания, неразрывно

³⁴ Там же. С. 799

связывалось с применением естественнонаучной методологии. Наличие естественнонаучного идеала послужило мощным когнитивным фактором развития социально-гуманитарных наук.

Возникновение специальных социально-гуманитарных наук в XIX веке считается логическим продолжением научно-исследовательского процесса, начатого в XVIII столетии, когда в философских исследованиях общества и человека уже использовались физические, механистические и биологические аналогии и даже математические закономерности для иллюстрации и объяснения социальных и психологических феноменов. Понимание проекции науки на область человеческого бытия было эксплицировано, когда термин «моральные и политические науки» появился во Франции приблизительно в 1770 году, и в 1795 году они были официально введены в Институт Франции как науки «второго класса». Центральными научными вопросами XVIII столетия стали вопросы о человеческой природе и естественном законе. Они решались в исследованиях, которые были призваны преодолеть частности «позитивного права», меняющегося от провинции к провинции, и специфику сознания, варьирующуюся от человека к человеку, и прийти к предельному обобщению человеческого закона как такового. Американский историк науки Т. Портер называет две фигуры эпохи Просвещения, сыгравших ключевую роль в становлении дискурса социально-гуманитарных наук – Ш. Монтескьё и Дж. Локк. Монтескьё в «Духе закона» (1748) транслировал универалистские аналогии естественного и социального порядка (перенятые им у Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа, государственных деятелей Дании и Швеции), которые культивировались в Европе XVII в., охваченной общественными беспорядками. Такие аналогии должны были помочь преодолеть социальные противоречия на уровне общественного сознания³⁵. Психология Локка, как пишет Т. Портер, «была широко признана философами Просвещения и предоставила основу для будущих

³⁵ Porter T.M. Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment To 1890//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. PP. 17-18

исследований. Локк говорил скорее об уме, нежели о душе, ум [в его интерпретации] пластичен, идеи формируются из чувств и отражений»³⁶. Дж. Локк выработал категориальный аппарат психологии и систему взаимосвязей между её онтологическими основаниями, которыми продолжали пользоваться ещё в конце XIX столетия.

Разумеется, в обнаружении интеллектуальных источников социально-гуманитарных наук нельзя ограничиваться психологическими построениями Дж. Локка, так же, как нельзя указать на изобретение социологического метода именно в произведении Ш. Монтескьё. Помимо них были другие исследования в рамках общественных и психологических наук. М. Кондорсе в работе «Рассуждения о применении анализа к оценке выборов большинством голосов» (1785) впервые использовал математические методы к изучению социокультурной реальности. Д. Дидро выступал против математических наук (в частности, против объяснения ими философских истин, которые, по его мнению, лучше иллюстрируются биологическими аналогиями) и, как указывает Т. Портер, способствовал сближению медицинских и моральных наук³⁷ и т.п. Прогресс научного знания об обществе и человеке создавался общими интеллектуальными усилиями.

Социально-гуманитарные науки вошли в ряд научных дисциплин в конце XVIII–начале XIX столетий. До этого времени в эпоху Античности, Средневековья и Нового времени знание об обществе и человеке хоть и апеллировало в философских трактатах к всеобщим и универсальным свойствам, но в совокупности своей имело существенные ограничения. Ограничения определялись местом и временем написания исследовательского труда (и, следовательно, теми идеалами и нормами познания, специфичными для определённой эпохи³⁸, которые легко помогают отличить, к примеру, труд античного «психолога» от средневекового специалиста по страстям души), часто его практическими

³⁶ Ibid. P. 21

³⁷ Ibid. P. 22

³⁸ Об идеалах и нормах познания см. подробнее: *Стёпин В.С.* Философия науки. – М.: Гардарики, 2007. С. 192-197

нуждами (скажем, советами и наставлениями по ведению домашнего хозяйства). Само знание было обрывочным и не систематизированным, потому что оно относилось к различным обществам и социальным укладам и нередко было недоступно из-за языковых, культурных и политических барьеров. Донаучные опытные исследования часто относились к конкретному месту, времени и целям и были ими ограничены. Тем не менее, понимание закономерности уже присутствовало в западном мышлении. Оно являлось главной предпосылкой научного познания, как показывает немецкий историк В. Йегер, было унаследовано от Древней Греции и заключалось в органической способности «воспринимать отдельное как часть целого»³⁹.

Обобщающие понятия, автоматически подменяющие описываемую ими конкретную действительность действительностью вообще, и трансцендентальные способности разума, легко переходящего, по И. Канту, за установленные рассудком пределы, постоянно предоставляли возможность перехода к знанию, имеющему обобщающий характер. Но, даже включая теоретические обобщения, знания о человеке и обществе не могли претендовать на общепризнанность (хотя и претендовали на неё), поскольку они не имели легитимного основания, убедительного для всех. Именно с актуализацией метода, обеспечивающего объективность исследования посредством демонстрации закономерности изучаемых явлений, современные науки отсчитывают начало собственного существования. Естественнаучный идеал познания был формализован социально-гуманитарными исследователями как естественнаучная методология.

Психология как самостоятельная научная дисциплина зарождается 1879г., когда в Лейпциге начала функционировать первая экспериментальная лаборатория под руководством В. Вундта и были проведены интроспективные опыты по выявлению «первейших элементов» сознания

³⁹ Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. С. 10

(ощущений и чувств)⁴⁰. Социологи и по сей день считают основополагающими методы наблюдения и сравнительно-исторического анализа, которые выделил ещё О. Конт в «Курсе позитивной философии»⁴¹. Представителями классической экономической теории также задаётся методологический «тон». Начиная с Дж.С. Милля в политической экономии утверждается доминирование дедуктивного метода: сперва устанавливаются психологические или технические законы, а затем из них выводятся экономические импликации. Впоследствии неоклассики признают дедуктивный метод в качестве основного метода экономической теории, хотя сам предмет экономического исследования существенно изменится⁴².

Сущность наук об обществе и человеке в XIX веке напрямую связывается с выявлением объективных, всеобщих, существенных, необходимых, внутренних, повторяющихся связей в социокультурной реальности. Гарантацией этого выявления выступила проверенная методология естественных наук. Естественнаучный метод (от греч. μέθοδος – «путь к какой-либо цели») был представлен надёжным способом изучения реальности, обеспечивающим, по Р. Декарту, достоверность получаемых знаний и уверенность в том, что разум используется наилучшим образом⁴³. Экспликация методологических основ изучения природы крупнейшими естествоиспытателями, не зависящая от их эмпирической или рационалистической ориентации, указание на объективность, строгость и последовательность научного знания, достигаемые путём неукоснительного следования методу, общественный резонанс среди интеллектуалов, вызванный сочинениями о методе, создали определённое «методологическое» давление, избежать которого формирующемуся научному знанию об обществе и человеке не удалось.

⁴⁰ См. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. [Электронный ресурс] – М.: Академия, 1996. – 416с. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yaros01/>

⁴¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М.: Книжный дом «Университет». 2001. С. 59

⁴² Hausman D.M. Essays on Philosophy and Economic Methodology. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. PP. 14-15

⁴³ Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Соч. в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. С. 262

Первой и одной из самых ярких артикуляций метода социально-гуманитарных наук стала работа французского учёного О. Конта «Курс позитивной философии». Помимо введения термина «социология», обоснования такого авторитетного направления мысли, как позитивизм, и влияния на такие значительные фигуры науки XIX века, как Дж.С. Милль и Э. Дюркгейм, Конту удалось обозначить твёрдую позицию отстаивания методологического идеала в социологии, что явилось прецедентом для дальнейшей научной социально-гуманитарной практики. Как считают американские исследователи Д. Росс и Т. Портер, Конт очертил жёсткие рамки наук об обществе и человеке, санкционировав этим особый научный стиль. Настаивание на чрезвычайно строгом смысле «науки», стандарт которой встретить нелегко, означало задание и, главное, легитимацию высокой планки научности общество- и человекознания. Д. Росс и Т. Портер заключают, что для социально-гуманитарных наук метод играл и продолжает играть колоссальную роль: «Он поддерживает престиж науки, оформляет её идентичность и иногда формирует её сознание»⁴⁴.

На наш взгляд, естественнонаучный метод помимо предоставления способа исследования социокультурной действительности представляет собой внешний показатель надёжности социально-гуманитарного научного знания. Заимствованный из естественных наук, он самим фактом своего наличия легитимирует научное знание об обществе и человеке. С формальной точки зрения апелляция социально-гуманитарных наук к естественнонаучному методу означает их причастность атрибутам вечности и неизменности, потому что сами естественные науки основываются на неизменности и вечности законов природы⁴⁵.

Социальным аспектом методологии социально-гуманитарных наук является их легитимация посредством использования естественнонаучной методологии. Социальный смысл применения в социально-гуманитарных

⁴⁴ Porter T. M., Ross D. Introduction: Writing The History of Social Sciences//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 5

⁴⁵ Если понимание вечности вообще может быть применимо, например, к эволюционной теории. «Вечное» в ней начинается с момента возникновения жизни на Земле в биологии и возникновения Вселенной в физике.

науках естественнонаучной методологии заключается в наделении социально-гуманитарных наук, основанных на методе, качествами надёжности, какой обладает естественнонаучное знание, ещё до получения объективных научных результатов.

Помимо когнитивных и социальных причин акцентирования методологии социально-гуманитарных наук имеются причины риторического характера. Существует коллективная убежденность учёных в действенности и необходимости определённых научных методов и потребность в научном знании определённого типа. Математические выкладки в социально-гуманитарных исследованиях помимо когнитивного назначения несут в себе социальный смысл стабильности. Стабильные результаты исследований означают стабильное воспроизводство научной институции, а исследования с математическими выкладками служат немой рекомендацией (и гарантией) стабильности. В глазах общества они без сомнения заслуживают дальнейшего развития.

Гораздо убедительнее продемонстрировать начало применения (и тем более артикуляции) научного метода, нежели, скажем, более обтекаемое во времени появление абстрактного социально-гуманитарного научного знания. Необходимость обозначения точного начала конкретных социально-гуманитарных наук связана с представлением, что любое серьёзное предприятие (и тем более наука) должно иметь определённую точку отсчёта, на которую можно указать в пространственно-временных координатах как на событие в объективном мире. Как считают психологи Д. Джонс, Дж. Элкок, Ф. Тайсон, С. Браш, устоявшееся мнение о некоем точном начале есть не что иное, как «миф о происхождении» науки. Английские психологи Д. Джонс, Дж. Элкок и Ф. Тайсон пишут, что ошибочно обнаруживать основания психологии у древних греков, потому что психологические идеи имеют намного более современные корни. В. Вундт создал экспериментальную психологию, но его теории, как они считают, внесли небольшой вклад в развитие дисциплины. Более важным, по мнению исследователей, оказалось

социологическое изучение преступности, измерение размеров мозга Ф. Гальтоном и дарвиновская теория эволюции⁴⁶. Мифологический компонент, проникающий во все сферы социального пространства (С.В. Рязанова⁴⁷), может быть найден и в социально-гуманитарных науках, что, разумеется, не означает, что всё научное знание об обществе и человеке является мифом от начала до конца. Мифологическое в науке сосредотачивается не в содержании, а в социальном восприятии научного знания. События в мифе, древнем предании о происхождении мира, имеют непреходящий характер: раз случившись в священное время, они влияют на историю всего человечества и на жизнь каждого человека. События священной истории не подвергаются сомнению, воспринимаются как необходимые, неизменные и периодически воспроизводятся в устной форме и посредством определённых ритуалов. В науке мифологическое мышление присутствует в виде обязательных курсов по истории конкретной социально-гуманитарной дисциплины (в особенности истории самого раннего периода, получившего значительный пересмотр большинства концепций), организации научных конференций, где в публичной форме воспроизводятся научные истины, подтверждаемые научными авторитетами священного прошлого. Мифологическое мышление основывается на устойчивом знании, обычно не пересматриваемом представителями конкретных научных дисциплин (эту заботу берут на себя философы и методологи науки). Подобное научное знание редко используется в качестве основы для новых научных построений⁴⁸, но чаще в качестве ссылки, подтверждающей существование проблематики и несущей в себе символ престижа (П. Бурдьё) и компетентности (Ч. Миллс). Социальная функция мифа состоит в упорядочивании общественного сознания, выстраивании разрозненных событий в единый временной ряд, способствующий формированию общей

⁴⁶ См. *Tyson P.J., Jones D., Elcock J. Psychology in Social Context: Issues and Debates.* BPS Blackwell Publishing, 2011. PP. 10-16

⁴⁷ *Рязанова С.В. Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: научный потенциал понятия//Религиоведение, 2010. №1. С. 78*

⁴⁸ Исключение здесь составляют, пожалуй, социологи, которые, по выражению французского науковед М. Догана, напоминают «детей, воспитанных дедами».

точки зрения на ход истории и созданию тем самым прочного когнитивного фундамента дальнейших социальных действий. Научная мифология поддерживает и воспроизводит социальное бытие науки, в котором научные события реконструируются и конструируются (вписываются) в определённую, «освящённую» временем историю науки. Таким образом, вера в то, что научное знание возникло с момента применения метода, может быть расценена как миф, имеющий под собой когнитивный фундамент, но созданный с целью легитимации научного знания в социальном пространстве.

Если данный ход умозаключений правилен и предположение, что непреложный, объективный и необходимый научный порядок, со структурированными событиями и прерогативой методологического первенства, является «биографической иллюзией» (выражение П. Бурдьё), то можно допустить, что науки об обществе и человеке начинаются не с возникновения методологии и научных лабораторий. То, что служит началом социально-гуманитарных наук, заключается в самом способе отношения к человеческой реальности. Отечественный специалист в области социально-гуманитарных наук В.Г. Федотова пишет о том, что познавательная установка в отношении общества и человека не всегда была перманентной. Основными предпосылками, на которые опирались вненаучные исследования, были предпосылки о человеке как «вещи, наделённой разумом» и о человеческой деятельности как естественном процессе, подразумевающим, что «человеческие отношения имманентны природе»⁴⁹. Вместе с тем господствовало христианское представление о человечестве как об особом мире, отличном от царства животных и объяснимом посредством теологии (Д. Джонс, Дж. Элкок и Ф. Тайсон⁵⁰). Человечество и человек были вписаны в естественный порядок, заданный Богом. М. Фуко говорит о том,

⁴⁹ Федотова В.Г. Социальная обусловленность обществознания как методологическая проблема: дис. докт. филос. наук. – М.: ИФРАН, 1986. СС. 41-42

⁵⁰ Авторы считают, что только после признания эволюционной теории человечество стало рассматриваться изнутри естественной науки. *Tyson P.J., Jones D., Elcock J. Psychology in Social Context: Issues and Debates.* BPS Blackwell Publishing, 2011. P. 7.

что благодаря эпохе Просвещения к XIX столетию в западной культуре появился человек – в качестве феномена как такового и в качестве самостоятельного предмета исследования⁵¹. Возникновение новых онтологических объектов, не зависящих от Бога, – человека и общества – повлекло за собой появление нового способа отношения к социокультурной реальности, которую они образовали. Редкие социально-политические сочинения реформаторской направленности, такие, как «Государство» Платона, «Утопия» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы и др., не идут ни в какое сравнение с мощным просветительским импульсом XVIII в. Превознесение человеческого разума трансформировалось в призыв к преобразовательной деятельности, основанной на рациональном проекте. В то время возникла повсеместная вера в возможность самостоятельно сконструированного и всеми одобренного социального бытия (вспомним о популярной концепции «общественного договора»), а также вера в безграничный потенциал человека, который сам может «слепить» себя согласно собственному идеалу и принятому образцу. Законы человеческой природы, которые искали просветители, нужны были для достижения практической цели – «создания «лучшего», более рационального мира» (Дж. Ритцер)⁵². Интеллектуальная предпосылка – возникновение новых объектов социально-гуманитарных наук – совпала с социальным предпосылкой – появлением новых деятельных субъектов истории.

Итак, ключевым когнитивным фактором возникновения и развития социально-гуманитарных наук на рубеже XVIII–XIX вв. явился естественнонаучный идеал познания. Естественнонаучный идеал сформировался в результате социокогнитивных процессов, происходящих в эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения, и изменяющих представление о природе и способах её познания. К моменту зарождения наук об обществе и человеке естественнонаучный идеал был единственным

⁵¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб: А-сad, 1994. С.365

⁵² Ритцер Дж. Современная социологическая теория. – СПб.: Питер. 2002. С. 24

образцом научного знания, поэтому он был воспринят социально-гуманитарными учёными как эталон научности. Применение метода естественных наук послужило демаркацией научного знания от вненаучного. Использование в науках об обществе и человеке естественнонаучной методологии несло в себе социальные смыслы. С помощью естественнонаучных методов социально-гуманитарные науки были легитимированы как науки. Математические выкладки в социально-гуманитарных исследованиях помимо когнитивного назначения несут в себе социальный смысл стабильности – как социальной реальности и человека, так и научного знания и необходимости дальнейшего его развития и, соответственно, необходимости социальной и материальной поддержки применяющих его учёных. Вера в то, что научное знание возникло с момента применения метода, расценивается как миф, созданный с целью легитимации научного знания в социальном пространстве. Социальной предпосылкой возникновения социально-гуманитарных наук является появление в XVIII в. новых деятельных субъектов истории – общества и человека – получивших независимость и самостоятельность от природы и от Бога.

2.2. Социальные факторы развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук в XIX столетии

Для периодизации развития западного общества мы воспользуемся новой концепцией трех типов современности (модерна), два из которых выявлены С. Лэшем, П. Вагнером, развиты В.Г. Федотовой и третий предложен ею же в монографии В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества»⁵³. Немецкий социолог П. Вагнер выделяет следующие этапы развития

⁵³ См. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608с.

современности («модернити»): 1) XIX в. – либеральная современность, за которой последовал социальный кризис конца XIX века – начала Первой мировой войны; 2) 1914–1960-е гг. – организованная современность, с последующим кризисом конца 1960-х–середины 1990-х гг.; 3) ожидаемая либеральная современность⁵⁴. Последний этап, названный Вагнером этапом ожидаемой либеральной современности, В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой пересматривается. Третий этап, датируемый с 2000-х гг., выделяется указанными авторами как новое Новое время для незападных стран, развивающихся по модели догоняющей модернизации, в которой культура имеет большое значение. Мы воспользуемся концепцией типов современности для определения развития социально-гуманитарных наук.

После Американской и Французской революций наступила эпоха первой либеральной современности, ключевыми признаками которой, как обосновывают В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова, явились рационализм, капитализм и автономный ответственный индивид⁵⁵. На Западе становление современного общества первой либеральной современности (modern) сопровождалось ломкой традиционного общества. В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова перечисляют признаки традиционного общества, мы приведём некоторые из них. Традиционному обществу свойственно преобладание традиции над инновацией: оно воспроизводит себя на основании традиции, имеет источником легитимации прошлый опыт, в организации социальной жизни зависело от религиозных или мифологических представлений⁵⁶. Традиционное общество носит коллективный характер, в нём отсутствует выделенная персональность, личные свободы, а также интерес к инновациям, поэтому оно развивается циклически. В обществе традиционного типа существует авторитарная власть, «жесткий мировоззренческий контроль, внутренняя и внешняя

⁵⁴ *Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty And Discipline. Routledge, 1994.*

⁵⁵ *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Ук. соч.*

⁵⁶ Там же. С. 77

цензура поведения и мышления людей», а также «ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку»⁵⁷.

В конце XVIII–начале XIX вв. началась модернизация, процесс перехода традиционного общества к современному. Современному обществу свойственно преобладание инноваций над традицией, «светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенная персональность, преимущественная ориентация на инструментальные ценности; демократическая система власти; наличие отложенного спроса, т.е. способность производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; капитализм; ...предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным»⁵⁸. Современное общество эпохи первой либеральной современности характеризуется свободой в экономической сфере (свободный саморегулирующийся рынок), в политической сфере (либеральное демократическое государство), в персональной сфере (свободная самоопределяющаяся личность как главный действующий субъект истории). Свобода стала восприниматься как возможность творения людьми нового порядка, в обществе сформировался социальный запрос на «субъекта творческой деятельности, способного производить новое»⁵⁹.

Либерализация и демократизация общества в XIX в. привели к появлению публичной сферы, росту печатной продукции, открытым общественным дискуссиям, необходимости аргументировать собственную позицию. Это способствовало рационализации общества. Рационализм, инструментализм, нацеленность на эффективность многократно усиливали веру в науку. В то время естественные науки были единственным образцом научности, их авторитет был очень высок. Философ науки А. Гурвич отмечает, что престиж естественных наук, особенно физики, первоначально не основывался на их технических достижениях, т.е. на технологической

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 79

⁵⁹ Там же. С. 77

утилизации научных открытий и результатов, которых не было до последней четверти XIX в., как не существовало электричества и химической индустрии, самых масштабных показателей уровня технического прогресса. Гурвич утверждает, что «...престиж, который выпал на долю естественных наук, обязан их несомненным теоретическим достоинствам, их успеху в рационализации и систематизации обширной области самых разнообразных и гетерогенных явлений»⁶⁰. Поэтому в первой половине XIX века исследователей человека и общества в первую очередь привлекала системность и упорядоченность естественнонаучного знания, а уже потом его технологическая эффективность и результативность. Естественные науки были престижны в когнитивном плане. Обладающие несомненными теоретическими достоинствами, заключающимися в систематизации и упорядочивании разнообразных и гетерогенных природных явлений, они служили образцом рационализации действительности. В XIX столетии их способность рационализировать оказалась более существенной, нежели их масштабные технические достижения, которых не было вплоть до последней четверти XIX в. Полагалось, что естественнонаучная рациональность обладала *потенциально* высокой конструирующей силой, однако в XIX столетии после Американской и Французской революций преобразующее действие разума было очевиднее в социальной реальности, нежели в бытии природы.

Вследствие господства рационализма, подразумевающего отношение к разуму как к специфически человеческой способности, возвышающей человека над природой, а также вследствие отношения к науке как к воплощённому разуму, в современном обществе усилилась вера в науку, и вера именно в естественную науку. Общество эпохи первой либеральной современности после Американской и Французской революций осуществляло социальные преобразования на твёрдом фундаменте разума, реализуя себя в качестве свободно выбранного проекта. Построение нового

⁶⁰ Gurwitsch A. Phenomenology and Theory of Science. Chicago: Northwestern University Press, 1974. P. 132

общества в соответствии с канонами рациональности воспринималось как гарантия его дальнейшего благоденствия. Но для того, чтобы рационализировать и далее преобразовывать сферу бытия человека и общества, потребовалось создать для этого специальные науки об обществе и человеке, отличные от естественных наук, но функционирующие на проверенном естественнонаучном основании, дающем гарантированные объективные результаты. Поэтому произошла натурализация социально-гуманитарных наук, специально созданных для рационализации и преобразования социальной реальности и человека.

Итак, на момент зарождения социально-гуманитарных наук имелось взаимодействие когнитивных и социальных факторов их развития. Когнитивным фактором явилось то обстоятельство, что естественные науки были единственным образцом научности, своим существованием они задавали рамки мышлению и транслировали определённый способ исследования действительности. Естественные науки обладали когнитивным престижем, состоящим в успешности применения их методов для исследования действительности. Феномен методологического престижа естественных наук имеет двойную – одновременно и когнитивную, и социальную – коннотацию. С одной стороны, воспроизводство качественных стандартов мышления, использование которых приводит к гарантированным результатам, является адаптивным свойством мышления. И это есть несомненное проявление когнитивного, познавательного аспекта. С другой стороны, перенос методов из одной области в другую ещё не гарантирует их успешного применения в иной сфере бытия. Заключение по аналогии имеют принципиальные ограничения. Именно ожидание когнитивного успеха, обнаруживаемое в восприятии исследователями самой организации процесса познания, социально обусловлено⁶¹. Социальный фактор развития социально-

⁶¹ Социальные соображения методологического престижа, заключающиеся в способе представления научной работы, хорошо продемонстрированы на примере естественных наук. Ботаник А. Арбер указывает на меняющиеся от эпохи к эпохе методологические «пристрастия». Метод дедукции высоко ценился во времена Евклида, поэтому утверждения нанизывались на «произвольно выбранную нить дедукции», а об эмпирических исследованиях умалчивалось. Сегодня у учёного «из-за господства индуктивного метода,

гуманитарных наук в момент их возникновения состоит в том, что сами науки об обществе и человеке могли возникнуть в обществе определённого типа, в котором был сформирован социальный заказ на научное знание об обществе и человеке. Оно могло возникнуть в том обществе, которое было готово воспринять обоснованные рациональные структуры как императивы к социальному действию. В период возникновения социально-гуманитарных наук возникла прямая связь между когнитивными и социальными факторами их развития. В обществе эпохи первой либеральной современности был открыто сформирован социальный заказ на научное знание об обществе и человеке, позволяющее максимально рационализировать социокультурную реальность, а также активно её конструировать и реконструировать на основании достоверных и обоснованных научных данных, и это есть детерминация когнитивных факторов социальными факторами. Однако в то же время структуры естественнонаучного знания подчиняли социокультурную реальность природному бытию, и это имело определённые социальные последствия, отражающиеся, в том числе, на развитии социального знания об обществе и человеке и в дальнейшем на социальных действиях, основанных на данном знании.

В XIX столетии подавляющее большинство связей между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук имели косвенный характер, подразумевающий наложение естественнонаучной рациональности на масштабные социально-политические и экономические процессы. Косвенная связь опосредуется процессом познания, в ней, как правило, нельзя провести причинно-следственные связи между когнитивными и социальными факторами, формирующими научное знание. Исследование взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития наук об обществе и человеке в таком случае

даже если на самом деле он пришёл к гипотезе по аналогии, возникает инстинктивное желание замести следы и представить всю свою работу – а не просто доказательство – в индуктивной форме, как будто фактически все выводы получены благодаря именно этому методу». См. *Arber A. Analogy in the History of Science//Studies and Essays in the History of Science and Learning offered in Homage to George Sarton. New York, 1944. PP. 222-229.* Цит. по *Р. Мертон. Социальная теория и социальная структура. – М: АСТ, Хранитель, 2006. С. 25.*

приобретает характер интерпретации. Оно вычленяет тенденции в социально-гуманитарных науках и объясняет их социальными аргументами. Делается обобщение, которое согласуется с имеющимися в наличии фактами. Это тот максимум, который можно достигнуть, делая обобщение индуктивного характера, от частного к общему.

Среди бесчисленного множества исторических событий и социальных процессов, происходивших в XIX столетии, мы выделим основные – это Французская революция 1789-1799 гг., борьба социально-классовых интересов, развитие капитализма, централизация административного аппарата государств Западной Европы и специфический идеологический фон. Сопутствуя эволюции научного знания об обществе и человеке, они отразились на нём определённым образом.

Важнейшим историческим событием, во многом определившим историю XIX столетия, стала Великая Французская революция 1789–1799 гг. Она явилась косвенным следствием преобразовательных настроений, охвативших Западную Европу и США. В то время «классический либерализм развенчивал грехи и несовершенства абсолютизма и сословного общества», а «гражданские права и свободы – свобода слова, совести, собраний, равенство перед законом» были конституционно провозглашены высшими принципами целого ряда государств Запада (Н.А. Нарочницкая⁶²). Однако событие социальной революции нельзя интерпретировать в однозначно положительном ключе. Казнь короля, война Франции с Австрией и Пруссией, бесконечная смена власти, городские восстания, избиения заключённых, кровопролитные крестьянские волнения, массовые беспорядки, экономический кризис, разруха, инфляция, купля-продажа национального имущества, террор, мятежи и бесчисленные человеческие жертвы, сопровождавшие все эти события, привели Францию к глубокому продолжительному кризису. Виновными в ужасах Французской революции объявлялись оторванные от реальной жизни и не имеющие опыта управления

⁶² Нарочницкая Н.А. Русский код развития. – М.: Книжный мир, 2013. С. 269.

просветители-интеллектуалы; социально-гуманитарному знанию с утопическим уклоном был подписан приговор (Т.М. Porter⁶³). Чувство опасности новых революций⁶⁴ охватило западное общество. Боязнь наступления кровавого лихолетья явилась мощным социально-психологическим фактором, заставляющим искать средства предотвращения социальной катастрофы, влекущей за собой полную непредсказуемость дальнейшего хода событий. Сформировалась общественная потребность в урегулировании революционных настроений, и в обществе был выработан защитный механизм: появилась специальная наука – социология – ориентированная на стабильность социокультурной реальности. Основатель социологии О. Конт писал по этому поводу так: «Бесконечный социальный кризис, развившийся за последние полвека во всей Западной Европе и, в особенности, во Франции» вынуждает прибегнуть к «единственному возможному интеллектуальному выходу», заключающемуся в «положительном согласовании порядка и прогресса»⁶⁵. В годы ожидания социальных бедствий «социальное превосходство положительного мышления» не могло быть поставлено под сомнение. «Прогресс и порядок» открыто становится главным лозунгом социологических исследований. Перед нами – образец прямого воздействия социальных факторов развития науки на когнитивные структуры научного знания.

П. Бергер, анализируя концепцию Э. Дюркгейма и его школы, позиционирующую общество как самодостаточную реальность, а социальные факты как «вещи», имеющие объективное и независимое

⁶³ Porter T.M. Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment To 1890//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 23. Под утопическими, в частности, историком А. де Токвилем имелись ввиду прекраснородные построения М. Кондорсе, в которых людям науки и культуры отводились передовые должности в управлении государством, Французская Академия наук провозглашалась политическим саммитом, а на основании полноты информации и рациональных методов естественным образом достигалось общественное благо и т.д.

⁶⁴ Как известно, первая половина XIX столетия была отмечена крупными революциями. В 20-е годы случился ряд революционных выступлений и восстаний в Западной Европе и на Балканах. Буржуазные революции произошли в Испании, Португалии и Италии, национально-освободительная революция в Греции 1821-1829-х гг. В отдельном упоминании нуждается революция 1848г., охватившая Францию, Австрию, Пруссию и другие германские государства, а также Италию.

⁶⁵ Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. – М.: Либроком, 2011. С. 40

существование «вне нас, как и явления природы», приводит метафору общества как скалы. На скалу «можно налететь, но... нельзя ни убрать, просто пожелав свалить ее, ни преобразовать по прихоти воображения»⁶⁶. Идее эпохи Просвещения о самостоятельном конструировании социального и индивидуального бытия была противопоставлена мысль о природной укоренённости человека, о границах конструирования социальной реальности. Природная укоренённость обуславливается естественными пределами, ограничивающими человеческое бытие, и описывается природными закономерностями, которые изучаются естественными науками. Таким образом, главные функции естественнонаучного знания – объяснение и предсказание – совпали со следствиями желаемых «порядка и прогресса» в социокультурной реальности. Естественнонаучная рациональность, спроецированная на социально-гуманитарные науки, совпала с исповеданием стабильности социального и индивидуального бытия и, таким образом, способствовала сворачиванию идеи эпохи Просвещения о безграничных возможностях конструирования социальной реальности.

Лидером естественных наук, спроецированных на человеческую реальность, стала биология. Органическое видение общества развивалось в трудах таких крупных социологов XIX века, как О. Конт, Г. Спенсер и Э. Дюркгейм. О. Конт, настаивая на строгой выводимости законов из фактов и, в то же время, предоставляя некоторую свободу разуму, был противником механистического понимания общества и придерживался его виталистической интерпретации. (Именно поэтому он скептически относился к возможности применения математики в изучении общества.) Г. Спенсер сравнивал организм и общество на основании таких общих признаков, как рост, увеличение сложности строения и соотношения между жизнями единиц и жизнью всего «агрегата». У Спенсера общество позиционируется как саморегулирующаяся система, которая может быть понята путём анализа её

⁶⁶ Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. [Электронный ресурс] – М.: Аспект-пресс, 1996. Режим доступа: <http://www.socd.univ.kiev.ua/LIB/PUB/B/BERGER/berger.pdf>

различных «органов» и способов, которыми они соотносятся друг с другом. Для Э. Дюркгейма характерны органические аналогии, основанные на независимости составных частей общества и на их связанности между собой органической солидарностью, замещающей более раннюю механическую. При органическом анализе общества существует потенциальная возможность под видом метафоры провести прямую аналогию с одной из сфер природы и отождествить социальное с несоциальным. Если О. Конт и Э. Дюркгейм придерживаются образца методологической строгости, присущей естественным наукам, и обосновывают органическое как метафору социального, то Спенсер, на наш взгляд, анализирует параллели органического и социального настолько тщательно и последовательно, что создаётся стойкое впечатление, что он ищет не сходства, а различия между ними⁶⁷. В сочинениях Г. Спенсера граница между органическим и социальным истончается.

Итак, после тяжёлых общественных потрясений в эпоху первой либеральной современности был сформирован социальный заказ на интеллектуальную модель стабильного социального бытия, которая была найдена в естественных науках, преимущественно в биологии. Потребность в порядке была осознаваема всем западным обществом; потребность в интеллектуальной модели порядка, которая бы непосредственно влияла на социальное поведение, была очевидна для образованной части населения; механизм, заключающийся в научно обоснованной идеологии порядка, оказался нововведением, исходящим из определённых слоёв общества. Запрос на интеллектуальную модель социальной стабильности, и ответ на него в виде концепции существования общества сообразно законам природы не могли исходить сразу от всего общества, они исходили от определённых лиц и социальных групп. И только впоследствии и запрос, и ответ были осознаны обществом в целом. Найти источники данного социального и интеллектуального ответа значит приблизиться к решению вопроса об

⁶⁷ См. Спенсер Г. Основания социологии//Синтетическая философия. – Киев: Ника-Центр, 1997. СС. 214-225

истоках социальной детерминации социально-гуманитарных наук (в данном случае социологии). Поскольку на рубеже XVIII–XIX вв. и на протяжении всего XIX столетия не существовало институционализированных форм социально-гуманитарных наук, т.е. ещё не была организована структура, обезличивающая процесс внедрения общественных потребностей в научное исследование, возможно выявление социальных мотивов, которыми руководствовались конкретные исследователи.

Известный американский социолог А. Гоулднер обращается к социальным условиям возникновения социологии во Франции. Основоположниками социологии, как показывает Гоулднер, были графы де Бональд, де Местр и Сен-Симон, представители аристократии, потерявшей собственность после Французской революции 1789 года и утратившей общественное влияние. И социология стала попыткой (наряду с желанием удовлетворить научный интерес) восстановить былое интеллектуальное воздействие на умы современников. Средний класс, который мог воспринять свежие идеи, в то время был сосредоточен на борьбе с аристократией и на укреплении своего положения в обществе, к тому же его не устраивали некоторые положения социологии. Как объясняет Гоулднер, в эпоху Реставрации, когда аристократия стала нуждаться в политической программе и новой социальной организации, которая бы закрепила её позиции, а средний класс проявил крайний интерес в сохранении своей собственности и защищённости от дальнейших переворотов, была осознана острая необходимость в порядке и идеологии порядка⁶⁸. Лозунг О. Конта «прогресс и порядок», по мысли Гоулднера, отразил «стремление среднего класса укрепить свой новый социальный порядок против реставрации сверху,

⁶⁸ Гоулднер пишет: «...Средний класс первоначально не поддержал новую социологию, хотя она и соответствовала в некоторых отношениях его потребностям и перспективам. Он отворачивался от нее отчасти потому, что новая социология была критически настроена по отношению к его узко экономической и индивидуалистической разновидности утилитаризма. Более того, сосредотачивая внимание на социологической структуре, социология имела тенденцию преуменьшать значение, приписываемое государству. В то время, когда средний класс ещё был занят борьбой за контроль над правительственным аппаратом». См. *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. – СПб.: Наука, 2003. С.139

избегая риска революции снизу»⁶⁹. Таким образом, возникновение социологии как науки оказалось замыслом аристократии, испытывавшей потребность в сохранении интеллектуального влияния на общество. Последующее развитие социологии было поддержано буржуазией, нуждавшейся в идеологическом обосновании постоянства своего социального и материального положения. Эти интересы обеспечивались внедрением логически выстроенного (для наилучшего восприятия) комплекса социологических идей об упорядоченном и укорененном в природном бытии обществе.

Тот факт, что социология обязана своим возникновением контексту, сформированному политической обстановкой Французской революции и экономическими переменами, вызванными индустриальной революцией, по замечанию известного английского учёного Э. Гидденса, является общепризнанным⁷⁰. В 1960-1980-е гг. на Западе развернулась дискуссия, затрагивающая идеологическую составляющую капиталистического общества и степень её проникновения в научное знание об обществе и человеке. Объектом спора стала социальная теория, имеющая надэмпирическую природу и потому в большей степени предрасположенная к интерпретации и идеологизации, нежели эмпирические факты. Приверженцы позитивизма, среди них известные американские социологи С. Сейдмэн и Дж. Александер, выступили против редукции многообразных аспектов социальной теории – методологий, когнитивных моделей, политических идеологий, моральных убеждений, метафизических и эпистемологических предпосылок – к её идеологической функции. Напротив, прямая связь капитализма и развития социологической теории проводилась И. Цайтлином, Дж. Тёрнером, Л. Биали, К. Мангеймом, Д. Россидсом, Г. Тёрнборном, Р. Нисбетом, А. Гоулднером. При этом существовали разные точки зрения на идеологическое содержание социальной теории. К примеру,

⁶⁹ Там же. С. 138

⁷⁰ См. *Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber. Cambridge University Press, 1971.*

некоторыми исследователями отмечалось постепенное снижение идеологической нагруженности социальных исследований (Дж. Тёрнер, Л. Биали). Следовательно, изначальная идеологическая нагруженность социальной теории оценивалась как высокая. Развитие социологии интерпретировалось как буржуазный ответ критическому рационализму философов, а позднее марксизму и социализму (И. Цайтлин). Появление, структура и направленность социальной теории связывались с коллективным политическим интересом в изменении или поддержании существующей социальной системы (К. Мангейм). Стадии социологической теории связывались со стадиями капиталистического развития внутри национального и интернационального контекста (Д. Россидс). Социология понималась как попытка решить социальные, моральные и культурные проблемы капиталистического общества (Г. Тёрнборн). Таким образом, А. Гоулднер предложил далеко не единственную интерпретацию политической и экономической подоплёки развития социальной теории, но предоставил анализ конкретных классовых интересов.

Помимо социальной выгоды, которую несла аристократии и среднему классу новая наука об обществе, социология отвечала на потребности общества в целом. Напряжённый конфликт между дворянством и буржуазией, неуверенность в завтрашнем дне, потеря авторитета религией вызвали глубокий кризис традиционных картин общества. Возникла потребность в новых способах построения картины социального космоса. Как пишет Гоулднер, «...возникла совокупность коллективных настроений, которые, с одной стороны, были обособлены от... традиционализма старого режима и либерализма среднего класса и... выражали потребность в новой картине социального мира, которую люди могли бы принять, т.е. в позитивной совокупности представлений. Именно этой структуре коллективных настроений гармонично отвечал социологический позитивизм, и именно это, отчасти, помогло ему обрести общественную поддержку»⁷¹.

⁷¹ Там же. С. 127

Социология как новая «религия человечества», по мысли О. Конта, должна была скрепить общественное сознание, расщеплённое классовыми противоречиями, ломкой традиционного социального и культурного уклада, социальным и экономическим отчуждением, разрушением социальных связей и вакуумом веры. Несмотря на то, что интерпретация социологии как «религии человечества» не получила дальнейшую поддержку, сама идея науки об обществе, апеллирующей к его неизменным (и потому столь желанным) основам, отчасти удовлетворила общественную потребность в осознании целостности⁷².

Этнологическая наука XIX века также испытала влияние прямой органической аналогии. Как показывает историк науки Т. Портер, этнология XVIII в., будучи эмпирической наукой, занималась наблюдением за жизнью примитивных народов, описанием их обычаев, ритуалов и физиологических особенностей. Биологическое и этническое (собственно человеческое) органично переплетались в полученных данных. Движение за первенство биологического началось в 1860-е гг. в рамках антропологии, выступившей за расовую иерархичность и обособленность происхождения народов. При этом антропология в те годы выступала не под флагом «Происхождения видов» Ч. Дарвина, а под знаменем более ранних работ от Ж.-Б. Ламарка до Э. Геккеля, которые, в отличие от дарвиновской теории, не допускавшей целенаправленность эволюции, как раз её предполагали⁷³. По словам Т. Портера, громадный престиж, который имела биология в социально-гуманитарных науках, объясняется не просто популярностью и влиянием эволюционной биологии или физиологии. Новые теории подхватывались как аргументы в политических баталиях: «В конце XIX века биология чаще всего применялась для поддержки консервативных и элитарных пониманий, чем для продвижения социальных изменений и реформ»⁷⁴. Таким образом,

⁷² Там же.

⁷³ Porter T. M. Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment To 1890//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. PP. 36-37

⁷⁴ Ibid. P. 37

биологическая метафора общества, используемая социологами середины и конца XIX в., подразумевала социальный порядок, структурированность и историческую преемственность. Целостность и единая направленность частей целого не предполагают революционных изменений, поскольку в живой природе изменения носят адаптивный, приспособительный характер. Биологическая аналогия общества, используемая антропологами второй половины XIX в., служила оправданием и обоснованием иерархичности общества и сохранившегося (несмотря на процессы демократизации и либерализации общества) исторического и социального неравенства.

Изменения западного общества конца XVIII–начала XIX вв. затронули политическую, экономическую и социальные сферы. Немецкий социолог П. Вагнер считает, что именно в это время произошло совпадение и наложение друг на друга масштабного концептуально-интеллектуального сдвига, связанного с формированием проективного мышления, и политико-институциональной трансформации⁷⁵. Демократизации, либерализации и индивидуализации общества сопутствовала масштабная индустриализация, вызвавшая урбанизацию, отток сельского населения в города. В связи с индустриализацией совершенно новую форму приобрело развитие экономики, которое, в свою очередь, способствовало глубинному изменению общества.

Американо-канадский экономист и антрополог венгерского происхождения К. Поланьи указывает на четыре института, на которых основывается капиталистическая цивилизация: саморегулирующийся рынок, на котором цены устанавливаются исключительно соотношением спроса и предложения; система равновесия сил, в течение ста лет (1815–1914гг.) предотвращавшая длительные и разрушительные войны, препятствующие торговле; международный золотой стандарт, обеспечивший свободное проникновение товаров и конвертируемость любых денежных валют, и либеральное государство, не вмешивающееся в экономику. Поланьи

⁷⁵ Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. Routledge, 2003. PP. 3-4

полагает, что система рыночной экономики стала возможной и даже неизбежной вследствие английской промышленной революции XVIII в., в ходе которой произошло изменение побудительных мотивов поведения части общества и распространение их на общество в целом. С появлением дорогостоящих машин со сложными механизмами, заменивших ткацкие станки, английский купец столкнулся с потребностью в их долгосрочной окупаемости, которая могла обеспечиваться только посредством бесперебойной торговли. Бесперебойная торговля, в свою очередь, могла быть осуществлена только при условии превращения в товар всех объектов действительности, в том числе и главных факторов производства – труда, земли и денег. Но, продолжает Поланьи, земля и труд суть ни что иное, как природа и человек, основы существования общества, и их трансформация из самостоятельных сущностей в придатки рыночного механизма меняет сущность самого общества. Экономика, замечает К. Поланьи, всегда была одной из второстепенных сфер жизни общества, и только в 20-30-е гг. XIX столетия она становится доминантной и поглощает всё общество, делая его своим придатком. В связи с разрастанием рынков, носящим искусственный характер, произошло проникновение рыночных отношений во все области социального: всё стало производиться для продажи на рынке и все социальные отношения начали определяться экономическими взаимодействиями⁷⁶.

Жизнь всего общества изменилась в соответствии с организацией рыночной системы. «Рабочая сила», состоящая из крестьян, согнанных с полей, на которых выращивался хлопок и паслись овцы (дальнейшее сырьё для текстильной промышленности), вынуждены были добывать себе на пропитание, продавая свой труд. С 1795 по 1834гг. в Англии существовала практика социальных пособий, добавляемых к заработной плате рабочего до прожиточного минимума (т.н. «закон Спинхемленда»), но она имела

⁷⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени.– СПб.: Алетейя, 2001. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/369666/read>

обратную сторону, когда пауперы (от англ. pauper – «нищий») трудились вполсилы или вообще переставали работать и жили на пособия, что значительно тормозило развитие промышленного производства. После отмены «закона о бедных» (1834г.) были уничтожены все препятствия для развития рыночной экономики, но также исчезла какая-либо социальная и материальная поддержка, и бедняки стали полностью зависеть от своих работодателей⁷⁷.

К. Поланьи провёл глубокий анализ капиталистического общества и политической экономии как его закономерной составляющей. Он обращается к политической экономии не только как к объясняющей причины экономических процессов, но и как к обосновывающей саму экономическую реальность, которая легитимирует её путём рационализации. А. Смит в богатстве народов видел осуществление гармонии материальной и духовной жизни общества, где законы экономического мира пребывают в согласии с предназначением человека и законами остального универсума. Человеческие качества, такие как разум, милосердие, человеколюбие ограничивают и подчиняют эгоизм, корысть и соперничество. Поэтому, продолжает Поланьи, биологические и географические факторы были вполне сознательно исключены Смитом из рассмотрения. Только человеческие факторы – качество труда и соотношение между полезными и праздными членами общества – играют в интерпретации Смита действительно существенную роль в экономической жизни страны. Таким образом, в первоначальном варианте политическая экономия была призвана заниматься человеческим миром, а не миром природы⁷⁸.

Дальнейшее развитие политической экономии, согласно К. Поланьи, пошло по иному пути. У. Таунсенд спустя десять лет после выхода книги А. Смита вводит в политическую экономию мир «упрямых фактов и неумолимых жестоких законов». В своей «Диссертации» он опирается на

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

непреодолимую силу голода как на самый действенный экономический фактор, заставляющий человека напрягать свои силы так, как не может заставить это сделать никакими мерами ни одно правительство. Но раз голод – это проявление биологической природы человека, и он движет социальными процессами, то из этого обстоятельства Таунсендом был сделан вывод о том, что в основе социальных процессов лежит биологическая закономерность. Удовлетворение чувства голода есть естественная непреодолимая потребность, возведённая Таунсендом и последующими экономистами – Т. Мальтусом, Д. Рикардо, Э. Берком, И. Бентамом – в ранг природной необходимости наподобие силы тяготения в ньютоновской физике. И если, замечает К. Поланьи, в XVIII в. Гоббс, Юм, Хартли, Кенэ, Гельвеций искали универсальный закон для человеческого мира наподобие природного, но по существу всё-таки человеческого, то в интерпретации Таунсенда «законы коммерции» получают статус «законов природы»⁷⁹.

Таким образом, произошло автоматическое нивелирование духовного миропорядка, в который была вовлечена экономическая жизнь по А. Смиуту. Правительство решало вопрос с «работными домами» для пауперов, которых нужно было содержать на государственные средства. К. Поланьи считает, что политические экономисты при помощи апелляции к законам природы, движущим экономической жизнью, предоставили обоснование существующего в обществе социального неравенства и фактического освобождения правительства от социального обеспечения незащищённых слоёв населения⁸⁰.

Методологическим идеалом политической экономии XIX столетия становится ньютоновская физика, реализованная в принципе универсализации экономической реальности (А. Смит, Д. Рикардо) и в механико-математическом моделировании (У. Джевонс, Л. Вальрас, В. Парето). В психологии естественнонаучные методы также являются

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

«камертоном», должным задавать научный тон и определять любое отклонение от него. «Отец» психологии, В. Вундт, даже писал о том, что психология является более строгой эмпирической наукой, чем другие естественные науки, поскольку она не абстрагируется от субъективных опытных данных, заменяя их отвлечёнными терминами, а, наоборот, сосредотачивается на их изучении⁸¹.

Одним из ориентиров для психологической науки в период её формирования выступает психофизика. Результаты психофизики как нельзя лучше соответствуют требованиям естествознания: они представляют собой стабильные корреляции между явлениями, они получены экспериментально, выражены математически, их числовое распределение в силу установления постоянных зависимостей можно предсказать. В 1860г. Г.Т. Фехнер ввёл представление о порогах ощущений и зафиксировал закономерность между ростом интенсивности ощущения в арифметической прогрессии и возрастанием величины вызывающего его стимула в геометрической прогрессии. По словам историка психологии М.Г. Ярошевского, «во всех вновь возникающих лабораториях определение порогов и проверка закона Вебера-Фехнера стали одной из главных тем, демонстрирующих возможность математически точно определять закономерные отношения между психическим и физическим»⁸². Результаты психофизических исследований акцентировались не столько для наложения стандартов психофизики на психологическую науку (образцом для психологии XIX столетия всё-таки служила физиология), сколько для демонстрации возможностей применения математической науки в неожиданной области – в области человеческого восприятия. Психофизика (Э. Вебер, Г.Т. Фехнер, Ф. Дондерс и др.) наряду с психофизиологией (Г.Л. Гельмгольц, Э. Пфлюгер и др.) стали эталоном для многих психологов не только в силу использования ею строгих научных методов, но ещё и потому, что психофизика имеет дело

⁸¹ Вундт. В. Задача психологии//Очерки психологии. – М: Московское книгоиздательство, 1912. СС. 3-6.

⁸² Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. [Электронный ресурс] – М: Академия, 1996. – 416с. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yaros01/>

с видимыми проявлениями психического, наглядно выраженного математически. Таким образом, математика послужила связующим звеном, посредством которого становятся наглядными до того скрытые индивидуальные явления внутреннего мира. Видимые проявления психического наблюдаются всеми и поэтому получают свойство объективности. В XIX–начале XX вв. начинается экспериментальное изучение разума. Помимо структурализма и функционализма разум исследуется в работах Г. Эббингауза (метод бессмысленных слогов), Ф. Гальтона (метод умственных тестов), А. Бине (диагностика умственного развития), О. Кюльпе и Вюрцбургской школы (разработка установки, мотива и цели психического акта).

Интроспекционизм, которого придерживались Вундт и его ученики, исповедовал метод самонаблюдения за внутренним миром исследователя и был очень популярен в последней четверти XIX–первой декаде XX вв. Имея в распоряжении многочисленные приборы и производя всевозможные измерения, Вундт всё же вряд ли мог рассматривать физику как образец для психологии. Наличие в структурализме таких терминов, как «душа», «разум», «сознание» вызывает затруднение с определением отношения психологии Вундта с биологией в целом и с физиологией как её отраслью. Данные термины, имеющие более или менее давнее происхождение и воспринимаемые структуралистами всерьёз как действительное отражение психической реальности, не позволяют причислить структуралистскую психологию (термин Э. Титченера) к ответвлению физиологии, даже при нивелировании понятного стремления психологов очертить собственный предмет исследования. Они указывают на реальность иного порядка, естественным образом связанную с функционированием человеческого организма. Физиология в структурализме, скорее, воспринимается как метафора, удобная для исследования психических процессов, а собственно данные физиологии служат иллюстрацией психических процессов.

Если структурализм занимался изучением сознания с точки зрения его элементов, то функционализм представил сознание как функцию мозга. У. Джеймс, американский основатель функционализма, обосновывал, что мозговая деятельность детерминирует содержание сознания. Он интерпретировал сознание в утилитарном ключе, представив его как полезное свойство, способствующее лучшей адаптации к окружающей среде; полезность у него по-дарвиновски выступает главным критерием отбора психических актов⁸³. В случае с функционализмом налицо приверженность физиологическому стандарту и использование физиологии как аналогии и как ключа к объяснению психических феноменов.

В психологии XIX века социальная предпосылка обнаруживает себя в изучении индивидуальных различий, которое особенно активно велось психологами Соединённых Штатов. Историк психологии М.Г. Ярошевский пишет о том, что в этой стране промышленный прогресс шёл ускоренными темпами, и американская буржуазия была заинтересована в исследованиях, выявляющих индивидуальные и групповые различия, поскольку знание типов и механизмов восприятия и функционирования информации способствовало более корректному созданию необходимого «образа» товара, что несло непосредственную материальную выгоду. Широко распространённый в Америке прагматизм обеспечивал веру в возможности использования достижений психологии в коммерческих целях, что объясняет превалирование американских психологических лабораторий над европейскими. В Западной Европе преимущественным объектом исследования стала область обучения (для чего были созданы многочисленные варианты тестов, некоторыми из них пользуются и ныне), что можно объяснить развитием промышленного производства и возрастающей необходимостью обучения работников их профессиональным обязанностям⁸⁴, а также тестированием их когнитивных способностей при

⁸³ Джеймс У. Психология/Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991.– 368с.

⁸⁴ См. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. [Электронный ресурс] – М: Академия, 1996. – 416с. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yaros01/>

наиме на работу. Таким образом, движущими силами научного психологического знания в XIX в. стали поиск истины (когнитивный фактор), следование интеллектуальной моде на естественнонаучные методы (социально-когнитивный фактор) и ожидание выгоды (социальный фактор).

Характерной чертой XIX столетия явилось широкое распространение в западном обществе эпохи первой либеральной современности утилитарного мышления. Утилитарное мышление, в основании которого лежит отношение подчинения существующего бытия принципу полезности, имеет буржуазное происхождение. Его распространение связано с повсеместным распространением в обществе фундаментальных принципов рынка – превращением всех объектов действительности в товары для продажи (К. Поланьи). По А. Гоулднеру, принцип полезности помимо формы калькуляции выгоды является метафизической ценностью среднего класса, обосновывающей его собственное существование. Средний класс реализуется через понимание полезности: он является производителем и производит то, что нужно другим, и сам оценивает все предметы окружающей действительности (в том числе других людей) путём экспликации их полезности. Утилитаризм обращает внимание не на сами объекты действительности, а на последствия обращения с ними, т.е. на результаты их использования. А поскольку результаты использования зависят от многих факторов, в частности, от условий использования, то «реальность и ценность предметов меняются вместе с изменением системы отношений, в которую они включаются. Поэтому предметы более не воспринимаются как обладающие внутренней или постоянной ценностью или реальностью. Ценность предмета меняется вместе с целью, для которой он предназначен, и характер, приписываемый ему, меняется в зависимости от условий. Утилитаризм, таким образом, стимулирует рассмотрение объектов как меняющихся предметов, лишённых постоянства»⁸⁵.

⁸⁵ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб.: Наука, 2003. С. 113

Начало концептуализации принципа полезности как максимизации всеобщей пользы было положено И. Бентамом, основателем утилитаризма и лидером партии реформаторов-радикалов. Российский специалист в области философии прагматизма Б.Н. Кашников пишет, что И. Бентам и его последователи связали принцип полезности с социальной справедливостью. Справедливое общество «должно взять на себя распределение благ между членами общества с тем, чтобы обеспечить максимальное счастье для максимального числа людей; ... должно всячески поддерживать свободный обмен между членами общества, поскольку если обмен действительно свободный, то его результатом является счастье каждого из участников; ...должно взять на себя воздаяние преступникам, ...чтобы наказание приобрело общественный смысл и способствовало максимальному счастью всех, включая и самого преступника»⁸⁶. Дж.С. Милль внёс коррективы в гедонистический утилитаризм Бентама, поскольку тот содержал опасность создания элитарного порядка и манипулирования человеческим сознанием, и поместил духовные и интеллектуальные удовольствия на первое место. Помимо этого, он сформулировал концепцию распределительной справедливости (распределение общественных благ посредством налогообложения), совпавшей по смыслу с социальной справедливостью. Но, продолжает Б.Н. Кашников, «принцип пользы Милля допускал весьма широкие полномочия правительства, что не могло не вызвать подозрения у сторонников свободы»⁸⁷. Сомнение вызывали также интуитивные следствия, которые можно сделать, следуя логике теории: взаимозаменяемость индивидов («счастье одного человека ничуть не лучше счастья другого»); утилитарная жертвенность («можно пожертвовать счастьем одного во имя счастья других»); ценностный редукционизм («человеческая жизнь не имеет самостоятельной ценности, ценность имеют удовольствия»). Экспликация подобных выводов вступила бы в очевидное противоречие с

⁸⁶ Кашников Б.Н. Либеральная теория справедливости и политическая практика в России. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. С. 57

⁸⁷ Там же. С. 58

провозглашёнными принципами либерального общества, и поэтому эти выводы существовали в утилитаристской доктрине в снятом виде⁸⁸. Примечательно, что основанием для концептуализации принципа полезности выступает теория социальной справедливости, призванная сгладить факт варьирования степени полезности в зависимости от доступа к материальным и социальным благам. В силу существования такого варьирования распространение утилитарного мышления оказывается выгодным определённым классам, имеющим наибольший доступ к благам. Как отмечают многочисленные исследователи (К. Поланьи, А. Гоулднер, Э. Агацци, Н. Дендзин, И. Линкольн, П. Бергер, З. Бауман и др.), принцип полезности как высшая ценность стимулируется, прежде всего, правительством и буржуазией как получателей наибольшей выгоды от его исповедования.

В XIX веке принцип полезности проникает в социальное знание, в том числе в социально-гуманитарное научное знание и сопутствует ему на всём протяжении XX–начала XXI вв. Принцип полезности кладётся в основу научного знания как такового уже Ф. Бэконом, и науки об обществе и человеке уверенно его усваивают, воспринимая его «по наследству» от естественных наук. В естественных науках принцип полезности становится ключевым в связи с возникновением в последней четверти XIX столетия устойчивого союза науки и техники. Одним из самых ярких воплощений утилитарного мышления в социально-гуманитарных науках является концепция *homo economicus*, человеческого существа, постоянно стремящегося к максимизации прибыли и минимизации издержек. В науках об обществе и человеке соблюдение принципа полезности в первую очередь означает, что научному исследованию подвергаются те объекты человеческой реальности, которые несут непосредственную практическую выгоду или чьё изучение потенциально может её принести: «Понимание практики как глубинной основы познания, его высшего стимула и высшего

⁸⁸ Там же. СС. 58-59

критерия истины является важнейшим завоеванием теории познания XIX века»⁸⁹. Изучение человека и общества производится не только и в некоторых случаях даже не столько ради их лучшего понимания, ведущего к более гармоничному существованию общества и к наиболее полному раскрытию неповторимой человеческой личности, а часто ради более эффективного управления социокультурной реальностью. Принцип эффективности усиливается на протяжении развития социально-гуманитарных наук. Эффективность, демонстрируемая ростом формальных количественных показателей, в утилитарном обществе является главным приоритетом, и от социально-гуманитарного научного знания ожидается решение задач по оптимизации управления человеческими ресурсами. Ориентация на эффективность демонстрирует нацеленность на результат, при этом человек и общество рассматриваются как меняющиеся объекты, лишённые постоянства, помещённые в заданную среду и полностью зависящие от неё, т.е. они воспринимаются как средство, а не как самодостаточная цель. Существование связи научного знания и управления свидетельствует о прочном союзе социально-гуманитарных наук и общества, когда социально-гуманитарные науки предоставляют достоверную информацию, на основании которой в обществе осуществляется самоуправление. Как справедливо отмечал советский учёный Э.С. Маркарян, «для того, чтобы суметь эффективно управлять современным обществом, нужно иметь соответствующие глубокие знания об объекте управления, обеспечить же эти знания могут лишь социальные науки»⁹⁰. Союз социально-гуманитарных наук и общества является прямым следствием проективного мышления, одним из итогов эпохи Просвещения.

Отечественные исследователи В.Г. Федотова, В.А. Колпаков и Н.Н. Федотова показывают механизм взаимосвязи экономики, государства и научного знания посредством экспликации государственной установки на

⁸⁹ Перминов В.Я. Философия и основания математики. – М: Прогресс-традиция, 2001. С. 7

⁹⁰ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. С. 9

утилизацию знания. Центральным мотивом, которым руководствуется государство, является его экономический рост. Эффективное экономическое функционирование в условиях либерального рынка осуществляется за счёт обеспечения определённого порядка: организации крупных заказов промышленным компаниям, создания системы стандартов в различных сферах хозяйственно-экономической деятельности, умножения прикладных профессий, создания системы исследовательских центров по приоритетным направлениям, распространения научного стандарта необходимых знаний через систему массового образования. Вследствие масштабности задач и высокой затратности сделать это под силу только государству⁹¹. Естественные науки по причине их инновационной роли в техническом прогрессе естественным образом вписываются в систему государственного обеспечения экономического функционирования, и поэтому всё естественнонаучное знание также приобретает само собой разумеющуюся утилитарную направленность. Здесь следует отметить важные моменты. С одной стороны, отождествление научного знания и знания полезного происходит на уровне государственной протекции экономической деятельности, основанной на развитии индустриальной промышленности. Указанное отождествление приобретает всеохватывающий и всепроникающий характер. В силу его постоянного воспроизводства оно становится естественным в социальном восприятии и постепенно в общественном сознании заслоняет собой другие лейтмотивы целей научного познания. С другой стороны, государственное образование, поддерживая предпочтительное техническое, прикладное мышление, мягко формирует познавательные утилитарные установки людей. Усваивание таких установок приводит к тому, что они становятся естественными установками сознания и их носители начинают соотносить их со своей персональностью.

⁹¹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. СС. 174-179

Что касается наук об обществе и человеке, то само государство с вполне утилитарными целями стало пользоваться научными методами социально-гуманитарных наук задолго до того, как они формально появились. Профессор социальной и культурной истории университета Глазго Эйлин Ио занимается исследованием применения государственными служащими математических методов в изучении населения страны. Термин «инспектирование» (англ. «surveys») означает проводимую на государственном уровне «инвентаризацию собственности, запасов и людей для увеличения доходов или военной силы»⁹². Социальное инспектирование призвано не просто собирать факты, полезные для государства, но также оно имеет целью их упорядочивания и изображения с их помощью целостной картины состояния страны. Самым ранним типом социального инспектирования явилась перепись населения, проводимая с XVIII столетия. В Великобритании и во Франции чиновники пользовались разными способами подсчёта численности населения⁹³, в частности, применялись методы моделирования и кратных чисел, что в иной раз встречало сопротивление местного населения, противящегося повышению налогов и «нечестивому перечислению», оскорбляющему Создателя⁹⁴.

Статистика становится одним из основных инструментов социального упорядочивания, что связано с изменением политической ситуации в Западной Европе. А. де Токвиль, французский историк и мыслитель, в 1856г. писал о тенденции политической централизации, начавшейся в XVII и усилившейся в XIX столетии. Во Франции и в Европе в целом централизация осуществлялась за счёт разрастания и укрепления особого

⁹² *Yeo E.J. Social Surveys in The Eighteenth and Nineteenth Centuries// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 83*

⁹³ Э. Ио пишет: «Во Франции приходские священники отчитывались по статистике рождаемости местным чиновникам, которые осуществляли подсчёт населения в выбранных приходах и рассчитывали коэффициент между средним количеством рождений за предшествующие шесть лет и общим числом населения в тех приходах. Затем они определяли величину населения всей страны путём умножения общего количества рождений во Франции на этот коэффициент. В Британии калькуляции основывались на списке налогооблагаемых или на свидетельствах о смерти... Их дефекты были настолько хорошо осознаваемы, что были приняты парламентские законопроекты, в 1753 и 1758 годах для узаконивания ежегодной переписи населения». *Ibid. P. 85*

⁹⁴ *Ibid P. 84*

«административного сословия», состоящего из «одной коллегии, направляющей деятельность государственной администрации во всей стране»; «одного министра, управляющего практически всеми внутренними делами» и «единственного чиновника в каждой провинции, входящего во все подробности местных дел». Токвиль акцентирует внимание на отсутствии побочных административных коллегий, способных уравновешивать существующую коллегию и игнорировать субординацию власти⁹⁵. Старый порядок успешно миновал Революцию и воплотился в похожих институтах, выполняющих похожие функции. Администрация в интерпретации А. де Токвиля приобретает некоторые свойства власти, открытые на столетие позже М. Фуко: администрация стремится проникнуть во все области социальной жизни, делая её более упорядочивающей⁹⁶.

В связи с усилением централизации в XIX веке происходит усовершенствование методов социального инспектирования. А. Кетле, математик и астроном, обосновал использование статистического метода обработки данных о населении, получаемых во время социальных опросов в Британии и во Франции⁹⁷. Ему принадлежит идея создания «социальной физики» (1835), количественной науки, опирающейся на представление об обществе как об обладателе постоянных социальных показателей, при точном измерении которых можно выявить закономерность и получить статистический социальный закон по образцу законов ньютоновской физики, с унификацией социального пространства, социального времени и введением социального актора – «среднего человека». Высокая приверженность статистике государственных служащих, рост количества и качества статистических исследований обуславливается развитием государственного аппарата, нуждающегося в систематизации всевозможных характеристик населения. «Социальная физика» А. Кетле, опирающаяся на

⁹⁵Токвиль А. де. Старый порядок и революция. – М.: Моск. философский фонд, 1997. С. 51

⁹⁶ Там же. С. 53

⁹⁷В XIX в. статистические опросы уже проводились, и поэтому социология уже тогда являлась эмпирической наукой, вопреки распространённому мнению, согласно которому она стала таковой только в XX веке под влиянием Чикагской школы и неопозитивизма.

механистическую закономерность (строго однозначный характер связей и зависимостей), статистическую закономерность (вероятностное распределение случайных признаков) и концепцию «среднего человека», эксплицирует ключевые признаки вовлечённости изучаемых «объектов» (составляющих население) в социальную и политическую систему. Случайные свойства (будь то поголовье скота у крестьянина, условия проживания рабочего, вид и количество произведённой продукции, характер земель или нравы жителей) уже вписаны в существующий порядок, им уже отведено место в своде таблиц и ежемесячных отчётов. Концепция «среднего человека» фактически обосновала существовавшую в то время административную практику доминантного мышления, объектами которого могли быть пассивные, инертные, одинаковые и потому понятные граждане, о которых возможно мыслить в масштабах государства.

В XIX столетии уже возникает эмпирическая социология. Т. Портер указывает, что в середине века Ф. Ле Плэй, представитель элитарной шахтёрской корпорации, создал метод, основанный на детальном монографиях, для лучшего понимания домашнего хозяйства шахтёров, ремесленников и чернорабочих. Такая информация могла быть использована работодателями и преуспевающими людьми как путеводитель по благотворительности и организации производства⁹⁸. В Британии – в Лондоне и Манчестере – возникли два статистических сообщества, которые проводили очные опросы определённых групп граждан (рабочих, нищих, преступников, иммигрантов) с целью письменной фиксации их поведения и внушения правильного образа жизни. Э. Ио обращает внимание на то, что социальное инспектирование, направленное на улучшение качества жизни, предполагает неравное отношение между исследователем и исследуемым: «Наблюдатели были поставлены на высоту и на дистанцию, где бы они получили обзор целого, воистину господствующий взгляд, который стал

⁹⁸ Porter T.M. Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment To 1890//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 25

характеристикой господства»⁹⁹. Социальное инспектирование, включающее составление сводных таблиц, регулярный обход населения и учреждение специальной «науки о бедных», так или иначе связывается с механистическим представлением об обществе, где каждый его член является «винтиком» большого механизма и нуждается в систематическом осмотре и регулировке.

Социологические построения, использующие механистические и биологические метафоры, можно объяснить возникшей в XIX в. необходимостью в научном обосновании стабильности социального «агрегата» и поступательности его развития. В психофизике поиск математических пропорций является следствием витающего в воздухе ореола разложимости социокультурной реальности на математически строгие составляющие.

Известный английский историк психологии Грэхем Ричардс пишет, что уже к 1700 году в распоряжении имелись методы, которыми начали пользоваться психологи середины XIX столетия, в том числе уже тогда можно было посчитать количество попыток заучивания списка слов и даже приблизительно измерить время реакции, но людям не приходило в голову это сделать¹⁰⁰. Ричардс пишет: «Они не терпели неудачу в ответе на одни и те же вопросы, но просто задавали другие – о природе добродетели; об отношении бессмертной души и тела; о том, приходят ли все идеи из чувственного опыта или же некоторые из них являются внутренними и самоочевидными; какого рода субстанцией является разум; как управлять страстями; как учить детей или... как характер отражается на лице»¹⁰¹. В XVIII веке апелляции к природному бытию человека и общества были оттенены другими способами экспликации социокультурной реальности – в работах в области социальной и политической философии, теологии, этики, воспитания и образования личности, риторики, лингвистики, литературы,

⁹⁹ *Yeo E.J. Social Surveys in The Eighteenth and Nineteenth Centuries// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 84*

¹⁰⁰ *Richards G. Putting Psychology in Its Place: Critical Historical Perspectives. Routledge, 2010. P. 20.*

¹⁰¹ *Ibid.*

истории. Они, в конечном итоге, подразумевали антропоцентризм (помещение человека в центр мироздания и формирование человекообразной познавательной установки), предпосылку человеческого достоинства и вытекающих из неё неотъемлемых прав и свобод личности. Соблюдался некий когнитивный баланс изначальных предпосылок исследования: сосуществовали понимание, что человеческое бытие единосуще бытию природы и понимание, что человек обладает некими принципиальными особенностями, не сводимыми к миру природы и не выводимыми из него, особенностями, которые делают человека собственно человеком. К таким особенностям можно отнести свободу воли, разум, этическое и эстетическое чувство, творчество. В XIX веке, когда в науках о человеке и обществе произошла монополизация натуралистической парадигмы как единственно научной, баланс интерпретации общества и человека был нарушен. Это не значит, что дискурс о собственно человеческом, не поддающемся механистическому и биологическому редуцированию исчез, но он не вписался в плоскость научного знания, оставаясь в области философии, теологии, художественной литературы и публицистики. В научном знании мораль, религия, право подверглись, по выражению М. Вебера, «расколдовыванию» и стали объясняться с естественнонаучной точки зрения как специфические явления, скрепляющие и организующие общество и структурирующие человеческое сознание, не присущие миру животных и растений и миру атомов и механических объектов, но действующие сообразно им. В социально-гуманитарных науках (сперва в социологии, а затем и в психологии) под флагом позитивизма, утилитаризма и здравого смысла развернулась борьба с результатами метафизических измышлений, не имеющих объективно наблюдаемых проявлений. Данная метаморфоза может быть сочтена за ключевой поворот в истории науки, когда с перениманием естественнонаучной методологии науки об обществе и человеке обрели свою истинную сущность и стали собственно науками. Аргумент о понимании научности как

естественнонаучности мог бы считаться приемлемым для наук об обществе и человеке, если бы впоследствии в конце XIX–начале XX вв. и особенно с 60-80-х гг. XX вв. представителями конкретных социально-гуманитарных дисциплин, признанными научной общественностью, не было обосновано гуманистическое направление наук об обществе и человеке. Это обстоятельство несколько корректирует представление о необходимости и достаточности естественнонаучного метода в социально-гуманитарных науках.

В XIX столетии социальные и гуманитарные науки распространили способ мышления, принимающий установленный социальный и политический порядок как данность. Это не значит, что они не выступали за преобразования и совершенствования, как раз наоборот. Но преобразования и совершенствования предполагались внутри заданных математически строгих и «эволюционных» условий социокультурной реальности, т.е. вне допустимости гражданских войн и переворотов, а это означало автоматическую поддержку существующего социально-политического устройства. Стоит отметить, что в оценке социальной обусловленности социально-гуманитарных наук XIX столетия нет единства мнений. Немецкий социолог П. Вагнер считает, что в XIX веке обусловленность социально-гуманитарных наук ограничивалась только лишь приказами со стороны социальных институтов и частных лиц, которые осуществлялись полунаучными-полуполитическими ассоциациями консервативного толка, направленными на сохранение существующего политического порядка, а также службами социального инспектирования. Последние заведомо выполняли государственные поручения крупных собственников, владеющих заводами и фабриками и изучающих положение рабочих во избежание забастовок и стачек, мешающих производственному процессу¹⁰². Без

¹⁰² П. Вагнер пишет об этом так: «...Ясно политически ориентированные или, более широко, планомерно ориентированные формы социальных наук стали появляться (возобновляться) в ряде стран. Часто их началом были эмпирические разъяснения проблемных социальных ситуаций, стратегия, разрабатываемая такими разнородными активистами, как «гигиенисты» и группа вокруг Фредерика Ле Пляе во Франции, реформистские моралисты Британии, влиятельные интеллектуалы Соединенных Штатов, инспекторы

потребности среднего класса в знании подобного рода данные научные исследования не были бы осуществлены. Однако, в целом, как полагает П. Вагнер, социально-гуманитарные науки возникли в XIX столетии как исследовательская деятельность либеральной научной элиты, воспринявшей просвещенческий идеал современности и познавательный идеал естественных наук. Другой учёный, Д. Росс, более резко высказывается об идеологической составляющей социально-гуманитарных наук XIX столетия, считая её движущей силой их развития. К примеру, она рассматривает эволюционную теорию в качестве информационной технологии индустриализма и империализма¹⁰³.

Имеет место совпадение натуралистических принципов изучения действительности с интересами социальных групп – аристократии, среднего класса, владельцев крупных фабрик и заводов, государственных служащих. На этапе возникновения и начального развития социально-гуманитарных наук можно утверждать, что социально-мировоззренческий контекст располагал к господству натуралистических представлений. Биологические метафоры и аналогии общества и человека в социально-гуманитарных науках служили подтверждением укоренённости человека и общества в природном бытии, их сообразности природе, а также в иерархичности, структурированности, упорядоченности, устойчивости и последовательности

фабрик империалистической Германии. Часто реформизм был тесно связан с более обстоятельными амбициями учёных и созданием полунаучных, полуполитических ассоциаций, таких как Американская Ассоциация Социальных Наук, Ассоциация социополитики немецких исторических экономистов, Общества Фабьена и Ле Пля. В большинстве своём предпринятые исследования были открыто эмпирическими и наблюдательными и сводились к политическому реформизму консервативного типа, сосредоточенному на защите порядка». См. *Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 592*

¹⁰³ Как считает Д. Росс, особую роль в приобретении научного влияния сыграла дарвиновская теория эволюции, на которую опирались социально-гуманитарные науки. Она сделала правдоподобными два взгляда: «взгляд на человеческие существа как на животных, адаптирующихся к окружающей среде и взгляд на общество как организм с взаимно адаптивными структурами и функциональными нуждами, так что адаптивная, функциональная, организмическая и эволюционная модели получили новую легитимацию в психологии, социологии и антропологии. «Компаративный метод» антропологии поместил народы и расы, обычаи и мифы в громадную эволюционную сетку и приписал их к стадиям единого эволюционного процесса. Эволюционная перспектива предоставила технологию для оценивания мира, который был создан индустриализмом и империализмом, с его расовым, классовым и гендерным неравенством, использующим как европоцентристские стандарты, так и их романтические подверсии». *Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 210*

развития общества. Биологическая методологическая программа получила широкую общественную поддержку, потому что она отвечала социальным потребностям аристократии и буржуазии в стабильном социокультурном бытии, в исторической преемственности общества. Концептуальный аппарат биологии предоставил устойчивость положения высших слоёв общества и укреплял уверенность низших слоёв общества в необходимости адаптации к быстро меняющимся условиям жизни. Параллельная биологической и конкурирующая с ней механистическая методологическая программа посредством использования количественных параметров отвечала желанию государственных чиновников вписать человека и общество в чёткие пространственные, временные, физические, физиологические, психические и социальные границы. Посредством распространения механистических представлений в общественном сознании выравнивались социально-групповые и индивидуальные особенности, и предоставлялось интеллектуальное основание для государственного управления индивидами.

Итак, на этапе зарождения наук об обществе и человеке и их развития вплоть до конца XIX столетия можно констатировать амбивалентность источников развития социально-гуманитарных наук, вытекающую из амбивалентности самой эпохи первой либеральной современности, в которой они формировались. Натурализация социально-гуманитарных наук, с одной стороны, происходила под сильным воздействием когнитивных факторов, острого познавательного интереса исследования социальной реальности и человека зарекомендовавшими себя естественнонаучными методами. Натурализация наук об обществе и человеке осуществлялась при абсолютном познавательном господстве естественнонаучного образца, при отсутствии альтернативы научного исследования действительности. С другой стороны, интеллектуальная мода на естественные науки не сыграла бы такой значительной роли в формировании социально-гуманитарных наук, возможно, само возникновение наук об обществе и человеке было бы отложено на неопределённый срок, если бы в эпоху первой либеральной

современности общество не поставило себе целью собственное преобразование, которое предполагалось осуществить на основании разума, т.е. на основании предпосылки о том, что разум обладает конструирующей силой. Потребовалась рационализация социокультурной реальности с целью её преобразования. Поэтому возникли не существовавшие до этого социально-гуманитарные науки. Они явились результатом социальной потребности в объективной рационализации социокультурной реальности, которая могла быть обеспечена лишь специально для этого созданным интеллектуальным направлением – науками об обществе и человеке – по примеру наук о природе, успешных в рационализации действительности. Следовательно, социально-гуманитарные науки развивались под непосредственным воздействием социального фактора. Они оказались открыто вписанными в проект модернизации общества.

В то же время наблюдалось обратное воздействие структур социально-гуманитарных наук на развитие общества, что также давало дальнейший импульс их развитию. Посредством использования естественнонаучной методологии и концептуального аппарата естественных наук происходило укоренение общества и человека в природном бытии, что означало постулирование ограничения возможности конструирования социальной реальности. В самом обществе эпохи первой либеральной современности наряду с тенденциями модернизации имелось движение консервативного толка, направленное на сохранение существующего до модернизации социального порядка, т.е. на архаизацию общества. Во многом это объясняется тем, что в современном обществе сохранилось классовое противоречие собственников, владеющих средствами производства, и наёмных рабочих, продающих свой труд за заработную плату. Научные познавательные структуры в таком случае, как правило, не задавались извне, но активно использовались в социальных целях, что создавало дополнительные стимулы для развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук. Подобные

связи когнитивного и социального в научном знании носили косвенный характер, они не заявлялись открыто и не нивелировали когнитивную составляющую научного знания об обществе и человеке.

2.3. Социальный кризис рубежа XIX–XX вв. и развитие антинатуралистических исследований

На рубеже XIX–XX вв. в западном обществе фиксируется кризис, эпохи первой либеральной современности, наступление которого было вызвано автономными и вместе с тем связанными между собой процессами. Наступил кризис в экономической, политической, социальной и духовной сфере, что не могло не отразиться на тенденциях научного исследования социокультурной реальности.

Учёными отмечается, что на рубеже XIX–XX вв. сложилась особая духовная атмосфера. Изменения коснулись, прежде всего, экономики, на которой основывается всё современное западное общество. Российский экономист М.Л. Хазин полагает, что к концу XIX века «начался кризис падения эффективности капитала». Его причиной явилось замедление расширения экономической зоны трёх ведущих экономических держав – Великобритании, Германии и США – в результате исчерпания свободных рынков. «Вложения в инновации и новое производство становились все менее и менее рентабельными». «Итогом вышеупомянутого кризиса стало резкое усиление циклических кризисов, бывших до того обычным, но не критичным явлением. Теперь они стали намного продолжительнее»¹⁰⁴. Особенно ощутимыми перемены оказались ещё и потому, что до экономического кризиса, как указывает другой экономист К. Поланьи, капитализм развивался как никогда быстрыми темпами. К. Поланьи пишет об этом времени так: «В 90-е гг. финансовая олигархия достигла вершины своего могущества»¹⁰⁵. Однако с 1900-х гг. «обнаружились острые симптомы

¹⁰⁴ Хазин М.Л. Мир на пороге новых перемен [Электронный ресурс]. Дружба народов. №7, 2012. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2012/7/h13.html>

¹⁰⁵ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Электронный ресурс]. – СПб.: Алетейя, 2001. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/369666/read>

кризиса прежней организации мировой экономики — колониальное соперничество и борьба за заморские рынки»¹⁰⁶. Помимо экономического кризиса наступил международный политический кризис конца XIX – начала XX века; мир готовился к войне. Существует прямая связь между данными экономическими и политическими процессами. Возникшая в результате франко-прусской войны Германия окрепла в экономическом и военном отношении и в 1880-е гг. с опозданием вступила в борьбу за колониальную экспансию. Свободная мировая торговля, до этого периода осуществлявшаяся на основе распределения экономических зон крупных мировых держав, не могла продолжаться далее. Произошло нарушение системы экономического равновесия, сопровождаемое созданием Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и его противовеса в виде Антанты (Великобритании, России, Франции). Создание двух конкурирующих блоков неминуемо привело к войне. Первая мировая война стала борьбой за перераспределение рынков сбыта.

Помимо экономического и политического кризиса на рубеже XIX-XX вв. наблюдался острый социальный кризис. Надвигающаяся социальная катастрофа явилась следствием таких изменений, как индустриализация и урбанизация. К. Поланьи видит в социальном кризисе результат реализации классового мышления. Торгово-промышленный класс не был способен почувствовать те «опасности, которые несли с собой безжалостная эксплуатация физических сил работника, распад семьи, разрушение природной среды, вырубка лесов, загрязнение рек, падение профессиональных стандартов, кризис традиционного жизненного уклада, подрыв нравственных устоев и общая деградация человеческого существования, в т. ч. в сфере жилищных условий, ремесел и бесчисленного множества иных форм частной и общественной жизни, не связанных с получением прибыли»¹⁰⁷. Немецкий социолог П. Вагнер считает, что

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

социальный кризис косвенным образом свидетельствовал о порочности проекта экономического саморегулирования. В 1870-1880-е гг. рост бедности, преступности, ухудшение здоровья населения, которые раньше «расценивались как переходные проблемы на пути к социальному порядку... теперь... стали расцениваться как устойчивые и потенциально опасные для социального порядка»¹⁰⁸. Перенаселенность городов привела к безработице, что вызвало крайнюю бедность населения. Социальный кризис рассматривался как плата за модернизацию и коснулся всех стран, в том числе самых экономически успешных. К примеру, в Великобритании, чье влияние на мировую политику и экономику всегда было чрезвычайно велико, а «голос Лондонского Сити оказывался слышен во многих малых странах, принявших... символы верности новому миропорядку»¹⁰⁹, также наблюдался затяжной социальный кризис. Согласно британским специалистам по социальной истории Т. Батлеру и К. Хамнету (T. Butler, Ch. Hamnett), в 1870-е гг. в Лондоне обострился социальный кризис, воспринимавшийся как угроза политической и социальной стабильности города. Причины его возникновения лежали в рынке труда, который характеризовался небезопасностью, особенно в Восточном Лондоне, тяжестью, низкой оплатой труда, её сдельностью; труд часто осуществлялся на дому. Это привело вкупе с необходимостью рабочих жить рядом с потенциальным заработком к перенаселённости и бедности Ист-Энда, быстрой смене его населения (треть рабочих сменялась за год), высокой детской смертности, а также к криминалу, безнравственности, развращённости, инцестам. В то же время большинство людей среднего класса не знали либо не интересовались бедностью рабочих окраин. На протяжении 1880-х гг. случались бунты, беспорядки, а в 1889г., когда произошла забастовка рабочих пирса,

¹⁰⁸ *Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 592*

¹⁰⁹ *Поланьи К. Ук. соч.*

социальный кризис достиг своего пика, после чего наступили ограниченные улучшения¹¹⁰.

Осознание высокой платы за модернизацию вызвало широкое недовольство, которое вылилось в рост пессимистичных настроений в обществе. Философ Ф. Ницше высказался об этом времени как о «времени большого внутреннего упадка и распада». Всё, по его словам, было пронизано неопределённостью: «Нет ничего, что бы стояло на ногах крепко, с суровой верой в себя – живут для завтрашнего дня, ибо послезавтра сомнительно. Всё на нашем пути скользко и опасно, и при этом лёд, который нас ещё держит, стал таким тонким; мы все чувствуем грозящее нам дыхание оттепели – там, где мы ступаем, скоро нельзя будет пройти никому!»¹¹¹. Ницше отмечал у современников чувства помрачения, отвращения, опустошения, обречённости. Духовному упадку и регрессу сопутствовали неприятие жизни, безнадежность, уныние. Эти настроения нашли прямое отражение в искусстве декаданса, характерными чертами которого стали тема небытия и смерти, отрыв от реальности, эстетизм. В философской мысли на первый план вышли эмпириокритицизм (Э. Мах), философия жизни (А. Бергсон, Г. Риккерт), волюнтаризм (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), феноменология (Э. Гуссерль), в основании которых лежали интуитивизм, иррационализм, антиинтеллектуализм. В это время, как отмечает Дж. Бернал, «инстинкт и интуиция стали расцениваться как нечто более важное, чем разум... Разум отвергается как устаревшее понятие...»¹¹².

Американский психолог Л. Фестингер разработал теорию когнитивного диссонанса, согласно которой когнитивный диссонанс есть противоречие в системе знания, которое неизбежно приводит к появлению психологического дискомфорта. Поскольку, как считает Л. Фестингер, в человеке заложено стремление к сохранению достигнутой внутренней гармонии, в том числе гармонии между знанием и поведением, то

¹¹⁰ T. Butler, Ch. Hamnett. *Ethnicity, Class and Aspiration: Understanding London's New East End*. – Bristol: The Policy Press, 2011. PP. 39-42.

¹¹¹ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005. С. 60

¹¹² Бернал Дж. Наука в истории общества. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. С. 119.

«стремление к уменьшению диссонанса – это базовый процесс, свойственный человеку»¹¹³. Соответственно, логическая непротиворечивость между отдельными элементами в системе знаний (т.н. «когнитивный консонанс») является не просто требованием разума и следованием принципам рациональности, но и особой психологической потребностью¹¹⁴. В конце XIX–начале XX вв. наступил когнитивный диссонанс, связанный с осознанием противоречия между культом социального и экономического прогресса и развёртывающимся социально-экономическим кризисом. Данный когнитивный диссонанс отразился на принципах познания – в условиях кризиса первой либеральной современности произошло разочарование в разуме как в ненадёжном средстве познания, а также разочарование в прежней науке как в воплощённой рациональности.

Английский историк Дж. Барроу пишет, что со второй половины XIX века наука была преподнесена как прогрессивная парадигма, которая обещала социальные изменения и технологическую инновацию. Наука предложила твёрдый материалистический способ понимания мира, противопоставленный метафизике и религии. Ч. Дарвин и Г. фон Гельмгольц утвердили закономерность природы. Но в конце XIX века вследствие кризиса разума последователи материализма стали идеализировать природу, наделяя её метафизическими эмоциональными и даже этическими качествами. К концу века такие влиятельные дарвинисты, как Э. Геккель, описывали природу как мистическое единство. Многие интеллектуалы начали отождествлять природу с имманентным божеством, в первые годы XX века начался подъём оккультных движений, подпитываемых зарождающейся психологической наукой и ницшианским отрицанием¹¹⁵.

¹¹³ *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Ювента, 1999. С. 18.

¹¹⁴ Там же. С. 21. Э. Фромм также упоминает этот базовый принцип человеческого существования. «Наш мир становится осмысленным, и мы обретаем уверенность, когда наши представления согласуются с тем, что нас окружает. И даже если карта мира ложна, она выполняет свою психологическую функцию. Но эта карта никогда не бывает совершенно правильной. Она всегда достаточна как приблизительное объяснение разнообразных феноменов, чтобы служить жизненным целям. И пока жизненная практика свободна от противоречий и иррациональности, такая карта может действительно соответствовать реальности». См. *Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990. СС. 142-143.

¹¹⁵ *J. W. Burrow.* The Crisis of Reason: European Thought, 1848-1914. Yale University Press, 2002. P. 134-140.

В естественной науке кризис выразился не только в кризисе материалистического мировоззрения – в мистическом одухотворении природы, но и в кризисе традиционного механистического детерминизма, причиной и проявлением которого служит неклассическая физика. Однако научная революция и великие теоретические открытия (среди них создание Г. Лоренцем, А. Пуанкаре и А. Эйнштейном специальной теории относительности) произошли не в конце XIX в., а в самом начале XX столетия¹¹⁶. (Именно поэтому нельзя утверждать, что одно появление неклассической физики вызвало зарождение альтернативной исследовательской программы социально-гуманитарных наук. Многие из работ антинатуралистической направленности по социологии, психологии вышли в свет ещё в XIX в. – что подтверждает мысль об отсутствии примата методологии естественных наук в исследовании человеческой реальности – и явились признаком кризисного состояния общества).

При модернизации изменение поведения человека традиционного общества и появление автономного ответственного индивида стало возможным посредством преодоления когнитивного диссонанса, возникшего из-за несоответствия традиционных представлений и требуемого современным обществом нового поведения. Преодоление когнитивного диссонанса осуществилось путём введения новой максимально растиражированной и социально разделяемой интерпретации социальной картины реальности. Социальная картина реальности является изменяемым, постоянно воспроизводимым образом общества, который создаётся посредством истолкования, осмысления людьми их отношений друг с другом¹¹⁷. Социально-гуманитарные науки как вид социального дискурса приняли активное участие в интерпретации социальной реальности и, соответственно, в построении современной социальной картины мира (объективность социальной реальности, её предсказуемость, атомистичность,

¹¹⁶ *Бернал Дж.* Наука в истории общества. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. С. 319

¹¹⁷ *Власова В.Б.* Социальная картина мира как проблема идеологии//Теория и жизненный мир человека. – М.: Наука, 1995. С. 110

математически точные составляющие, органичность и др.). Немецкий социолог П. Вагнер признает в социальных науках форму саморефлексии современного общества. П. Вагнер считает, что социально-гуманитарные науки являются «...специфическим способом интерпретации социально-исторического опыта»¹¹⁸. Науки об обществе и человеке при таком подходе выступают специфическим способом концептуализации современности, «коллектором интерпретаций»: «Они попытались сделать отвечаемыми все вопросы, которые поставила современность, элиминируя те из них, которые оказывались не отвечаемыми при способе её функционирования»¹¹⁹.

Социально-гуманитарные науки, интерпретируя социокультурную реальность, создали коридор её понимания, реализуя скрытые (неявные) механизмы интеллектуального воздействия на общественное сознание и поведение. Интерпретация человеческой реальности посредством натуралистической исследовательской программы стала способом доминирования определённых типов социального мышления. При этом принципы существования либерального западного общества – свобода слова, мысли, совести, поведения – формально не нарушались. Французский социолог П. Бурдьё прокомментировал данный факт следующим образом: «...Легитимация социального порядка не является продуктом сознательного направленного действия пропаганды или символического внушения, как в это верят некоторые; она вытекает из того, что агенты применяют к объективным структурам социального мира структуры восприятия и оценивания, произошедшие от этих объективных структур, и поэтому существует тенденция воспринимать социальный мир как должное»¹²⁰. Структуры восприятия и оценивания содержатся в интерпретации социокультурной реальности, осуществляемой, в том числе, социально-гуманитарными науками. При этом социально-гуманитарная научная

¹¹⁸ *Wagner P. Theorizing Modernity: Inescapability and Attainability in Social Theory. SAGE Publications, 2001. P.3*

¹¹⁹ *Op. cit.*

¹²⁰ *Бурдьё П. Начала. Choses dites: Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ – М.: Socio-Logos, 1994. С. 199*

интерпретация реальности при опоре на научную методологию позиционируется как объективное знание, имеющее абсолютно легитимный истинностный характер и поэтому имеющее большую ценность.

В связи с кризисом первой либеральной современности произошли изменения в социально-гуманитарных науках, обосновывающим её существование. Во-первых, пессимизм, неспособность общества разрешить накопившиеся в результате собственного развития проблемы, наводящие на мысли о порочности развития современного общества, отразились на взглядах социологов – Г. Зиммеля, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Парето. Историк и социолог И.С. Кон так описывает возникшую ситуацию: «Всем им присуще ощущение глубокого социального кризиса, исторического пессимизма, чувство разочарования. Мысли Тенниса — о разрушении общинных связей, Зиммеля — о кризисе культуры, Дюркгейма — об аномии, Вебера — о харизме и бюрократии, Парето — об иррациональных основах социального поведения — пронизаны жгучей тревогой по поводу проблем, способов разрешения которых они не видят»¹²¹.

Во-вторых, что более важно, представителями социально-гуманитарных наук была построена новая исследовательская программа, противопоставляющая себя господствовавшему натурализму, не достоверно описавшему социальную реальность и не оправдавшему социальные ожидания. Возникла социальная потребность в новых способах интерпретации социальной реальности и человека. Недоверие объективизму и материализму, транслируемых натуралистической исследовательской программой наук об обществе и человеке, привело к исследованию того, что не лежит на поверхности, скрыто внутри социально-гуманитарных объектов, что можно почувствовать, удостовериться лично, на субъективном уровне и что не подчиняется закономерности либо подчиняется ей частично. Новая исследовательская программа социально-гуманитарных наук нашла наиболее

¹²¹ Кон И.С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX в. // История социологии в Западной Европе и США / Ред. Г.В. Осипов. – М.: Норма. 2001. С. 96

яркое выражение в трудах В. Дильтея, Г. Риккерта, В. Виндельбанда, Г. Зиммеля, Ф. Брентано. Практически одновременное появление работ антинатуралистической исследовательской программы свидетельствовало о кризисе натурализма, который был связан, с одной стороны, с объективной познавательной ситуацией. Натуралистическая исследовательская программа была не в силах адекватно описать и объяснить изменяющуюся социокультурную реальность. Имелась когнитивная необходимость в расширении исследовательского аппарата социально-гуманитарных наук, что и было сделано. С другой стороны, именно изменение социокультурной реальности, наступление кризиса эпохи первой либеральной современности указало на неполноту и неадекватность натурализма наук об обществе и человеке. Соответственно, если бы социально-экономический кризис не наступил, неполнота и неадекватность натурализма были бы неочевидными для общества и самих учёных. Протест против гегемонии натуралистической исследовательской программы, вероятно, возник бы в любом случае, но не в таком «концентрированном» виде и, скорее всего, не в лоне самих наук об обществе и человеке. Таким образом, перед нами – пример косвенной связи когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Социальная ситуация не диктовала наукам об обществе и человеке определённые когнитивные структуры, что не позволяет назвать связь когнитивных и социальных факторов прямой. Звеном, опосредующим связь когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук, здесь является сама социокультурная реальность, когнитивно фундирующая содержание наук об обществе и человеке и в то же самое время являющаяся продуктом коллективных действий людей.

Остановимся немного на представителях новой исследовательской программы социально-гуманитарных наук. В. Дильтей в противовес механицизму утверждает целостность человеческой природы, при помощи которой он объясняет «живое единство личности», принципы существования другого сознания, историческую жизнь индивидов, межиндивидуальное

взаимодействие¹²². Науки о духе («науки о человеке, истории и обществе») он объявляет особыми опытными науками. Опыт, на котором основываются науки о духе, берёт начало не во внешних восприятиях, требующих дополнительной проверки, как это происходит в естественных науках, а во внутренних переживаниях и осознаниях, непосредственно достоверных для каждого человека. Общий метод наук об обществе и человеке – созерцание, их цели – осмысление в противовес овладению, которое предполагает формально-логический метод естественных наук.

Контекстуальность развития душевной жизни, эмпирическая невозможность её рассмотрения вне зависимости от времени, места и социального окружения, а также нелинейность формирования способности понимания сообщает результатам социально-гуманитарных наук, по В. Дильтею, неопределённый и вероятностный характер. Решающую неопределённость придаёт тезис о свободе человеческой воли¹²³. Поэтому вывод о дальнейшем поведении индивида, способного понимать и наделённого свободой воли, или общества, состоящего из таких индивидов, может быть сделан с определённой долей вероятности, а, следовательно, никак не может притязать на всеобщность.

Дильтей не признаёт социологии в её позитивистском варианте как науки об общественно-исторической действительности. Он считает, что такой науки не существует, поскольку не существует её неизблемых законов, которые имели бы силу для всех обществ и индивидов¹²⁴. Общество воспринимается им как интеллигибельное целое, и для изучения этого целого продуктивны специализированные исследования культурно-исторических систем и локальных социальных организаций, а также данные по психологии и этнологии. Именно они способны продемонстрировать взаимосвязи, которые существуют в общественно-исторической действительности.

¹²² Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1 Введение в науки о духе/Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 275

¹²³ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1 Введение в науки о духе/Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 282

¹²⁴ Дильтей В. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1 Введение в науки о духе/Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. СС. 363-364

Г. Зиммель при анализе общества исходит из человеческого сознания, но приписывает обществу объективное существование, поскольку социальные связи существуют в «вещах» – индивидуальных человеческих душах. Социальные связи не воплощаются в пространстве и, следовательно, не имеют никаких эмпирически наблюдаемых проявлений, но получают объективный статус благодаря подтверждению другого человека, наличию у него такого же «сознания соучастия... в образовании единства»¹²⁵. Осознание единства человека с человеком «в понимании, любви, совместном труде» не является заданным и предсказуемым, потому что, как указывает Зиммель, зависит от познавательных способностей и потребностей субъекта коммуникации. Общество в таком случае является когнитивным представлением субъекта, оно основано на активности его сознания и предполагает другого, равного ему и столь же реального субъекта.

Ф. Brentano, австрийский философ, считал ментальные акты сознания главным предметом психологического исследования и находил, что экспериментальные методы не в состоянии их исследовать. Он строго разграничивал психическое и физическое: «Не только подчинение психологического исследования физиологическому, но также смешение последнего с предыдущим кажется... опрометчивым. ...Только несколько физиологических фактов могут пролить свет на ментальные феномены»¹²⁶. Именно Brentano принадлежит мысль об интенциональности, активности и предметности сознания (сознание – всегда сознание о каком-либо объекте), и именно потому, что математика не в силах дать математическую структуру каждого объекта действительности, она к психологии не применима¹²⁷. Brentano непосредственно повлиял на такие крупные интеллектуальные течения, как феноменология, аналитическая философия, теория объектов, гештальтпсихология. Интеллектуальную линию Дильтея и Brentano, отвергающую эксперимент в психологии как ненадёжный метод

¹²⁵ Зиммель Г. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1992. №2, С. 102 - 114.

¹²⁶ Brentano F.C. Psychology from an Empirical Standpoint. – NY: Routledge, 1995. P. 48

¹²⁷ Op. cit. P. 49

исследования, и сосредотачивающую своё внимание на объективном внутреннем мире человека, осознании человеком самого себя посредством созерцания объектов внешнего мира, продолжили Э. Гуссерль, М. Хайдеггер уже в рамках философии.

Неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт противопоставляют науки о природе, использующие метод обобщения, и науки о культуре, следующие методу индивидуации. Риккерт склоняется к тому, чтобы представить социологию не как позитивистское «учение о законах природы, однообразно управляющих всяким совершающимся в действительности процессом», а как «мир, который выше природы»¹²⁸. Хотя Риккерт не отрицает возможность существования позитивистской социологии (так же, как он не отрицает возможность успешного функционирования экономики, где во внимание принимаются только массы), но отдаёт предпочтение индивидуализирующей социологии, которая сводится к социально-историческому и, в конечном итоге, к историческому познанию. Научную объективность, по Риккерту, такому познанию придаёт, во-первых, строгость логического способа формирования исторических понятий и, во-вторых, общезначимый характер ценностей, к которым апеллируют историческая наука.

Общими чертами указанных исследователей, имевших значительное влияние на развитие научной и философской мысли, являются отрицание либо значительное ограничение применения позитивистской методологии для исследования социокультурной реальности; акцентирование специфики человеческого мира в отличие от мира природы; сосредоточенность на ментальных процессах и на внутреннем мире человека, в котором разворачивается собственно социальная и психологическая реальность; утверждение контекстуальности развития человеческих феноменов, их невозможность (или непринципиальность) подведения под всеобщую закономерность; отсутствие предсказаний дальнейшего развития

¹²⁸ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. – СПб.: Наука, 1997. С. 91

социокультурной реальности; оценка наличия подобного предсказания как стремления к контролю над обществом и человеком, в основании которого лежит отрицание свободы воли индивидов.

Существует традиция объяснения возникновения интерпретативизма особенностями немецкой культуры, восприимчивой к идеалистическим и около идеалистическим веяниям, утверждающим превосходство духа и закреплённым влиятельной философией Г.В.Ф. Гегеля. Действительно, интерпретативизм получил широкое распространение благодаря немцам – В. Дильтею, Г. Риккерт, В. Виндельбанду, Г. Зиммелю, М. Веберу, Ф. Brentano (австриец), Э. Гуссерлю (немец еврейского происхождения) и т.д. Немецкий исследователь Х. Абельс утверждает, что качественное социальное исследование происходит из немецкой романтики начала XIX века. Она обеспечила, во-первых, прорыв субъективного опыта в научное мышление Нового времени. Во-вторых, романтика представила новое комплексное понимание реальности, состоящей из множества частей, обладающих самостоятельной ценностью и собственным смыслом. И, в-третьих, романтическое мышление предположило существование различия, выражаясь кантовским языком, между феноменом и ноуменом, т.е. между тем, чем вещь кажется и как она существует на самом деле¹²⁹. Заметим, что ценность и самобытность внутренней жизни, подразумевающая возвышение человека, указывает на существование гуманистических идеалов, корнями уходящих в эпоху Возрождения. Постулирование жизни души, скрытой от постороннего глаза, отсылает к религиозному и, поскольку речь идёт о Западной Европе, к христианскому мировоззрению. Х. Абельс выделяет две линии романтического мышления в науке. Первую линию представляет В. Дильтей и испытавшие его влияние М. Вебер и Г. Зиммель, для которых социология является наукой о смысловой действительности. Вторая линия представлена феноменологией Э. Гуссерля и А. Шюца, где действительность

¹²⁹ Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a10.html>

заменяется множеством индивидуальных конструкций реальности. Г. Лукач обозначил романтику как «отказ от овеществления», который проявляется либо в открытии собственного смысла вещи, либо в рассмотрении вещи в иной перспективе. Романтический способ мышления – метод диалектики – был свойственен также Г.В.Ф. Гегелю и К. Марксу¹³⁰.

Нидерландский исследователь Г. Салмон расширяет культурный ареол зарождения интерпретативизма до Центральной Европы, помимо немецких земель включая «территории тех народов, которые подверглись сильному воздействию со стороны германской культуры: поляков, чехов, словаков, венгров, словен и хорватов»¹³¹. Он считает науку, развивающуюся в центральных землях Европы скорее коммуникативной, нежели властной, имеющей философскую и духовную направленность, стремящейся восстановить «сопричастное сознание» учёного-наблюдателя и изучаемого объекта¹³². Таким образом, можно обобщить, что посредством введения интерпретативистской исследовательской программы в науки об обществе и человеке произошло воссоединение традиций немецкой и, шире, центрально-европейской интеллектуальной культуры.

В конце XIX–начале XX вв. наряду с антинатурализмом формировался его более мягкий вариант, не соперничающий с натурализмом, а, напротив, развивающийся в лоне естественных наук, но отстаивающий исключительность феноменов социокультурной реальности. М. Вебер, известный немецкий социолог, перенимает у В. Дильтея понятийный аппарат качественной «очевидности» и «понимающей» социологии. Социология в интерпретации Вебера обращается к внутреннему содержанию поведения людей и посредством толкования достигает понимания мотивов их поступков. Но Вебер обходит опасность субъективизма, сводя понимание к демонстрации каузальной причинно-следственной связи, основанной на

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Салмон Г. Наука как власть и наука как коммуникация (противоборство двух традиций)// Подвластная наука? Наука и советская власть/ сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. С.71

¹³² Там же. С. 72

регулярности осмысленных человеческих действий¹³³. Таким образом, ключевая процедура типирования мотивов и основанного на типировании поведения представляет собой сочетание интерпретативистской и позитивистской методологии. Как отмечает современный российский исследователь Н.Н. Зарубина, противоречивость методологических предпосылок Вебера в частности проявляется в том, что с одной стороны, он отстаивал «познание индивидуальных явлений и процессов как сущность последних», с другой – он «рассматривал сходные с историческими закономерностями «устойчивые каузальные связи»¹³⁴.

В. Вундт задаётся целью связать две науки – физиологию и психологию, причём он сразу оговаривается, что не будет выводить психические явления из физиологических¹³⁵. Основными элементами душевной жизни Вундт признаёт ощущения и чувства, что и явилось основой для причисления его в разряд позитивистов. Но он говорит о том, что выделить простые элементы можно лишь искусственно, заранее предполагая, что при этом принимается во внимание только одна «данная часть содержания» и что другие части на время как бы перестают существовать¹³⁶. Далее Вундт говорит о внутренней связности всех элементов сознания: «...Все имеющиеся в любой данный момент в сознании элементы чувства объединяются в одну единую равнодействующую чувства»¹³⁷. Поэтому в сознании вследствие его связности и неразрывности нет не зависимых друг от друга элементов, все они объединены общим чувством. Общность чувства способствует тому, что сопровождающие его элементы «в каждом отдельном

¹³³ См. подробнее Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии//Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОССПЭН, 2006. СС. 377-414

¹³⁴ Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 16

¹³⁵ Вундт В. Основы физиологической психологии. Соч. в 3 т. Т.1 Отдел 1. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1911. С. 3

¹³⁶ Вундт В. Основы физиологической психологии. Соч. в 3 т. Т.1 Отдел 2. – СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1911. С. 3

¹³⁷ Вундт В. Основы физиологической психологии. Соч. в 3 т. Т. 2 Отдел 1.– СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1911. С. 419

случае приобретают особую окраску»¹³⁸, но Вундт не берётся рассчитывать её инвариант.

У. Джеймс, американский основатель функционализма, также демонстрирует неоднозначность подхода к изучению психических феноменов. С одной стороны, он заявляет о том, что мозговая деятельность детерминирует содержание сознания и что сознание является функцией мозга. Он объясняет сознание утилитарно, т.е. как полезное свойство, способствующее лучшей адаптации к окружающей среде; полезность выступает главным критерием отбора психических актов (здесь прослеживается влияние идей Ч. Дарвина). С другой стороны, Джеймс вводит в свои работы по психологии анализ человеческой личности на том основании, что, помимо ощущений, эмоций, чувств и представлений, личность также составляет часть сознания, и нет никаких серьёзных аргументов против того, чтобы не исследовать её в рамках психологии. Наоборот, отказ от личности шёл бы вразрез с повседневным опытом психического. Поэтому Джеймс анализирует сущность личности (общая сумма того, с чем человек себя ассоциирует), её уровни (физический, социальный и духовный), выявляет уровень притязаний, самооценку. Джеймс говорит о необходимости развития личностных способностей, о сознании как потоке, о цельности сознания, о чувстве центра активности (воле), который находится в самом человеке. При этом он не затрагивает вопрос о природе личности и о природе мысли. Для Джеймса, как и для прагматистов в целом, характерен отказ от метафизического выяснения конечных причин, которые доподлинно невозможно знать, существование сознания и личности принимается как свершившийся факт, непосредственно очевидный для каждого¹³⁹.

Не может быть однозначно причислен к какой-либо определённой исследовательской программе К. Маркс. Он находится меж двух парадигм. В

¹³⁸ Там же. С. 421

¹³⁹ Джеймс У. Психология. – М.: Педагогика, 1991.

его трудах постоянно эксплицируется мысль об исторической необходимости смены экономических формаций. Экономика выступает базисом, которым определяется любое общество. И в то же время Маркс является первым социальным конструктивистом. Его критика буржуазии и капитализма выявляет возможность существования иного общества, построенного на иных, социалистических принципах, и его наступление можно сознательно ускорить. Таким образом, волевой, сознательный компонент не исключается, а, напротив, утверждается. Как показывает отечественный философ И.А. Гобозов, свобода, по Марксу, заключается в выборе целей и средств деятельности, но не в выборе объективных условий деятельности: «Царство свободы»... расцветает только на основании «царства необходимости»¹⁴⁰. Фундаментальное и неразрешённое противоречие свободы и необходимости, существующее у К. Маркса, а также у таких ключевых фигур социально-гуманитарных наук, как М. Вебер и В. Вундт, развивается их последователями исходя из отдельных непротиворечивых положений, которые, будучи доведёнными до логического конца, представляют собой непротиворечивые системы. При этом конечные варианты могут быть совершенно противоположными друг другу при идентичности их первоисточника.

Итак, в данном параграфе был произведён комплексный анализ экономических, политических, социальных, духовных и мировоззренческих кризисных явлений в западном обществе. Было продемонстрировано, что возникновение антинатуралистической исследовательской программы было вписано в общий мировоззренческий и интеллектуальный фон рубежа XIX–XX вв., для которого были характерны отказ от рационалистического и материалистического проекта общественного развития, проводимого под эгидой естествознания и поиск новых концептуальных решений интерпретации социокультурной реальности.

¹⁴⁰ Гобозов И.А. Свобода и ответственность личности//Социальная философия/ Под ред. И.А. Гобозова. – М.: Издатель Савин С.А., 2003. СС. 325-331

Главной причиной появления антинатуралистической исследовательской программы стала реакция на господство натурализма в концептуализации социокультурной реальности, которую предоставляли социально-гуманитарные науки. На протяжении XIX столетия в период культа социального и экономического прогресса природные аналогии и метафоры, используемые социально-гуманитарными науками, воспринимались естественно, потому что они соответствовали видимому прогрессу промышленного производства, росту количества фабрик, заводов, городов, городского населения. Вместе они являли собой пример органического развития общества. Но к концу XIX столетия в связи с экономическим и социальным кризисом стало очевидно, что натурализм, подразумевающий последовательный прогресс и математическую рационализацию человека и общества, сконструировал неадекватный образ социокультурной реальности, не сводимой к природной иерархии, адаптации к окружающей среде и механистически сконструированному развитию. Натуралистическая интерпретация человека и общества перестала работать в условиях социального и духовного кризиса. Она пренебрегла как несущественными теми проявлениями человека и общества, которые являются сверхприродными, не свойственными миру природы, не имеющими в ней аналогов, выпадающими из природной необходимости и, соответственно, не поддающимися расчёту и предсказанию. Натуралистические теории, которые сопровождали процесс модернизации на протяжении XIX в., проигнорировали собственно человеческий мир, и это в эпоху социального кризиса вызвало отторжение, неприятие в первую очередь на когнитивном и психологическом уровне. Произошло отрезвление от амбициозного проекта эпохи Просвещения, в котором общество безошибочно руководствуется наукой. Развёрнутая интерпретативизмом борьба против позитивизма ознаменовала собой разочарование общества, обманутого большими ожиданиями. При этом необходимо иметь в виду, что наряду с появлением антинатуралистической исследовательской программы

не прекращали развиваться исследования общества и человека в натуралистическом ключе.

ВЫВОД ПО ГЛ. II. В эпоху первой либеральной современности наблюдается воздействие когнитивных и социальных факторов на зарождение и начальное развитие социально-гуманитарных наук.

Естественнонаучный идеал познания, сформировавшийся в результате социокогнитивных процессов, происходивших в эпохи Возрождения, Реформации и Просвещения и изменивших представление о природе и способах её познания, стал важным когнитивным фактором развития социально-гуманитарных наук. К моменту зарождения наук об обществе и человеке естественнонаучный идеал был единственным образцом научного знания, поэтому он был воспринят социально-гуманитарными учёными как эталон научности. Науки об обществе и человеке сформировались по примеру естествознания; используемые ими методы были естественнонаучными.

Социальным фактором возникновения и развития социально-гуманитарных наук явилась социальная потребность в рационализации социокультурной реальности с целью её преобразования, которое осуществлялось на основании зарекомендовавшей себя естественнонаучной рациональности.

Между когнитивными и социальными факторами в момент возникновения социально-гуманитарных наук существует прямая связь. Под воздействием социальных факторов (в связи с переходом к современному обществу острая социальная потребность в надёжной – естественнонаучной – рационализации социокультурной действительности) стала возможной особая форма знания об обществе и человеке – социально-гуманитарные науки. Данная научная форма определила метод и образец исследования общества и человека. Когнитивные факторы развития социально-гуманитарных наук – структуры научного знания – в свою очередь, определяли общественное сознание, транслируя интерпретации социального

и экономического прогресса, поступательного развития общества, естественности развития капитализма, «среднего» человека и др. Данное воздействие когнитивного на социальное имеет прямой и непосредственный характер. Однако нельзя с уверенностью утверждать, что данные когнитивные структуры научных теорий создавались намеренно по социальному заказу. Когнитивные структуры использовались отдельными лицами и определёнными социальными группами для достижения социальных целей. Такое использование имело влияние на развитие социально-гуманитарных наук, но оно не было систематическим и потому не направляло развитие научного знания. Существуют косвенные связи между когнитивными структурами и социальными интересами, которые обнаруживаются посредством приписывания социальных смыслов когнитивным структурам наук об обществе и человеке XIX столетия.

На рубеже XIX–XX вв. во время кризиса эпохи первой либеральной современности в социально-гуманитарных науках возникает новая антинатуралистическая исследовательская программа. Причины, вызвавшие её возникновение, имеют как внутринаучное, так и вненаучное происхождение. Когнитивным фактором развития новой методологии исследования социокультурной реальности явилась объективная недостаточность натуралистических методов для описания и объяснения социокультурных феноменов. Помимо недостаточности применения натуралистической исследовательской программы обнаружилась её неадекватность: в условиях изменившейся социокультурной реальности концептуальный аппарат наук об обществе и человеке естественнонаучной направленности перестал работать, потребовалась спецификация социальной реальности и человека, демонстрирующая их отличие от мира природы. Помещение человека и общества в природную закономерность, поступательное развитие общества в эпоху кризиса либеральной современности было поставлено под сомнение. Социокультурная реальность, таким образом, одновременно явилась и когнитивным, и социальным

фактором развития социально-гуманитарных наук на рубеже XIX–XX вв. Она послужила их связующим звеном и определила как познавательные структуры для её исследования, так и новые социальные смыслы, которыми были наделены науки об обществе и человеке в связи с изменением социокультурной реальности.

Социокогнитивным источником развития новой антинатуралистической исследовательской программы стала немецкая культура и культура народов Центральной Европы, а также христианская традиция толкования священных текстов, и гуманистическая традиция, берущая начало в эпохе Возрождения.

ГЛАВА III. Развитие социально-гуманитарных наук в XX–XXI вв.:

вторая организованная современность и начало третьего модерна

3.1. Роль институционализации в науках об обществе и человеке

Институционализация социально-гуманитарных наук, осуществляющаяся с конца XIX века и на всём протяжении XX столетия, явилась масштабной формой упорядочивания научной деятельности по изучению социокультурной реальности. В связи с масштабностью институционализации и потенциальной возможностью её воздействия на научное знание необходимо разобрать причины и следствия её возникновения, а также проанализировать, повлияла ли институционализация, будучи формальной процедурой по организации процесса получения научного знания, на содержание научного знания.

Институализация наук об обществе и человеке стала ответом на социальные вызовы рубежа XIX–XX вв. Данный ответ заключался, не смотря на кризис эпохи первой либеральной современности и кризис натуралистической исследовательской программы, в усилении ориентирования на социально-гуманитарные науки как на двигатель социального прогресса. Институционализированные социально-

гуманитарные науки¹⁴¹ представляют собой отлаженный механизм получения научного знания об обществе и человеке. При институционализации создаются внешние и внутренние условия научной деятельности. Создание внешних условий организации научной деятельности связано с обеспечением научных работников местом для осуществления научной деятельности, отведением регламентированного рабочего времени. Также при институализации научным работникам предоставляется необходимое оборудование для исследования и научный коллектив, внутри которого реализуются исследовательские проекты. Создание внутренних условий организации научной деятельности заключается в утверждении профессиональной иерархии, согласовании порядка получения должностей и званий, системы воспроизводства научных кадров, экспертизы научных данных, системы повышения научной квалификации и т.д. Внутренняя организация научной деятельности, в том числе, основывается на планировании научных исследований, составлении отчётов за проделанную работу и гарантированной и/или регулярной оплате труда. Таким образом, институционализированная наука с системой постоянного производства научного знания, полной занятостью учёных, налаженной системой подачи прямых социальных запросов посредством специальных социальных институций является собой оптимальный вариант науки для общества.

Известный американский социолог Э. Шилз, занимающийся проблемой институционализации социологии, понимает под институционализацией структурированное «взаимодействие людей, ведущих свою деятельность внутри социального соглашения, которое имеет границы, длительность и

¹⁴¹ Вопрос научной институализации подробно изучается социологами науки, которые, в частности, исследуют влияние социальной организации производства научного продукта на процесс научного познания. Однако социология науки, как правило, делает акцент на социальном продвижении научных идей, безотносительно их содержания и не выявляет историческую тенденцию развития научного знания (особенно это касается научного знания об обществе и человеке). Поэтому мы не будем затрагивать широкий пласт социолого-научковедческой литературы, а сосредоточимся на социально-организационных факторах, упорядочивающих социально-гуманитарное научное знание.

название»¹⁴². Шилз отмечает разную степень институционализации науки, а также утверждает, что не существует зависимости между институционализацией науки и качеством научного знания. Институционализация не необходима и не достаточна для получения качественного знания¹⁴³. Институционализация создаёт дополнительные условия для регулярного получения научного знания.

Социально-гуманитарные науки институционализировались позже естественных наук, и последние послужили примером для институционализации первых. Поэтому чтобы понять причины институционализации, нужно обратиться к истории естественных наук. Выявленные принципы институционализации могут быть распространены и на социально-гуманитарные науки по причине их вторичности, а в случае позитивистской методологии и по причине производности от естественных. Современный отечественный методолог науки З.А. Сокулер пишет, что занятие наукой всегда было трудоёмким делом, изначально не приносящим непосредственную прибыль учёному, и поэтому позволить посвятить свою жизнь науке могли люди либо обеспеченные, либо имеющие влиятельного покровителя. Институт патронажа, существовавший в эпоху Нового времени и стоящий у истоков обеспечения научных исследований, предоставлял учёному возможность интеллектуального труда, а его патрону приносил символические блага в виде социального престижа. Первой формой общения между учёными, как правило, жившими далеко друг от друга, продолжительное время оставалась переписка, но выпуск научных журналов (первый вышел в 1665г. в Париже) поспособствовал более свободному научному общению. В связи с расширением сети научных коммуникаций начали появляться научные сообщества, одним из наиболее известных стало Лондонское научное сообщество, а также научные сообщества Италии и Франции. Впоследствии произошло превращение общества учёных-

¹⁴² Shils E. Tradition, Ecology and Institution//The Calling of Sociology and Other Essays On The Pursuit of Knowledge. The Selected Papers of Edward Shils, Vol.3 The University of Chicago Press, 1980. P. 168

¹⁴³ Op. cit. P.170

любителей, собирающихся с определённой периодичностью в неформальной обстановке, в профессиональное научное сообщество, получающее ежемесячное жалование за ежедневный научный труд и отчитывающееся с определённой периодичностью за проделанную работу. Как считает З.А. Сокулер, причина данного превращения, подразумевающего огосударствление науки, состоит не в поступательном прогрессе науки и её спонтанном внутреннем развитии, как это можно было бы представить, а в приобретении обоюдной выгоды учёных и государства. К примеру, учёные в связи с ростом сложности физических опытов стали нуждаться в дорогостоящем оборудовании, которое мог обеспечить только очень крупный собственник. А государственная власть нуждалась в подтверждении своего могущества, оптимизации имеющихся ресурсов и усовершенствовании приспособлений (особенно в сфере военной техники, в которой научные успехи были наглядно продемонстрированы уже в XVII-XVIII вв.)¹⁴⁴. Таким образом, институционализация науки, будучи не необходимым для развития научного знания феноменом, исторически возникла как следствие совпадения социальных интересов. Причиной институционализации естественных наук стала обоюдная выгода государства и учёных. Социально-гуманитарные науки при институционализации следовали опыту естественных наук, которые служили научным, методологическим и институциональным идеалом. Соответственно, в процессе институционализации человекознания предпосылка об обоюдной выгоде учёных и государства была воспринята как само собой разумеющаяся, не отрефлексированная составляющая научного истеблишмента. Организация дисциплины была направлена на развитие науки в интеллектуальном ключе, однако содержала предпосылку выгоды.

¹⁴⁴ См. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. СС. 25-57, 83-106

Теперь обратимся к истории институционализации социально-гуманитарных наук. Она имеет три особенности. Первая особенность институционализации наук об обществе и человеке заключается в том, что с конца XIX и на протяжении XX вв. она происходила неравномерно для различных наук и для разных стран Запада. В Западной Европе существовали глубокие философские традиции, удерживающие возникновение новых дисциплин (часто путём отделения научно-преподавательского состава от кафедр философии¹⁴⁵). К примеру, в Англии первая кафедра социологии была создана в Лондонском университете в 1907г. на средства частного благотворителя. Но в Оксфорде и Кембридже, главных центрах научной жизни, социология ещё долгое время развивалась в рамках антропологии и этнографии. В Германии в силу национальной специфики кафедра социологии вообще изначально не была создана, и поэтому социологические разработки теоретического характера относились к гуманитарной сфере и проводились на философских факультетах и в социологических сообществах. В США таких глубоких философских традиций не было. Как отмечает И.С. Кон, «отсутствие жёсткой системы высшего образования, наличие свободных материальных средств, конкуренция между университетами, влияние прагматизма и спенсеризма и широкое движение в пользу социальных реформ открывали здесь возможности, которых не было в других странах»¹⁴⁶. Первый курс по социологии был прочитан У. Самнером в Йельском университете в 1876г., а в 1893г. А. Смолл открыл первую кафедру и

¹⁴⁵ Представляет интерес история организации кафедры психологии в Марбургском университете в Германии, поскольку она является в некотором отношении показательной. Психология к началу XX в. не была оформившейся институциональной дисциплиной. Имея исследовательские лаборатории по всему миру, она существовала либо на базе физиологии, либо на базе философии. В 1913-м году разгорелся «спор о кафедрах», когда «на профессорскую кафедру [философии – прим. Ю.Х.] Марбургского университета... правительством был назначен психолог-экспериментатор...». В ответ было составлено заявление, подписанное 107 философами, с рекомендацией правительству впредь открывать новые кафедры для экспериментальной психологии, а не занимать кафедры, принадлежащие другим наукам. См. *Куренной В.* Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем// *Логос* №5(78). 2010. С. 174. Захватнические настроения психологов, так называемый «психологизм», характерный не только для исследовательской, но и для институциональной сферы, обнаруживает стремление смотреть на всю действительность сквозь призму психологической науки и служит примером не только действия онтологических оснований в сознании учёных, борьбы социальных интересов, но и развёртывания институционального сознания.

¹⁴⁶ *Кон И.С.* Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX вв.//История социологии в Западной Европе и США/ Ред. Г.В. Осипов. – М.: Норма. 2001. С.95

социологическую специализацию в Чикаго. В 1901г., продолжает И.С. Кон, «уже 169 американских университетов и колледжей предлагали своим слушателям курсы социологии»¹⁴⁷.

Вторая особенность состоит в том, что, как пишет Э. Шилз относительно социологии, «...институционализация и последующий рост дисциплины практически полностью зависел от личных усилий отдельного профессора»¹⁴⁸. Этот факт можно распространить на все изучаемые нами социально-гуманитарные науки. Э. Шилз перечисляет пять имён, сыгравших важную роль в институционализации социологии – Ф. Теннис, В. Парето, М. Вебер, Г. Зиммель и Э. Дюркгейм, из которых только Э. Дюркгейм стал профессором социологии. Он первым получил эту должность во Франции в Бордоском университете в 1896г. Остальные исследователи преподавали либо экономику, либо философию. В психологии одной из самых значимых фигур стал В. Вундт¹⁴⁹; в США первую психологическую лабораторию основал У. Джеймс. В экономике безоговорочное первенство в институционализации принадлежит А. Маршаллу, а предыдущие исследователи (преимущественно английские, поскольку в Великобритании существовала интеллектуальная экономическая традиция, долгое время не институционализированная) либо никогда не читали академические курсы по экономике, либо вообще не принадлежали академическому кругу¹⁵⁰.

Подобная заточенность институции под определённых личностей имела как несомненные плюсы, так и минусы – например, она привела к тому, что когда к 1920-му году умирает большинство крупных учёных XIX столетия (Дюркгейм, Вебер, Зиммель, Brentano, Дильтей и др.), во Франции и в Германии в разной степени произошло прерывание институциональной

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ *Shils*. Op. cit. P. 173

¹⁴⁹ Как пишет немецкий историк науки М. Куш, «к 1913г. из десяти практиков экспериментальной психологии, занимавших место в немецком университете, семь были учениками Вундта в первом или во втором поколении. Его студенты также приезжали из Великобритании, России, и США. Эти студенты в свою очередь также основывали новые психологические лаборатории в своих странах, часто по модели Лейпцигской лаборатории. К 1900г. в США было 43 лаборатории, 12 из которых были основаны учениками Вундта». См. *Kursch M. Psychologism: A Case Study in The Sociology of Philosophical Knowledge*. – NY: Routledge, 1995. P. 128

¹⁵⁰ *Shils*. Op. cit. P. 171-173

преимущества социологической науки. В Германии это прерывание было усугублено фашизмом. В то же время в США в силу быстроты распространения и многоканальности институционализации такого прерывания не наблюдалось. Напротив, США в XX веке умножили и усилили свои научные институты.

Третья особенность институционализации социально-гуманитарных наук заключается в том, что на рубеже XIX и XX столетий были институционализированы молодые науки, чего никогда не случалось ранее. Как отмечает известный американский психолог З. Кох, «физикой..., к примеру, в течение нескольких столетий занимались независимые учёные, прежде чем она заняла небольшую нишу в университетах»¹⁵¹. Однако к концу XIX столетия результаты естественных наук были настолько впечатляющими, что началась массовая институционализация наук, заявляющих о принадлежности к натуралистической исследовательской программе. В психологии, продолжает З. Кох, «её институционализация предшествовала её содержанию, а её методы предшествовали её проблемам... это утверждение, несомненно, является ключом к пониманию истории современной психологии»¹⁵². Из данного наблюдения можно заключить, что имелась некоторая корреляция между институционализацией психологии и используемыми ею методами. Поскольку к концу XIX столетия содержание научного знания было минимально разработано не только в психологии, но и в социологии (которая ограничивалась сочинениями О. Конта и Г. Спенсера, а также разработками социального инспектирования) и в экономике (чьё знание было практическим и закрытым, развиваемым клерками, чиновниками, т.е. людьми, непосредственно заинтересованными в экономическом развитии; теоретическое же знание развивалось любителями – школьными учителями – и преподавателями философии, как А. Смит). Т.е. к началу институционализации социально-гуманитарных наук не был

¹⁵¹ Koch S. Psychology in Human Context: Essays in Dissidence and Reconstruction. – University of Chicago Press, 1999. P. 125

¹⁵² Ibid.

сформирован профессиональный состав исследователей, посвятивших свою жизнь изучению конкретных социально-гуманитарных феноменов, как это имело место в естественных науках. Вкупе с отсутствием разработанного исследовательского материала эти обстоятельства создавали некоторые препятствия для институционализации подобного рода научного знания, и только дополнительные социальные усилия могли способствовать построению институций по разработке и трансляции научного знания об обществе и человеке, особенно в тех масштабах и с той скоростью, которые данный процесс приобрёл в США. Конечно, здесь не последнюю роль сыграл тот факт, что социально-гуманитарные науки оказались встроенными в мощное движение по научной институционализации, которое происходило с конца XVIII – начала XIX вв. Однако это не отменяет того, что сама институционализация создавалась искусственно благодаря естественнонаучным методам и социальному ожиданию успеха от их применения, независимо от областей реальности. Если бы заявляемые методы социально-гуманитарных наук были другими, то и институционализация могла не состояться, либо осуществиться позднее, допустим, к середине XX века, когда был бы накоплен достаточный исследовательский материал. Таким образом, в институционализации социально-гуманитарных наук (равно как и в развитии их знания) решающее значение имела вера в возможности естественнонаучных методов, социальный оптимизм, а также институционализированность естественных наук, разработанная сетка способов и методов исследования, т.е. наличие готовых образцов институционализации и развития, а также социальные потребности.

Три выделенные нами черты свидетельствуют о специфике научной институционализации социально-гуманитарных наук. Неравномерность распространения научных институтов, зависимость их проникновения в ткань общества от культуры, традиции конкретной западной страны способствовали проявлению на первом этапе институционализации ярко

выраженной национальности науки. В США в связи с отсутствием глубоких интеллектуальных традиций, прагматичным отношением к научному знанию, развитой конкуренцией между университетами институционализация научного знания получила существенные преимущества. Беспрецедентное явление институционализации молодых наук, не накопивших достаточного исследовательского материала, указывает как на ускорение в западных странах процесса организации социальных взаимодействий, в которых институционализация наук об обществе и человеке является лишь частным примером, так и на наличие вненаучных причин, не вытекающих непосредственно из содержания наук об обществе и человеке, а действующих поверх него.

Анализируя историческую ситуацию во Франции XVIII – начала XIX вв., З.А. Сокулер утверждает взаимосвязь развития научного знания, научной институционализации и потребностей государственной власти¹⁵³. Это утверждение подразумевает под собой соответствие базовых предпосылок позитивистских научных исследований государственному и социальному предпочтению полезного научного знания. Данное соответствие проникает в ткань естественнонаучного исследования посредством институционализации научной деятельности. Как пишет З.А. Сокулер, институционализация естественных наук способствовала канализации научного знания, его развитию в определённом направлении. Обоснование полезности производимого знания посредством апелляции к потребностям современного общества, выполнение государственных заказов прикладного характера, написание ежемесячных отчётов, ограничения, накладываемые нормами научного сообщества, государственные стандарты в сфере образования и другие факторы привели к тому, что утвердилось новое понимание науки – не «чистой» науки ради неё самой, а науки для осуществления определённых социальных целей. Сугубый научный прагматизм, когда обратной стороной любого научного исследования становилась разработка области его

¹⁵³ Сокулер З.А. Указ. соч. С. 166

применения, привёл к исчезновению метафизических смыслов, которые вкладывались в изучение природы учёными эпохи Нового времени – И. Ньютоном, Б. Паскалем, Р. Декартом и мн. др.

Социально-гуманитарные науки наследуют от естественных наук не только методологию, утилитарную предпосылку познания, способ институционализации, но и производимый институционализацией способ канализации знания. Как действует канализация знания в условиях существования свободы научного поиска? Она действует через скрытые механизмы вненаучного происхождения, сдерживающие одни научные направления и усиливающие другие. Данные механизмы лишены какой-либо злонамеренности, они лишь демонстрируют преследование собственных интересов каждой из социальных групп, вовлечённых в институциональное функционирование науки. Если до институционализации социальные заказы выражались по большей мере ситуативно, от случая к случаю, а научные идеи подхватывались для обоснования социально-классовых интересов, то после институционализации экспликация социальных заказов и импликация социально-классовых интересов в научном знании приобретает системный характер. Разумеется, это нельзя отнести ко всему институционализированному социально-гуманитарному научному знанию, которое сохраняет содержательное разнообразие, скорее, это можно обозначить как достаточно устойчивую тенденцию, которая наблюдается и в современном обществе по мере углубления и расширения институционализации науки.

Принципы канализации знания посредством институционализации подробно описаны Э. Шилзом, и мы вновь обратимся к данному автору. Шилз пишет, что институции редуцируют свободный (произвольный) научный поиск, сосредотачивая внимание на конкретных направлениях исследования: «они усиливают определённые выбранные способы восприятия и интерпретации опыта»¹⁵⁴. Поскольку одной из целей научных

¹⁵⁴ Shils. Op. cit. P. 168

институций является производство исследовательских работ, то они способствуют тому, чтобы работы, содержащие определённый способ интерпретации социальной реальности, распространялись и, таким образом, становились частью научной традиции. «Институции представляют собой резонансную интеллектуальную среду для тех, кто находится внутри них, и они делают то, что производится под их влиянием, более зримым в публичной сфере вне институтов»¹⁵⁵. Это приводит к тому, что научные идеи, которые подверглись институционализации, тем самым приобретают больший социальный вес по сравнению с не институционализированными идеями. Соответственно, они имеют большую вероятность победить в соревновании по интерпретации социокультурной реальности. Таким образом, в понимании Э. Шилза, интеллектуальное поле в современном обществе становится площадкой для борьбы идей, среди которых научные идеи приравниваются к другим социальным идеям по способу и характеру их продвижения и результатам борьбы. Институционализированные научные идеи, активно распространяемые посредством преподавания, публикаций, конференций, получают преимущество перед не институционализированными или не активно распространяемыми идеями вне зависимости от их приближения к истине. Результатом появления истеблишмента, по Шилзу, стало не только ограничение свободы отдельного учёного, но и уменьшение случайных исследовательских направлений¹⁵⁶. Это можно наблюдать практически сразу после начала институционализации социально-гуманитарных наук.

1920-е гг. становятся поворотными в истории наук об обществе и человеке, когда не просто появляются новые методы научного исследования в качестве дополнительных к старым, а происходит трансформация всей методологической структуры. С конца 1920-х гг. вплоть до 1960-е гг. в методологии наук об обществе и человеке исследователями констатируется

¹⁵⁵ Ibid.

¹⁵⁶ Ibid. P. 213

доминирование двух тенденций. Первая состоит в математизации социокультурной действительности, выделении в ней количественных параметров, варьирующихся от ситуации к ситуации и потому обладающих конкретностью. Сосредоточенность на решении частных практических задач приводит к уходу от теоретических содержательных обобщений, к отсутствию представления о направленности развития данной реальности и самой науки. Описываемое положение дел характерно для социологического неопозитивизма и неоклассического мейнстрима в экономике. Вторая тенденция наук об обществе и человеке XX века заключается в схематизации социокультурной реальности. Для феномена схематизации свойственно наличие атомарной схемы, структуры или модели, от которой отталкивается позитивистское научное исследование XX века (структурный функционализм в социологии, в психологии – бихевиоризм и когнитивная психология). Такая схема (структура, модель) фундирует всё научное теоретическое построение.

Поскольку институционализация создаёт каналы развития знания, то вполне допустимо предположить, что возникший в методологии социально-гуманитарных наук XX века поворот к математизации и схематизации обуславливается возникшей институциональной зависимостью науки от образовательных учреждений, сектора экономики и государственного аппарата. Социально-гуманитарные науки, придерживающиеся натуралистической исследовательской программы, не смотря на кризис рубежа XIX-XX вв., продолжили активно развиваться и вступили в XX столетие, наследуя от позитивных наук XIX века предпосылку содержащейся в научном знании общественной пользы, а также предпосылку стабильности и порядка. Т.е. сохранилось соответствие позитивистских постулатов об обществе и человеке интересам определённых социальных групп. Более того, в XX столетии оно окрепло и получило легитимный характер. В результате институционализации постоянно растущее количество учёных (в особенности социологов и экономистов) приобрело институциональную

зависимость от государственного и частного финансирования, а математизация и схематизация явились усилением позитивистских принципов исследования социокультурной реальности. Как пишет американский исследователь Д. Росс, позитивистские принципы обеспечили продуктивное взаимодействие «базового треугольника» – академии, рынка и социально-политических институтов. Организации вне университетов – банки, торговые союзы, школы, тюрьмы, больницы, государственные бюро, благотворительные организации, музеи и колониальные правительства – «предлагали социальным исследователям трудоустройство, спрос для их экспертной деятельности и центры для исследований»¹⁵⁷. С институционализацией связь общества и научного социально-гуманитарного знания стала более тесной. Поэтому неслучайно, и на это указывает Д. Росс, дисциплинарный проект возник в лоне позитивизма в 1860-х, 1870-х и 1880-х гг. во Франции, Англии и Соединённых Штатах¹⁵⁸. Институционализированная научная структура одновременно способствовала как росту научного знания (по большей части прикладного), так и формированию нового профессионального состава населения, необходимого для функционирования капиталистического общества и государственного аппарата.

Таким образом, канализация знания, которая происходит при институционализации науки, носит искусственный характер. Институционализация за счёт укрупнения субъектов научной деятельности нивелирует случайные исследовательские направления, а восприятие научных идей обществом становится зависимым скорее не от их полноты и приближения к истине, а от интенсивности их распространения и институционального продвижения. Две доминирующие методологические тенденции социально-гуманитарных наук первой половины XX века – схематизация и математизация – совпадают по времени с процессом

¹⁵⁷ Ibid. P. 212

¹⁵⁸ Ibid. P. 215

интенсивной институционализации научного знания. В науках об обществе и человеке осуществляется институциональная канализация знания за счёт усиления натуралистической исследовательской программы, которая, как предполагается, частично может быть связана с потребностями образовательных учреждений, экономических структур и государственного аппарата.

Рассмотрим подробнее потребности каждого из социальных институтов, вовлечённых во взаимодействие с институционализированной наукой. Современное государство заинтересовано в активном промышленном развитии страны, в росте внешней и внутренней торговли (поскольку государство получает прямой доход от этих видов деятельности в виде налогов и процента от долевого участия), а также в наращивании военной мощи для сохранения территориальной и государственной независимости. Поэтому спрос на научное знание со стороны государства обусловлен необходимостью в практическом способе решения проблем. Отношение к науке представителей государственного аппарата, чиновников, имеет функциональный характер. Практическое решение проблем несёт прямую (торговля, управление, безопасность) и косвенную (образование, престиж) выгоду. При институционализации социально-гуманитарных наук государство официально вкладывает деньги в науку как в окупаемое предприятие, которое приносит прибыль. Поэтому в случае крупных бюджетных вложениях происходит обострение функционального отношения к науке и научному знанию. Немалую роль при этом играет материальный уровень государства и его политические амбиции: развитые страны готовы вкладывать большие денежные средства в области социально-гуманитарных наук, не приносящих прямую прибыль, из соображений престижа. В целом же по отношению к науке со стороны бюрократического аппарата действует принцип максимизации прибыли и минимизации издержек. При этом государственные чиновники нередко занимают позицию эксперта качества научного знания и предлагают решения по оптимизации научного процесса.

Эффективный научный менеджмент осуществляется за счёт анализа количественных показателей, которые бюрократическим аппаратом воспринимаются как показатели качества научного продукта. Т.е. представители бюрократического аппарата пытаются измерить качество количественными пропорциями. Формальными количественными показателями для этой цели служат непосредственная прибыль в бюджет от внедрения научных результатов в производство и в социально-экономическую сферу, соотношение затрат и прибыли от научного знания, которое может быть напрямую преобразовано в денежный эквивалент, индекс цитирования, количество статей в год и т.п. Измеряется результативность научных сотрудников в расчёте денежной единицы на исследователя, на научный коллектив, на научный институт. Публикативная активность становится одним из лучших критериев качества фундаментальной науки. Также учитывается использование научных достижений образовательными учреждениями, государственными ведомствами и сектором экономики, которое служит показателем востребованности науки¹⁵⁹. В связи с апофеозом количественных показателей в социально-гуманитарных науках зачастую создаётся давление, когда, по замечанию одного отечественного психолога, легче «применять математические методы, чтобы избавиться от необходимости объяснять, а почему мы, собственно, их не использовали? ...Легче использовать их, чем доказывать, что в этом не было необходимости»¹⁶⁰. Социальное давление не оставляет выбора при использовании математики в психологическом исследовании, особенно если в мышлении общества методы психологии прочно ассоциируются с математическими.

Степень влияния бюрократического аппарата на научное знание зависит от того, насколько глубоко чиновники и администраторы проникают в организацию научной деятельности. Существует обратно

¹⁵⁹ См. С. Гуриев, Д. Ливанов, К. Северинов. Шесть мифов Академии наук. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2009/48/6mifov_akademii_nauk/

¹⁶⁰ Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб: Речь, 2007. С. 6

пропорциональная зависимость: чем больше административных регламентов и регулирования, тем меньше свободный научный поиск. Бюрократический учёт научной деятельности способствует тому, что преодоление всевозможных бюрократических препятствий легче осуществляется представителями позитивистского направления, потому что позитивистское знание отвечает бюрократическим требованиям в наибольшей степени. Математизация и схематизация понятна мышлению государственных чиновников, и поэтому позитивистское количественное схематизированное научное знание получает преимущество перед непозитивистским качественным знанием, не укладывающимся в упрощающие схемы.

Процесс институционализации науки также характерен тем, что требует постоянного развития научного знания и его трансляцию в образовательные учреждения. При этом система образования обеспечивает не просто трансляцию научного знания, но и подготовку будущих научных кадров. Важность образования, всегда ориентированного на собственное воспроизводство, была подчёркнута такими исследователями, как Э. Гидденс¹⁶¹ и П. Бурдьё¹⁶². Институционализация науки в образовательные учреждения приводит к коррекции содержания научного знания. Как считает З.А. Сокулер, сама форма подачи учебного материала, полученного из новой научной идеи или теории, способна оказать влияние на её содержание. «Теория, подаваемая как учебный материал, должна в большей степени соответствовать декларируемым методологическим принципам, быть внутренне более согласованной и организованной. Преподаваемый материал должен организовываться в теорию, которая получает вид непротиворечивой, твердо установленной и решающей все затруднения»¹⁶³. Система непротиворечивого знания имеет психологический эффект, формируя непоколебимую уверенность в полученных во время образования научных сведениях. Кроме того, данная система является «мощным фактором

¹⁶¹ См. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии/Thesis. 1993. Вып.1 С. 57-72

¹⁶² См. Бурдьё П. Начала. / Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ – М.: Socio-Logos, 1994.

¹⁶³ Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 134

наведения единомыслия по основным вопросам и подходам»¹⁶⁴, а оперирование определённым набором теоретических и методологических положений служит критерием демаркации профессионалов и непрофессионалов.

Сокулер опирается на концепцию «нормальной науки» Т. Куна. По Куну, на начальных стадиях развития любой науки существует различие в описании и интерпретации одних и тех же явлений у разных исследователей. Затем эти различия сглаживаются, и возникает общее парадигмальное видение предмета исследования и методов его познания. Т. Кун объясняет данную ситуацию особенностью развития науки, свидетельствующей о её зрелости. Сокулер уточняет его понимание парадигмы: парадигма подразумевает систему контроля над научной деятельностью, но контроля не абстрактного всеобщего взгляда на ход вещей, а одних людей над другими¹⁶⁵. Подобный контроль осуществляется тогда, когда одна из групп получает доступ к власти очерчивать границы научного знания и, следовательно, границы научного сообщества, а также право осуществлять контроль над обучением, т.е. дальнейшим воспроизводством научного знания в заданном направлении.

Детальный анализ влияния образовательной структуры на содержание социально-гуманитарного научного знания можно найти на примере экономики у Патрика Ганнинга, американского профессора экономики. П. Ганнинг критикует позитивистские исследования за пренебрежение активной экономической ролью индивида (т.е. предпринимателя) и наделение индивида качествами пассивного потребителя. Исходя из этой предпосылки, поведение индивида становится предсказуемым: предсказать поведение максимизатора выгоды, который обладает определённым количеством информации (и, следовательно, выбор которого является заданным), можно путём апелляции к математическому равновесию и статистическим данным.

¹⁶⁴ Там же. С. 135

¹⁶⁵ Там же. СС. 147-150

Ганнинг видит причину распространённости и успешности позитивизма в его удобстве при бюрократическом урегулировании учебного и научного процесса. Высшим учебным заведениям приходится иметь дело с бюрократическими структурами вследствие необходимости ведения отчётности перед государством. Бюрократия имеет две характерные цели: избежать ответственности за непопулярные решения и расширить собственные масштабы. Руководящим лицам – президентам и деканам факультетов – можно избежать ответственности, обосновывая свои решения количественными показателями. Такими показателями могут быть количество печатных знаков в публикации, напечатанной профессором в квалификационном журнале, количество цитирований коллегами, количество обученных студентов и их оценки. При обучении качественным исследованиям, каковым является праксеологическая экономика, применяется индивидуальный подход к каждому студенту. Он подразумевает небольшую студенческую группу и усиленную подготовку к занятиям со стороны преподавателя, часто в ущерб написанию публикаций. Тогда как в позитивизме преподаватель транслирует один и тот же набор учебного материала (математические формулы, модели и статистику) для всех групп, ибо не делает различий между личностными способностями студентов, к тому же предполагается, что позитивистское знание имеет универсальный характер и предназначено для всех. У такого преподавателя остаётся много времени для написания публикаций. По Ганнингу, цель праксеологической экономики (и эту цель можно распространить на все качественные исследования социально-гуманитарных наук) – почувствовать себя на месте другого человека. Этому нельзя научиться в какой-то определённый срок, поскольку данный навык основывается на личном опыте знания и понимания других людей и не сводится к знаниям, полученным в рамках университетских занятий. Личный опыт каждого студента различен, и потому итог учебных занятий заранее не гарантирован. Если в позитивизме можно взять учебник, выучить формулы, сдать экзамен, проявив свои

когнитивные способности – память, умение вычислять, сопоставлять формулы, распознавать объективные процессы, то в курсе праксеологической экономики этого сделать нельзя. В гуманитарных исследованиях, чтобы получить высокий балл, недостаточно выполнить вычисления, потому что понимание подразумевает иные ментальные процессы. В случае недовольства студентом своей оценкой под удар ставится преподаватель качественных исследований, так как в получении низкого балла можно обвинить плохое преподавание, тогда как дело может оказаться в «понимающих» способностях самого студента. Если предположить, что в университете преподаётся множество дисциплин интерпретативной направленности, и, соответственно, ситуаций недовольства оценками также будет много, то, заключает Ганнинг, это может породить риск потери престижа всего университета и снижение возможности получения университетом государственных грантов¹⁶⁶. Поэтому в интересах университетов оказывается сведение преподавания дисциплин антинатуралистической направленности к минимуму. А это означает автоматическое повышение количества преподавания (и, следовательно, существования в университетах) дисциплин натуралистической исследовательской программы.

Другая причина успешности позитивизма, по Ганнингу, – это его свойство расти и распространяться в бюрократических рамках. «Позитивизм подходит для определённого рода экспансии, так как нет конца различным типам манифестации поведения, о котором можно сообщить с помощью фактов, сложить, описать статистически и смоделировать математически»¹⁶⁷. В то же время исследования гуманитарного характера нельзя выразить в количественных показателях, и, следовательно, их труднее защищать как независимые и необходимые при открытии, например, новых отделений или кафедр.

¹⁶⁶ *Gunning J.P.* Praxeological Economics vs. Positivism: Ignorance and the Universities. Mode of access: http://www.nomadpress.com/gunning/subject/mean_sub/subvspos.pdf

¹⁶⁷ Ibid.

Итак, студенты и публикации составляют мнение о преподавателе для бюрократических структур, следящих за рейтингом ВУЗа и его престижем, совокупность преподавателей, прошедших бюрократический отбор, формирует исследовательское направление, которое в большинстве случаев оказывается натуралистическим. Таким образом, институционализированное научное знание становится преимущественно позитивистским. Несмотря на радикальность (а П. Ганнинг является острым критиком позитивизма), проанализированная работа обнаруживает то, что бюрократические структуры университетов предрасполагают (не детерминируют, а именно предрасполагают, т.е. служат благоприятной средой) к развитию позитивизма. На зависимость роста числа кафедр и исследовательских учреждений от внедрения позитивистских методов указал историк социологии И.С. Кон. Он проанализировал, что за 20 лет с 1935-1938 гг. по 1956-1958 гг. в США в 3 раза возросло ежегодное присуждение докторских степеней¹⁶⁸. Такая зависимость, разумеется, не может не бросаться в глаза, когда использование позитивистских методов становится источником социальных благ для их приверженцев. Тогда, как заметил профессор экономики из Канады Л. Боланд, «всему позитивному придаётся характер желаемого»¹⁶⁹. При анализе институционализации, разумеется, не следует сбрасывать со счетов потребности учёных, которые при следовании позитивистским принципам воплощают, по выражению Д. Росс, свои «дисциплинарные амбиции... – либеральное влияние, интеллектуальная власть и академическое место»¹⁷⁰.

Американский историк и социолог Д. Росс называет превращение областей знания о человеке и обществе в социально-гуманитарные дисциплины проектом. Термин «проект», пишет Росс, имеет два значения. Первое значение – это проект как план или программа, и в этом смысле

¹⁶⁸ Кон И.С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX вв. // История социологии в Западной Европе и США / Ред. Г.В. Осипов. – М.: Норма, 2001.

¹⁶⁹ Boland L.A. Current Views on Economic Positivism. Mode of access: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.28.9427&rep=rep1&type=pdf>

¹⁷⁰ Ibid. P. 214

возникновение социально-гуманитарных дисциплин подтверждает идею науки как способа социального улучшения, идею, идущую от Ф. Бэкона через мыслителей эпохи Просвещения. Второе значение термина «проект» – это интерпретация М. Хайдеггером проекции как мира возможностей, внутри которого вещи получают значение. «Проект в этом смысле не план, но скорее обрамление, способ понимания, через который идеи и практики определённого вида осуществляются с необходимостью»¹⁷¹. По Д. Росс, проект выступает в данном случае как программа науки и просвещения, которая, будучи горизонтом, устанавливает границы и определяет термины, регламентирующие понимание феноменов определённым образом. Из этого следует, что социально-гуманитарные дисциплины конструируют свой предмет исследования – человеческий мир, или социокультурную реальность – через определение его границ и способов мышления, которыми он может быть познан. Этим актом не только конструируется сама человеческая реальность посредством её понимания, но этот горизонт понимания закрепляется в социальном сознании в силу его постоянного воспроизводства в рамках научных дисциплин.

В отношении научной институционализации нельзя утверждать прямую детерминацию научного знания об обществе и человеке бюрократическими структурами, что будет соответствовать так называемому «детерминистскому экстремизму». Институционализированные социально-гуманитарные науки нельзя редуцировать к посредникам организаций регулирующего контроля. Можно констатировать лишь косвенное влияние институционализации на содержание социально-гуманитарного научного знания. Косвенное влияние вызвано естественной согласованностью принципов функционирования бюрократического аппарата и построения позитивистского исследования. Такая согласованность ведёт к укреплению утилитаристской направленности исследования и выхолащиванию из него

¹⁷¹ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D.Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 207

метафизических смыслов как случайных и не приносящих пользу и выгоду социальным институтам, сотрудничающим с социально-гуманитарными научными исследовательскими центрами.

3.2. Экономические и политические условия развития натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук в период организованной современности в 1920–1960-е гг.

В XIX столетии в науках об обществе и человеке доминировала натуралистическая исследовательская программа, использующая биологические и механистические метафоры и аналогии для объяснения объектов социокультурной действительности. Подобная интерпретация научного знания совпадала с интересами отдельных социальных групп и активно развивалась на фоне высокого авторитета естествознания. К концу XIX века была эксплицирована альтернативная антинатуралистическая исследовательская программа, развернувшаяся в обстановке социального кризиса конца XIX–начала XX вв. Антинатурализм ознаменовал собой разочарование в проекте современного общества и поиск новых путей интерпретации социокультурной реальности, которые были бы отличны от позитивизма, не оправдавшего социальных ожиданий. В начало XX столетия социально-гуманитарные науки вступили как институализирующееся знание о социокультурной реальности, сочетающее в себе разнообразные исследовательские установки, конкурирующие между собой. 1920–1960-е гг. характеризуются переменами в экономическом и социально-политическом развитии западного общества, которые самым непосредственным образом нашли отражение в знании наук об обществе и человеке, спровоцировав появление в нём не только методологических, но и содержательных структур. Рассмотрим условия прямого социального воздействия на развития социально-гуманитарного научного знания.

Изменения в западном обществе наступили в связи с началом Первой мировой войны. Как пишет известный немецкий социолог П. Вагнер, подробно исследовавший данный вопрос, Первая мировая война прервала международный торговый обмен, что вызвало нехватку предложения и ослабление мировой экономической системы в целом. В связи с необходимостью урегулирования экономической ситуации возросли попытки прямого государственного вмешательства в экономическую и социальную деятельность, не характерные для либерального капитализма. Такие попытки производились как с согласия, так и без согласия работодателей и общественных объединений. «...Энтузиазм государственного планирования пошёл на убыль, когда либеральная рыночная демократия, казалось, восстановилась в течение 1920-х гг., но плановое настроение оживилось снова после мирового экономического кризиса 1929-го года»¹⁷². Либеральную экономическую политику сменила политика государственного экономического регулирования.

К. Поланьи вскрывает экономическую подоплёку политических событий начала XX в. Он пишет, что распад мировой экономики начался в 1900-е гг., что привело к росту политической напряжённости, вылившейся в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Послевоенное десятилетие «лишь на первый взгляд смягчило эту напряжённость», попытки восстановить довоенную систему не увенчались успехом, и в начале 1930-х гг. наступил резкий перелом, связанный со смертельными сбоями в саморегулировании рынка. Поланьи перечисляет симптомы кризиса: «спад производства, снижение занятости и доходов» («бедствие безработицы»); «борьба социальных сил»; «трудности в сфере международной экономики, связанные с системой т.н. платёжного баланса и включавшие в себя такие явления, как сокращение экспорта, неблагоприятные условия для торговли, нехватку

¹⁷² *Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 596*

импортируемого сырья и потери на иностранных инвестициях»¹⁷³. Проблема саморегулирования рынка, заключающаяся, по Поланьи, в самой сущности либеральной экономики, была решена искусственным способом, путём вынужденного вмешательства государства в экономику. Экономический спад во время Первой мировой войны, последующий за ним мировой экономический кризис 1929–1930-х гг. и необходимость ограничения амбиций монополистов вызвали потребность в государственном регулировании экономической деятельности. Успешный опыт государственного регулирования экономики на коротком промежутке времени вылился в активное и продолжительное государственное вмешательство в экономическую и социальную сферу (поскольку экономическая сфера являлась и является фундаментом современного западного общества, изменения в экономике затронули всё общество). После благополучного решения экономических и социальных вопросов осуществление государственного планирования продолжилось и стало самодостаточным. Данные процессы указывают на наступление эпохи второй организованной современности, ключевыми характеристиками которой стали организованный капитализм, организация социальной жизни, технократизм.

В эпоху второй организованной современности произошло разрастание техники и технических систем, которое привело к формализации и конкретизации целей экономической деятельности. Либеральный капитализм, достаточно гибкий, быстро приспособляющийся к новым условиям, превратился в организованный капитализм с массовым конвейерным производством и высокой затратностью техники. Рост эффективности промышленного производства оказался зависимым от направленности социальных действий, от возможности их организации и предсказания. Технократические установки экономических структур распространились на всё западное общество. Они касались организации не

¹⁷³ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – [Электронный ресурс]. – СПб.: Алетейя, 2001. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/369666/read>

только экономической, но и тесно связанной с ней социальной жизни. Плановые установки представителей государственных и экономических структур совпали.

Вмешательство государства в регулирование экономики вылилось в начало масштабной деятельности по планированию социальных процессов, которое осуществлялось с активным привлечением социально-гуманитарного научного знания. Это привело к тому, что социальные науки были прямо вовлечены в плановое движение. Одним из следствий этого явилось то, что в профессиональном сообществе (как научном, так и в политическом и экономическом) резко возросла нацеленность на ближайший результат (поскольку в условиях спада и кризиса было затруднительно строить какие-либо долгосрочные планы). Появилось предельно инструменталистское и утилитарное отношение к продукту научной деятельности: исследователи в области экономики и социологии сосредоточились на решении частных задач, связанных с конкретными ситуациями. Этот процесс получил название «локализм». В экономической науке данный поворот произошёл ещё в 1890г. (экономика опережает другие социально-гуманитарные науки и всегда более чутко реагирует на изменения действительности в силу безотлагательной потребности современного общества в результатах её исследований). А. Маршалл обосновал необходимость развития исключительно прикладных исследований посредством метода математического моделирования. Математическое моделирование конкретных экономических условий привело к тому, что потребность в теоретических разработках отпала сама собой. Как отмечает специалист по методологии экономики О.И. Ананьин, «Маршалл даже сравнивал научную теорию с машиной в фабричном производстве: ...теория нужна там и постольку, где и поскольку есть рутинная ручная работа, допускающая «механизацию»¹⁷⁴. Соответственно, он «отвергал обобщённые содержательные характеристики экономических

¹⁷⁴ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. – М: Наука. 2005. С. 155-156

явлений как «экономические догмы»¹⁷⁵. Заказчиками прикладных исследований стали бенефициары финансовых операций – предприниматели и правительство.

Сосредоточенность на решении конкретных задач приводит к тому, что из социологии также уходят крупные теории. Историки социологии и сами социологи констатируют, что в 1920–1930-е гг. произошёл бум эмпирических исследований, носящих частный, ограниченный характер, когда исследованию подвергались определённые социальные группы. При этом рост предельно конкретных социологических исследований непосредственно стимулировался заказчиками подобного рода частного знания – владельцами и управляющими крупных предприятий, государственными чиновниками, следящими за напряжённостью социальной атмосферы в рабочих коллективах и в среде избирателей, а также независимыми общественными организациями и профсоюзами, изучающими проблемы общества, в частности, проблемы крупных городов и условия труда на фабриках и заводах. Нестабильная экономическая ситуация, построение краткосрочных планов в условиях безотлагательности принятия решения непосредственным образом отразились на форме, структуре и тактике научных исследований – они стали эмпирическими, фактологическими, узконаправленными (учитывающими конкретные заданные параметры) и конвейерными (массовыми и быстро утрачивающими актуальность).

Возникло инструментальное отношение к науке, распространившееся благодаря инженерному мышлению. К. Поппер выделяет следующие черты инженерного мышления: инструментальность («наука есть инструмент для решения практических проблем»), технологичность (подчинение теории определённым стандартам), поэтапность (направленность на решение частных, а не общих задач). Социальные инженеры должны уметь предсказывать, «способно ли некоторое экономическое или политическое

¹⁷⁵ Там же. С. 156

действие дать ожидаемый или желаемый результат»¹⁷⁶. Поппер разделяет приватный и публичный характер технологических проблем в области социально-гуманитарных наук. К приватной сфере «принадлежит техника управления в сфере бизнеса, или влияние условий труда на его производительность»¹⁷⁷. К публичной – «последствия тюремной реформы, или всеобщего медицинского страхования, или стабилизации цен в судебном порядке, или влияния новых таможенных правил и т.д. на выравнивание доходов; ...возможность контроля за торговым оборотом, или вопрос о том, совместимо ли централизованное «планирование» (в смысле государственного управления производством) с демократическим контролем над администрацией, или — о том, как ввести демократию в Средней Азии»¹⁷⁸. Поппер уподобляет социальную инженерию инженерной физике в их одинаковом отношении к постановке цели исследования: вопрос о целях выходит за сферу компетенции технологии. Технология сосредоточена на средствах, она занимается проектированием, реконструкцией и усовершенствованием, будь то машины или социальные институты¹⁷⁹. Утрата способности постановки цели исследования и сосредоточенность на средствах решения заданной проблемы является характерной чертой социально-гуманитарных наук XX столетия. Известный американский социолог Ч.Р. Миллс считает, что социальная инженерия, использующая технократические лозунги, демонстрирует занимаемую ею бюрократическую позицию и основывается на предпосылке об инертности и управляемости людей. «Бюрократический этос», распространённый в недемократических секторах общества – вооружённых силах, коммерческих корпорациях, рекламных агентствах, административных учреждениях – затушёвывает и нивелирует возможность сознательного выбора как не необходимую и в конечном итоге лишнюю для осуществляемой

¹⁷⁶ Поппер К. Нищета историцизма [Электронный ресурс]. – М.: Прогресс-VIA, 1993. Режим доступа: <http://evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/index.html>

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

бюрократической и плановой деятельности¹⁸⁰. Лишение инженерной науки возможности постановки глобальных целей исследования свидетельствует о присутствии в ней патерналистского мышления со стороны государственных чиновников и крупных владельцев промышленных предприятий. Поднимая вопрос власти, стоит сразу оговориться, как это делает, к примеру, З.А. Сокулер, что никакая власть не способна породить научную (например, физическую) теорию. Представители государственного аппарата или экономической организации какой-либо из западных стран не создавали бихевиоризм, структурный функционализм, структурную антропологию и др. Но они посредством институционализации науки организовали систему прямого социального (на самом деле, политического и экономического) заказа, инициирующего и обеспечивающего финансирование определённых исследовательских направлений. Э. Гидденс связывает произошедший в 1920–1960-е гг. расцвет социологии и других социальных наук с изменением «представления о систематических социальных исследованиях как о непосредственной преобразующей силе, которая сможет помочь в установлении надлежащего социального порядка, как бы этот порядок ни определялся (начиная революционными сценариями марксизма и кончая более шаблонными схемами социальных улучшений)»¹⁸¹.

Взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в этот период начало носить прямой характер. Государственными и экономическими структурами был сформирован социальный заказ на когнитивные структуры научного знания. Социальный заказ задавал цель научного исследования, стимулировал научные исследования определённого – эмпирического – типа. Посредством системы финансирования и институциональной зависимости из экономической и социологической науки были практически элиминированы теоретические исследования как не эффективные для анализа конкретной эмпирической

¹⁸⁰ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.

¹⁸¹ Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии//Thesis. 1993. Вып.1. С. 76

ситуации. Подобная система социального заказа научного знания получила наибольшее распространение в период с 1920-х по 1960-е гг. До и после указанного временного промежутка такого очевидного влияния государства и экономических структур на содержание научного социально-гуманитарного знания больше не наблюдалось. Произошло искусственное выхолащивание всего собственно социального и человеческого из наук об обществе и человеке при артикулированной антинатуралистической исследовательской программы.

Правительство и частные экономические структуры западных стран обратилось к проверенным и разработанным методам социально-гуманитарных наук натуралистической направленности, которые оказались политическим инструментом регулирования поведения. «Предсказание и контроль» стали целью и лозунгом поведенческих социальных наук и полностью отвечали запросам масштабного планового движения. Плановая наука как наука, работающая по плану (следствие научной институционализации) и предполагающая получение необходимых для осуществления задуманного плана результатов, направлена не только на получение знания о способах регулирования поведения, но и сама является средством опосредованного регулирования поведения. Бихевиоризм, когнитивная психология и структурный функционализм в социологии предоставили не только практические научные результаты, адекватные для воздействия на человеческий материал, но и теоретическую основу интерпретации социокультурной реальности, транслируемую посредством института образования и средств массовой информации в общественное сознание с целью предотвращения возникновения когнитивного диссонанса между социальными представлениями и функционированием социальной действительности.

П. Вагнер видит в поведенческих социальных исследованиях постлиберальную технологию, интеллектуальный «инструмент организаторов модерни, плановиков «современного» общества, в том

смысле, что они помещают индивидов в порядок, чтобы сделать их поддающимися политическому воздействию и планированию»¹⁸². Изоляция индивидов друг от друга, игнорирование каких-либо возможных социальных отношений между ними явились, по Вагнеру, когнитивным шагом, атомизирующим индивидов и перекрывающим потенциальные связи повсеместным планированием¹⁸³. Языковая практика служит средством управления пониманием. Согласно представителю Франкфуртской школы Г. Маркузе, технический способ мышления реализуется посредством процесса операционализации понятий, в котором логический позитивизм принял активное участие. Операционализация понятий означает научную легитимацию только тех терминов, которые можно непосредственно соотнести с наблюдаемыми явлениями; если же невозможно дать определение в точных терминах операций или поведенческих реакций, то такие понятия объявляются недействительными. Вследствие повсеместной ориентации на техническую оснащённость, выхолащивания языка и мышления, распространения потребительских идеалов действительное отождествляется с возможным, а возможное – с действительным, т.е. возникает одномерность.

Тесная связь политического и эпистемологического, возникшая в XX столетии, по-новому обнажает проблему власти в социально-гуманитарных науках. Проблема власти была детально изучена французским философом и социологом М. Фуко. Фуко указал на то, что власть не сводится к конкретному государству или к представителям государственного аппарата, а распространяется шире, проникая в существо социальности и получая свойства анонимности и нетеологичности. Постоянное принуждение, навязывание отношения послушания – полезности, распределение индивидов в пространстве (огораживание, спецификация места, отличного от всех других и замкнутого в самом себе, локализация) служат дисциплинарными

¹⁸² *Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P.600*

¹⁸³ *Ibid.*

методами, применяемыми властью¹⁸⁴. Социально-гуманитарные науки в XX в. послужили дисциплинарным методом, инструментом власти – как политической, так и интеллектуальной. Они не только сохранили свою традиционную функцию – воспроизводство существующего социального (и подспудно политического и экономического) порядка, когда, как сформулировал отечественный специалист в области истории естествознания Э.В. Колчинский, «власть за предоставляемые ресурсы требует не только, а иногда и не столько практические результаты, сколько идейно-политическую поддержку»¹⁸⁵. В 1920-1960-е гг. у наук об обществе и человеке появилась новая функция – функция обеспечения научным знанием и инженерными технологиями управления индивидами. При этом исчезает социальная спецификация и дифференциация власти. Власть, вне зависимости от классовой принадлежности её представителей и преследуемых ими социальных целей, в отношении социально-гуманитарных наук действует универсально. К. Мангейм писал, что в позитивизме нужно отличать «буржуазный» образ мыслей и оттенок пролетарского мышления, а также революционный и консервативный позитивизм¹⁸⁶. Однако в XX столетии вне зависимости от принадлежности партии или классу власть склонна ожидать от социально-гуманитарных учёных конкретных технологических решений по вопросам эффективного управления индивидами, а также участия в формировании общественного сознания, готового к внедрению плановых установок.

Плановая наука, считает Д. Росс, получила своё оправдание ещё в годы Первой мировой войны, в специфическое время осуществления процедурной рациональности, тестирования программ и статистических бюро¹⁸⁷. Обратимся к истории бихевиоризма. Как пишет американский историк

¹⁸⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М: Ad Marginem, 1999. СС. 200-282

¹⁸⁵ Колчинский Э.И. Предисловие редактора// Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки/Под ред. Э.И. Колчинского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 10

¹⁸⁶ Мангейм К. Очерки социологии знания (теория познания - мировоззрение - историзм). – М.: ИНИОН, 1998. С. 195

¹⁸⁷ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 220

психологии Т. Лихи, Первая мировая война внесла коррективы в развитие психологии. «Психология была вовлечена в войну, что сильно изменило ее; когда психологи возобновили обсуждение бихевиоризма, основания дискуссии сильно отличались от того, что было до войны. Ценность объективной психологии доказали тесты, которые проводили психологи, отбиравшие солдат. После войны встал вопрос не о том, насколько законен бихевиоризм, а о том, какую форму он должен принять»¹⁸⁸. Война как внешнее по отношению к истории науки событие инициировала пересмотр основ психологической науки и способствовала тому, чтобы бихевиоризм занял лидирующие научные позиции. На наш взгляд, это произошло в том числе потому, что бихевиористская схема «стимул – реакция» идеально вписалась в условия проведения военных действий. Именно по схеме «стимул – реакция» («приказ – исполнение») происходит командование войсками (что входит в согласие с заявленной Уотсоном целью психологии – контроль поведения). Широко используемый психологами метод интроспекции с его противоречивым и фрагментарным характером данных, естественно, не мог способствовать успешному проведению масштабных боевых операций, задействовавших большие человеческие массы и, следовательно, не мог составить здесь конкуренцию бихевиоризму. Переход, произошедший в восприятии бихевиоризма от когнитивно возможного психологического учения в 1913-м г. к когнитивно необходимому к 1920-м гг., был сделан благодаря практическим результатам, полученным в специфических социокультурных условиях, выпадающих из нормального общечеловеческого ритма жизни. Таким образом, частный исследовательский и практический опыт оказался такой силы и значимости, что впоследствии был определен как общезначимый.

Интроспекционизму с его неструктурированным понятийным аппаратом Уотсон противопоставляет бихевиоризм как «последовательный и логический функционализм», раскрывающий принципы приспособления

¹⁸⁸ Лихи Т. История современной психологии. – СПб.: Питер, 2003. С. 268

организма «к своему окружению посредством врождённого и приобретённого набора актов». Бихевиоризм призван свести изучение и контроль поведения человека к формуле: «Если дан ответ, может быть предсказан стимул, и если дан стимул, может быть предсказан ответ»¹⁸⁹. В 1913-м году манифест Уотсона был воспринят достаточно сдержанно. Как указывает Т. Лихи, отмечались его ценные качества, такие как исследование поведения; обращалось внимание на формирование навыков, но его главными недостатками были признаны отказ от метода самонаблюдения и отказ от изучения сознания, выделивших психологию из биологии. Т. Лихи считает, что манифест Уотсона был принят сдержанно потому, что психологи уже допускали мысль об изучении поведения в рамках психологии, но «были озабочены сохранением традиционной миссии психологии – изучением сознания»¹⁹⁰. Таким образом, сама идея бихевиоризма в восприятии научного сообщества оказалась не нова. Психологи в любом случае пришли бы к мысли о необходимости изучения человеческого поведения, особенно если учитывать бурный рост физиологии животных, наблюдающийся на рубеже веков. Рано или поздно интроспекция как ненадёжный метод исследования была бы вытеснена. Но Уотсон предложил не просто сделать поведение предметом психологического исследования, а свести весь объект психологии к поведению. Уже к 1920-му году бихевиоризм становится доминирующей психологической парадигмой.

Помимо проведения исследований во время Первой мировой войны в рамках бихевиоризма следует иметь в виду устойчивые взаимоотношения психологии и военных разработок, применяемых как во внутренней, так и во внешней политике (разведка). К примеру, возникновение концепции обратной связи, на которой основывается когнитивная психология, ещё одно позитивистское ответвление психологии, относят к 1943г., когда в рамках американского военного проекта проводились испытания контроля над

¹⁸⁹ Уотсон Д. Психология с точки зрения бихевиориста. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/uots_psih.php

¹⁹⁰ Лихи Т. История современной психологии. – СПб.: Питер, 2003. С. 268

полётом воздушных ракет с помощью живых организмов (данный проект имел несколько направлений, среди которых, в том числе, были бихевиористские разработки одного из самых влиятельных бихевиористов Б.Ф. Скиннера)¹⁹¹.

Простота бихевиористских теоретических выкладок («стимул – реакция», «стимул – промежуточные переменные – реакция»), прозрачность цели («предсказание и контроль»), направленность на результат (контролируемое поведение) и неукоснительное следование заданному алгоритму делает бихевиоризм классическим образцом инженерного мышления. Как отмечает Д. Росс, инженерная наука «не только была ориентирована на технические изобретения, но и была пронизана технологиями изобретений»¹⁹². Инженерное направление, к концу 1920-х гг. занявшее прочные позиции в социально-гуманитарных науках, становится возможным благодаря концепции рационального социального конструирования, уходящей корнями в проект модерна эпохи первой либеральной современности. Но, в отличие от грандиозных теоретических разработок, которые осуществляли учёные XIX столетия, в XX столетии перед наукой ставятся частные, промежуточные цели прикладного характера. Успешный опыт государственного планирования в период Первой мировой войны, экономический кризис, вылившийся в Великую экономическую депрессию, необходимость принятия мер по стабилизации экономической системы, национальные амбиции США, противостояние поднимающемуся фашизму – все эти условия предоставили государству санкцию занять активную позицию по переделыванию социального мира. Конструирование социальной реальности в эпоху второй организованной современности предполагало оптимизацию использования человеческих ресурсов, в том числе за счёт управления человеческим поведением. Социально-гуманитарные науки в преломлении инженерной парадигмы были призваны

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 220

обеспечивать государство и экономические структуры надёжными данными о способах регулирования человеческого поведения для успешного функционирования общества. Выполнение социально-гуманитарными науками новой возложенной на них роли стало более вероятным благодаря осуществившейся к тому моменту институализации. Если раньше социально-гуманитарные учёные имели возможность самостоятельно обеспечивать свои исследования (как известно, В. Вундт содержал лабораторию на собственные средства), то после институционализации, при которой запускается процесс воспроизводства научных кадров, создаётся система социально-бюрократической и экономической зависимости учёных.

Под углом зрения социальной инженерии бихевиоризм предстаёт не просто как исследование стимулов и реакций у крыс и других животных; основная цель его изучения – это элементарные действия людей. Помимо военных, политических и экономических разработок бихевиоризм связывается, к примеру, отечественным исследователем А.С. Панариным «со специфическими для американского общества социальными и политическими практиками»¹⁹³. Бихевиоризм, как считает А.С. Панарин, сформировал и обосновал американскую картину мира; его атомарные, индивидуалистические принципы оказались созвучными принципам частного предпринимательства, но совершенно игнорировали социокультурную и личностную реальность¹⁹⁴. Манипулятивный характер бихевиоризма, его нескрываемое стремление к контролю над человеческим поведением неоднократно анализировались с критических позиций. В 1971 году вышла книга Б. Скиннера под названием “Beyond Freedom and Dignity”, которое можно перевести как «По ту сторону свободы и достоинства», в которой автор обосновывает идею контроля над человеческим поведением. Такой контроль осуществляется с целью предотвращения нежелательных последствий человеческой деятельности – глобального потепления, угрозы

¹⁹³ Панарин А.С. Испытание глобализмом. – М.: Эксмо, 2003. С. 142

¹⁹⁴ Там же. СС. 143-150

ядерной войны, перенаселённости Земли, а также управления улучшениями – улучшением качества медицины, повышением уровня санитарных условий проживания населения и т.п. Но, как мы понимаем, сама по себе наука нейтральна и не чувствительна к этике¹⁹⁵. Поэтому, хотя такие разъяснения приемлемы в качестве обоснования необходимости существования науки и научных работников, они не могут исчерпывать всех целей её использования и не могут их гарантировать. Тем более, как подчёркивал К. Поппер, апологет инженерного мышления, цели использования научных данных не определяются самими исследователями. Они определяются теми людьми, которые обеспечивают проведение научного исследования, и их цели могут варьироваться и не всегда могут быть прозрачными, т.е. общеизвестными и дискутируемыми.

Что касается когнитивной психологии, то она предоставила легитимное обоснование процессов механизации сознания современного человека. В 1950-е гг. А. Тьюринг приходит к заключению, что поведение машины целесообразно и символизирует собой обратную связь организма с окружающей средой посредством информации, которая поступает в мозг, обрабатывается, как обрабатывается компьютерная программа в процессоре компьютера, и организм перестраивает своё поведение согласно результатам, полученным в процессе мышления. Показателем процесса мышления выступает успешное взаимодействие с окружающей средой, которое демонстрирует и машина, и человек. Мышление в таком случае сводится к оперированию символами¹⁹⁶. Отсюда вытекает информационная парадигма сознания, актуальная и в настоящее время, поскольку когнитивная

¹⁹⁵ Как указывает известный американский социолог П. Бергер, «Социологическое объяснение динамики расовых предрассудков можно эффективно использовать и для разжигания межрасовой вражды, и на распространение терпимости; интерпретацию внутренних механизмов человеческой солидарности можно использовать как в тоталитарных, так и в демократических режимах. ...Процессами, приводящими к согласию, могут управлять и воспитатели в летних лагерях, и промыватели мозгов в лагерях коммунистического Китая». Социальные исследования сплочения составляющих нацию обществ могут быть применены как для обеспечения большей жизнеспособности и единства собственного государства, так и для разрушения единства враждебных государств. См. *Бергер П.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. [Электронный ресурс]. – М.: Аспект-пресс, 1996. Режим доступа: <http://www.socd.univ.kiev.ua/LIB/PUB/B/BERGER/berger.pdf>

¹⁹⁶ *Тьюринг А.* Может ли машина мыслить? – М.: ГИФМЛ, 1960.

психология является доминирующим направлением в современной психологической науке: «...Человеческое сознание имеет информационную природу, ...оно представляет собой своего рода естественное логическое устройство (комплекс когнитивных программ и метапрограмм), управляющее только информационными процессами нашей когнитивной системы»¹⁹⁷.

В социологии структурный функционализм к 50-60-м гг. XX в. во главе с Т. Парсонсом, Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом становится доминирующей методологией социологической науки и получает эпитеты «большой» и даже «классической» теории. Структурный функционализм уходит от позиционирования однозначного соответствия между структурой и функцией, по которому его можно было бы сразу отнести к позитивизму по примеру бихевиоризма. По Мертону, «точно так же, как один и тот же элемент может иметь многочисленные функции, так и одну и ту же функцию могут разнообразно выполнять альтернативные элементы»¹⁹⁸. Р. Мертон отрицает постулаты функционального единства, универсального функционализма и постулат обязательности определённой функции и структуры. Существуют разные уровни структур и разные выполняемые ими функции, поскольку разные общества интегрированы по-разному. Поэтому невозможно предоставить единую, раз и навсегда данную шкалу соответствия структур и функций. Этим Мертон ограждает структурный функционализм от возможных нападков на него как на консервативную и консервирующую общество концепцию.

Возникает вопрос: на исследование чего тогда направлен функционализм, если появляется такое разнообразие функций и структур? Здесь на помощь с ответом приходит М. Вебер, чьё влияние, несомненно, угадывается и открыто признаётся. Структурный функционализм нацелен на типирование – на выявление типов функций и структур, на поиск общего

¹⁹⁷ Меркулов И.П. Сознание как когнитивная способность//Эпистемология и философия науки. №4. Т. VI. 2005. С. 144

¹⁹⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. С. 123

инварианта, который бы дал ключ к пониманию функционирования системы. И здесь можно отчётливо проследить построение схемы, схематизацию. Т. Парсонс выделяет единицу, «атом» структуры действия – акт действия, необходимыми элементами которого являются сам актор, цель, условия и средства достижения цели. Акт не анализируется отдельно от других индивидуальных актов, как это происходит, к примеру, у М. Вебера. Напротив, и как раз в этом заключается новшество структурного функционализма, акт обнаруживает связи между целями отдельных акторов, зависимости, которые носят системный характер и существуют в силу социальной интеграции.

Позитивизм в преломлении структурного функционализма видоизменяется: он теряет первоначальную однозначность и приобретает подвижный аналитический аппарат. Возникает следующий вопрос: по какому признаку, помимо схематизации, можно определить, что перед нами действительно форма позитивизма, призванная предоставить политический инструмент для предсказания возможных действий индивидов? Мы считаем, что это можно определить по поставленным целям научного исследования. Парсонс пишет об этом так: «Это, во-первых, «причинное» объяснение прошлых конкретных явлений или процессов и предсказание будущих событий. Во-вторых, получение обобщенного аналитического знания «законов», которые могут быть приложены к бесконечному ряду конкретных данных»¹⁹⁹. Действия социальных акторов типизируются, вписываются в схемы и приобретают в силу вписанности в схемы предсказуемый характер. Нацеленность на поиск законов социокультурной реальности и «точное предсказание потенциальных последствий» являются отличительными признаками позитивизма и с очевидностью здесь прослеживаются.

Проблема доминирования структурного функционализма достаточно хорошо освещена. Французский социолог П. Бурдьё пишет о том, что

¹⁹⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/08.php

функционалисты «в 1950-1960 годах имитировали единство науки, будто бы наука существует лишь тогда, когда есть единство»²⁰⁰. Структурный функционализм определяется как «интеллектуальный холдинг», «стратегический альянс» (П. Бурдьё²⁰¹), «ортодоксальный консенсус» (Э. Гидденс²⁰²). Критика доминирования структурного функционализма направлена против возникновения в социальном восприятии иллюзии объединённой социологии, подразумевающей научную безальтернативность и ненужность иных методологических подходов, что влечёт за собой получение социальных и материальных благ представителями именно доминирующей методологии, а также затуманивание иных перспектив исследования общества. Системная парадигма, применяемая и в структурном функционализме, и в когнитивной психологии, идеально вписывается в обоснование существующей системы власти. Система, внутри которой происходят изменения, является сложно организованным явлением, но она уже дана, т.е. внутри неё не могут происходить какие-либо социальные трансформации, меняющие её сущность. Л. фон Берталанфи, основатель системного подхода, биолог по профессии, писал следующее: «Многие промышленные предприятия и государственные агентства имеют соответствующие департаменты, комитеты или по крайней мере особых специалистов по этим проблемам, а многие университеты предлагают программы и курсы для изучения системных идей»²⁰³. Системное мышление транслирует мышление власти.

Важную роль в развитии социально-гуманитарных наук в XX столетии сыграло направленное финансирование определённых исследовательских проектов, осуществляемое частными лицами. Д. Росс среди таких проектов называет, к примеру, Франкфурт и Вену, которые поддерживались со специфическими политическими и политизированными целями. Особое

²⁰⁰ Бурдьё П. Начала. / Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ – М.: Socio-Logos, 1994.

²⁰¹ Бурдьё П. Указ.соч.

²⁰² См. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии//Thesis. 1993. Вып.1. С. 63

²⁰³ Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор//Исследования по общей теории систем: Сборник переводов/ Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 23

внимание Д. Росс уделяет фондам Рокфеллера, которые «инвестировали 40 миллионов долларов в социальные исследования в течение 1920-х гг. и продолжали вкладывать большие суммы в 1930-е»²⁰⁴. Ими опекались менеджеры, обучавшие социальных учёных инженерному мышлению, такие как Б. Рамл и Л. Франк. Самым значимым достижением Рокфеллера Д. Росс признаёт Сообщество социальных научных исследований (Social Science Research Council), первую организацию, объединившую ряд социальных дисциплин и продвигавшую проекты, обещающие инженерную науку, среди которых, в частности, называется бихевиоризм. «Фонд Рокфеллера также инвестировал в европейские науки, привозя отдельных учёных в американские университеты и поддерживая институты, которые проводили эмпирические и междисциплинарные исследования, отражавшие его собственную концепцию науки, такие как Лондонская школа экономики..., Высшая немецкая политическая школа в Берлине...»²⁰⁵. Инновационным проектом в межвоенные годы стала функциональная антропология, созданная А. Рэдклиффом-Брауном и Б. Малиновским в 1920-е гг. Практическая ценность функционализма для политики «непрямого управления» была обоснована Б. Малиновским, после чего фонд Рокфеллера «перечислил четверть миллиона долларов в постдокторальное сообщество в Африке, утверждая центральность исследовательского поля в дисциплине и убеждая в доминировании функциональной антропологии в Британии»²⁰⁶. Функциональная антропология, как и социальная антропология, всегда имела особое значение для колониальной Англии.

П. Вагнер приводит факты «беспрецедентной связи между позитивистской философией, социалистической мыслью и современным социологическим исследованием»²⁰⁷, принявшей форму унифицирующего движения. Логический позитивизм, служивший универсальной методологией

²⁰⁴ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 227

²⁰⁵ Ibid.

²⁰⁶ Ibid. P. 228

²⁰⁷ Ibid. P. 597

для всех поведенческих социально-гуманитарных наук, был способом переутверждения социального проекта современности, который как раз во время возникновения социологического неопозитивизма – конец 1920-х–начало 1930-х гг. – претерпевал значительные трансформации. Сама идея надёжного знания, обеспечивающего предсказание и контроль, транслируемая в общественное сознание, была частью предприятия по утверждению нового типа современности (modernity)²⁰⁸.

Логический позитивист Отто Нейрат, автор «Научного миропонимания», «Социализма и логического эмпиризма», а также «Эмпирической социологии», был лидирующим активистом австрийских социалистов и австромарксистов, которые добились большинства в Вене в период Австрийской республики после Первой мировой войны, и после этого Вена была превращена в экспериментальное пространство социального планирования. По П. Вагнеру, Австрия периода между двумя войнами является локусом, где воедино сливаются интеллектуальное и политическое движение и образуют новый подход, который в дальнейшем распространится на весь западный мир²⁰⁹. П. Вагнер объясняет экзистенциальные основы мировосприятия О. Нейрата. Научная рациональность и политические улучшения для него были нераздельны, потому что совпадали в поступательном и единственно верном развёртывании индивидуального разума, проявляющегося в планировании, статистике и социализме. Ведущий реформатор Вены наложил рациональные схемы на политику города и, соответственно, воспринимал метафизическое мировоззрение и нелегитимную власть как препятствия рациональным и политическим совершенствованиям²¹⁰.

Другой значимой фигурой социалистического движения стал П. Лазарсфельд. Как указывает П. Вагнер, он был привлечён к статистической работе в Психологическом институте Венского университета, где занимались

²⁰⁸ Ibid.

²⁰⁹ Ibid. P. 598

²¹⁰ Ibid.

исследованиями для городской администрации. В дальнейшем Лазарсфельд основал Исследовательский союз экономической психологии Венского университета, который заключал исследовательские контракты как с Австрийской радиоконпанией, так и с Франкфуртским институтом социальных исследований. Таким образом, именно Лазарсфельд положил начало коммерчески функционирующим исследовательским институтам, а также институциональной и операциональной модели «административного исследования», которые после Второй мировой войны распространились по всему миру²¹¹.

После Второй мировой войны, между 1950-ми и 1970-ми гг. исследователи (П. Вагнер, Д. Росс) констатируют усиление технократических и плановых установок в социально-гуманитарных науках на Западе. Этому способствовали достижения в области администрирования, стратегии, политики, а также успехи в функционировании частных и общественных организаций на фундаменте научных данных. Помимо свидетельств интеллектуального прогресса либеральный взгляд эпохи Просвещения на прогрессивное общество, ведомое наукой, получил толчок благодаря разгрому фашизма и дезинтеграции колониальных империй. В связи с этим наблюдается быстрый рост как инженерных технологий, управляющих эмпирическими исследованиями и профессиональной практикой (управление, инспектирование, тестирование, оценивание, моделирование), так и теоретических построений. В теоретических построениях поведенческих социальных исследований, основанных на структуралистской парадигме, при сохранении индивидуалистических, волюнтаристских предпосылок поведения индивиды были интегрированы в системное целое: персона, роль, норма, статус и бюрократия²¹².

Подведём некоторый итог. В 1920-1960-е гг. в социологии, экономике и психологии существовала беспрецедентная связь научного знания и

²¹¹ Ibid. PP. 598-599

²¹² См. *Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. PP. 229-231*

организации современного общества. В социально-гуманитарных науках этого времени наблюдаются несколько особенностей. Данный период оказался временем абсолютного доминирования натурализма, хотя антинатуралистическая исследовательская программа наук об обществе и человеке уже была артикулирована и испытала подъём. В XX столетии произошло углубление механистических и биологических аналогий, обосновываемое прогрессом естествознания и техники. Аналогии, а не метафоры стали основными элементами научного знания. Социально-гуманитарные науки утратили метафоричность, что свидетельствует о ещё большей механизации человека и общества. Логический позитивизм явился парадигмой социально-гуманитарного научного исследования. Помимо прочего он предполагал сведение возможных социальных миров к действительному, и это служило сильным приёмом организаторов современного общества. Логический позитивизм был продуктом конкретного исторического времени и места, он был связан с конкретными людьми, добивающимися поставленных целей. Но посредством постулата всеобщности данный конкретный опыт был (незаконно) распространён на всю область социально-гуманитарного знания. Социально-гуманитарные исследователи в данный период активно применяли риторические приёмы. Они демонстрировали «завершённое» видение изучаемых объектов социокультурной реальности. Аппелляция к нейтральности научного знания также является риторическим приёмом, призванным преподнести форму доминирующего представления как легитимную и достоверную. В данный период развития социально-гуманитарных наук наблюдается активное финансирование определённых – инженерных – проектов частными фондами и инвесторами. Большая часть инженерной науки развивалась и поддерживалась в США, что указывает на национальные амбиции этого государства.

В связи с повышением государственного участия в сфере производства, экономическим кризисом, успешным опытом государственного

планирования, изменением социальной роли правительств государство заняло активную позицию по переделыванию социального мира. Чтобы изменить социокультурную реальность, организовать и упорядочить действия людей, необходимо изменить понимание самой человеческой реальности и продемонстрировать существующие в ней причинно-следственные связи, объясняющие функционирование общества и поведение человека. Данную функцию выполнили мощные направления социально-гуманитарных наук натуралистической исследовательской программы (бихевиоризм, структурный функционализм, когнитивная психология), которые предоставили глобальные схемы интерпретации общества и человека. Они сформировали сознание определённого типа, способное мыслить о человеческом мире в специфических научных терминах «стимула – реакции», «актора – цели – функции – структуры» и т.д. Также данные направления обеспечили заказчиков научным знанием о способах стимуляции поведения определённого типа. Конкретные эмпирические исследования получили предельно инструментальный характер, явившийся следствием утилитарной предпосылки научного познания и научной деятельности. Инженерная наука, будучи прямым социальным заказом, не предполагала постановку целей исследования, и тем самым эксплицировала мышление представителей государственного аппарата и экономических структур. Научное знание, которое развивалось в эпоху организованной современности, можно обозначить как организованную науку, когда содержательные и методологические структуры, не смотря на провозглашение свободы научного поиска, сознательно направлялись внешними вненаучными структурами.

С 1920-х вплоть до 1950-х гг. в социально-гуманитарных науках грань между позитивизмом и интерпретативизмом становится очень чёткой, в частности потому, что антинатуралистические исследования практически исчезают из экономики, психологии и социологии, и все активно развивающиеся направления оказываются принадлежащими позитивизму.

3.3. Социокультурные процессы и когнитивное развитие наук об обществе и человеке во второй половине XX–начале XXI вв.

В 1960–1970-е гг. в западном обществе наблюдаются перемены экономических, социально-политических и культурных процессов, которые, с одной стороны, прямо влияют на тенденции развития социально-гуманитарных наук. С другой стороны, само научное знание об обществе и человеке участвует в формировании специфической социальной атмосферы того времени. Чтобы решить вопрос о взаимодействии факторов развития наук об обществе и человеке во второй половине XX–начале XXI вв., необходимо выявить соотношение ключевых тенденций развития общества и социально-гуманитарных наук.

Уже в 1960-е гг. в западном обществе фиксируется неуправляемый экономический спад с одновременным появлением растущей инфляции и безработицы. Непредвиденный экономический спад послужил дискредитации кейнсианства, которое, как казалось, управляло такой «стагфляцией». Экономический спад свидетельствовал о более широком явлении – кризисе социального планирования, проводимого государством, и, шире, кризисе эпохи второй организованной современности. Немецкий социолог П. Вагнер считает, что «с 1970-х гг. становилось всё больше и больше очевидным, что социальное планирование не отвечает большим ожиданиям»²¹³.

Д. Росс указывает на сокращение всемирного влияния американской науки. После того, как американская наука достигла своего пика в 1960-е гг., её развитие и распространение резко пошли на спад. Среди причин, вызвавших такой перелом, Д. Росс называет вторжение США во Вьетнам, последовавшие за ним реакция новых левых и усиление марксизма. В Германии возродилась социальная теория во главе с Н. Луманом и Ю.

²¹³ *Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 606*

Хабермасом и вернувшейся из США Франкфуртской школой, которая «имела исключительно немецкую выраженность»²¹⁴. Во Франции также после 1970-го г. была изобретена новая традиция, отличная от дюркгеймовской. Европейская политическая наука подверглась критике за политизацию и усвоение американского либерального индивидуализма, чуждого европейскому, который основывается на коллективизме²¹⁵.

В 1968 году в обществе складывается нестандартная ситуация, которая до сих пор нуждается в осмыслении. В этом году активизируются социально-политические движения и резко растут протестные настроения, охватившие как западные капиталистические, так и незападные социалистические страны. Социальные движения приобретают самую разнообразную форму, но в основном – это студенческие волнения, в которых участвует молодёжь от 18 до 30 лет. Радикальные студенческие выступления происходят в крупных городах США, Франции, ФРГ, Великобритании, Польши, Чехословакии, Югославии, Японии и др. Проходят антивоенные демонстрации в Европе, США и Австралии. Обостряются партизанские войны во Вьетнаме, Гватемале и Анголе, а также совершается культурная революция в Китае. Организуются протесты различной формы – против социального, этнического, расового, полового неравенства. Российско-американский социолог Г. Дерлугьян считает, что в 1968 году произошла глобальная революция, которую трудно назвать политической, поскольку требования, выдвигаемые протестующими, были совершенно разные и даже противоположные – против капитализма, социализма, светских режимов и др. При этом участники протестных движений 1968 года открыто заявляли о том, что они не претендуют на свержение и захват власти. Это было выражение массового социального недовольства существующим положением дел. «Бунт был направлен против иерархии и патернализма во всех формах их проявления, будь то государственная бюрократия или

²¹⁴ *Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 233*

²¹⁵ *Ibid.*

патриархальная семья, капиталист или генерал, профессор университета или политик, религиозный лидер или просто мужчина. Это был анархический протест против всех авторитетов и традиционных заповедей. Общая неприязнь к власти объединяла советских диссидентов, западных новых левых, вьетнамских партизан и китайских хунвейбинов»²¹⁶. Таким образом, студенческие бунты, этнические восстания, движения социальной альтернативы были направлены против организованного политического, экономического и социального порядка, против материализма, индивидуализма, коммерциализации культуры и выражали массовый протест против устоев авторитарного общества.

В 1960-е гг. в социально-гуманитарных науках наблюдается необычайное развитие антинатуралистической исследовательской программы. Интерпретативистские научные разработки, разумеется, не были уничтожены в период безраздельного господства позитивизма, но они были законсервированы и подавлены более перспективными научными направлениями. Интерпретативизм и направления, смежные с ним (не вмещающие объекты человеческой реальности в структуры, не подвергающие их математизации или оставляющие их развитие не поддающимся научному предсказанию) не поощрялись на уровне государственного и частного финансирования и/или не принимались научным сообществом (как это произошло в 1920-е гг. с гештальтпсихологами, переехавшими в США). Они оставались на научной периферии. Интерпретативистское направление было малочисленным и существовало в большинстве своём в области гуманитарных наук и философии. Тем не менее, независимое экспертное научное сообщество сохранилось. Как раз такое научное сообщество, включающее учеников первого поколения антинатуралистов, в 1960-е гг. дало толчок новой мощной волне интерпретативизма. Между тем, нельзя сказать, что до 1960-х гг.

²¹⁶ Бурмистров П., Жутаев Д., Великовский Д., Хестанов Р., Тарасевич Г. 1968: год великого перелома. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/#Scene_1

интерпретативизм вообще был не популярен. К примеру, К. Роджерс, представитель личностно-ориентированной психологии, в 1946г., сразу после Второй мировой войны в период взлёта гуманистических ценностей был назначен президентом Американской психологической ассоциации. Показательным является присуждение престижных премий, после чего начинается возрождение интереса к премированному учёному и к направлению, к которому он принадлежит. Неожиданная популярность уже не новой теории часто является ответной реакцией общества на внешние события, выпадающие из социально-политического и экономического порядка вещей. Однако в целом антинатуралистическое направление до 1960-х гг. в социально-гуманитарных науках (в социологии, психологии, экономике) оставалось в рецессии.

В 60-е гг. XX века в социологии резко возросло количество интерпретативных исследований, и это замечается как зарубежными (Д. Росс, П. Вагнер, Д. Хоуитт), так и отечественными (Г.В. Осипов, Л.И. Ионин, А.И. Ковалёв, С.М. Митина, Э.А. Орлова, А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов) исследователями. Начиная с 1960-х гг. выходят и сразу становятся популярными работы по теоретической социологии, рефреном которых является интеллигибельность человеческой реальности и её первостепенный характер по отношению к социальным институциям. В 1962–1963 гг. издаётся полное собрание сочинений А. Шюца «Collected Papers»; чуть раньше – в 1959г. – выходит работа И. Гофмана «Представление себя другим»; в 1961г. – «Приглашение в социологию...» П. Бергера; в 1966 – «Социальное конструирование реальности» П. Бергера и Т. Лукмана; в 1967г. – «Исследования по этнометодологии» Г. Гарфинкеля; в 1962г. – «Социологизм и экзистенциализм» Э. Тирикьяна. Эти работы подготовили почву для проведения полевых исследований в области эмпирической социологии, и в 1967г. выходит первый сборник по качественной социологии

– «Открытие обоснованной теории²¹⁷: стратегии качественного исследования» Б. Глейзера и А. Страусса. В психологии качественные исследования появились на два-три десятилетия позже. В экономической науке интерпретативизм был представлен прагматологической экономикой (Л. фон Мизес).

Интерес к особенному и единичному вдохнул новую жизнь в научное направление, которое получило наименование качественного (другие названия – интерпретативистского или гуманистического) направления социально-гуманитарных наук. Концептуальной основой данного направления послужили социальная феноменология А. Шюца, конструктивистская парадигма П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодология Г. Гарфинкеля, драматургический подход И. Гофмана, психоаналитический и культурный подходы Франкфуртской школы (Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе), символический интеракционизм Дж. Мида и др. Фундаментом эмпирических гуманистических исследований в области социологии стали разработки Чикагской школы 20-30-х гг. (У. Томас, Дж. Мид, Р. Парк, Х. Беккер, Э. Берджес), также положившие начало эмпирической неопозитивистской социологии.

Методы понимания и интерпретации официально возвращаются в социологическую науку. Качественная социология направлена на познание опыта, чувств и переживаний конкретных людей, поэтому качественные исследования основываются на понимании и интерпретации. Основными качественными методами признаны наблюдение, глубинное интервью, метод фокус-группы, анализ личных документов, биографический метод (истории жизни), анализ разговора. После сбора эмпирического материала дальнейшая работа с полученными данными варьируется от исследователя к

²¹⁷ Обоснованной (grounded theory, термин Б. Глейзера и А. Страусса) называется теория, которая укоренена в каждом отдельном случае, обоснована им. Сначала случай тщательно анализируется, происходит концептуализация эмпирических данных, затем исследователи ищут другие случаи, либо схожие с первым (минимальное сравнение), либо от него отличные (максимальный контраст). Эта процедура уточняет и проверяет имеющиеся теоретические построения. До тех пор, пока не найден случай, идущий вразрез со всей суммой полученного знания или значительно расширивший имеющееся знание, теория считается надёжной. Таким образом, обоснованная теория опирается на глубокое знание отдельных случаев.

исследователю. Как пишут А. Страусс и Дж. Корбин, некоторые учёные считают, что эмпирический материал вообще не нужно анализировать и интерпретировать, чтобы не вносить субъективность; другие предпочитают давать точное описание с сокращением и упорядочиванием материала, с полевыми заметками и комментариями, т.е. с элементами интерпретации; есть исследователи, которые «заинтересованы в построении теории», поскольку «они убеждены, что разработка теоретически нагруженных интерпретаций является одним из наиболее сильных средств познания реальности»²¹⁸. Тем не менее, всех «качественников» объединяет мысль о том, что социокультурная реальность фактически никогда не может быть познана, она всегда представляет собой интерпретацию. Именно релятивизм, в конечном итоге, является главной отличительной чертой качественных исследований, из которой могут быть выведены их другие характеристики. Качественное знание – знание о частном, индивидуальном, познаваемом в естественных условиях, которое не может быть сконструировано искусственно, а, значит, и не может быть воспроизведено вторично. Следовательно, это знание принципиально субъективное, многомерное и альтернативное, изображающее общую картину события или явления за счёт насыщенного плотного описания, в нём отсутствуют какие-либо конечные количественные результаты, хотя оно не избегает количественных данных и может содержать их как иллюстративный материал (например, количество опрошенных человек или время, затраченное на интервью).

Интерпретативистами в оппозиционной связке «человек – общество» делается акцент на индивиде как на «источнике, «первоначале» любой социальности»²¹⁹, а также исповедуется индетерминизм, т.е. принципиальная непредсказуемость поведения, действий индивидов, во-первых, в результате того, что имеется незавершённость, незаконченность полученных о них знаний, и, во-вторых, из-за предпосылки о свободе воли, которой наделён

²¹⁸ *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 20

²¹⁹ *Готлиб А.С.* Качественная методология социального исследования: исследовательские стратегии, экзистенциальный потенциал: дис. докт. социол. наук. – Самара, 2005. С. 74

каждый человек. Как сформулировал П. Бергер, «социология показывает, что человек является тем, чем сделало его общество, и еще тем, чем он робко и неуверенно, а порой страстно пытается быть, ориентируясь на свой собственный выбор»²²⁰. Ориентируясь на человеческий, жизненный мир, гуманистическая социология стремится к адекватному воспроизведению смыслов, разделяемых людьми. Соответственно, высшим критерием социально-гуманитарных наук, и об этом много писал известный отечественный филолог М. Бахтин, становится критерий глубины понимания. Под таким углом зрения изучить ситуацию означает определить смыслы, которыми наделяются люди, события и явления. При этом учитывается свобода интерпретации и самостоятельное придание социальными агентами индивидуального смысла собственным действиям. Приверженцы интерпретативистской парадигмы полагают причиной действий индивидов их собственные мысли, а не привычки или реакции на окружающую среду. Поэтому качественные исследователи не пользуются единой категориальной сеткой, данной «на все времена», а каждый раз ищут новое сочетание уже известных смыслов, уточняют старые и изобретают новые.

Современный английский психолог Д. Хоуитт указывает на резкий рост качественных исследований в психологии в 1980-е гг., произошедший немного позже, чем в социологии. Хоуитт обозначает методологические основания качественных психологических исследований: обоснованная теория, коммуникационный анализ, дискурс-анализ, корни которого можно найти у М. Фуко и в социологии 1970-х гг., интерпретативный феноменологический анализ, нарративный анализ. И качественная, и количественная методологии, подчеркивает он, основываются на эмпирическом материале, но, в отличие от количественной, качественная методология «предпочитает насыщенное описание данных; веру, что знание

²²⁰ Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива [Электронный ресурс]. – М.: Аспект-пресс, 1996. Режим доступа: <http://www.socd.univ.kiev.ua/LIB/PUB/B/BERGER/berger.pdf>

социально конструируемо и что реальность познаётся в интерпретации, а не в тестировании гипотез; индивидуальные исследования – сосредоточенность на индивиде как на индивиде (идеографический метод); отношение к языку не как к отражению реальности, а как к окну в реальность; относительно близкий контакт исследователя и исследуемого; насыщенные и глубокие знания, нежели тяжёлые и надёжные; относительно неструктурированные исследовательские стратегии; отрицание позитивизма»²²¹.

Интерпретативистские исследования имеют ярко выраженную антипозитивистскую окрашенность. Они выступают против господства позитивизма, против позитивистской монополии на истину. Среди многочисленных доводов против позитивизма можно выделить следующие. Математический пиетет, царствующий в позитивизме, способствует избирательному отбору фактов и сводит многообразие социокультурной реальности к нескольким «переменным»²²². Формализованное знание игнорирует жизнь живого человека и, следовательно, научное представление о социальной действительности уже является неадекватным²²³. Мир математических свойств и механических объектов вытесняет живого человека из функционирующей социальной действительности, изменяет его

²²¹ *Howitt D.* Introduction to Qualitative Research in Psychology. – Essex: Pearson Education Ltd, 2010. P. XVI. Особое значение в психологии вновь после В. Дильтея и гештальтпсихологии приобретает недизъюнктивность мышления, препятствующая математизации мыслительных процессов. Академик А.В. Брушлинский, обосновывая гуманистический подход в психологии, указывает на неоднородность мышления и, следовательно, невозможность подвергания его вероятностному, стохастическому анализу, который предполагает существование случайных однородных событий. Подобный анализ игнорирует изначальную целостность и неаддитивность мышления, «исключающих дробление на однородные случайные, относительно неизменные и т.д. события». Когнитивная психология, против которой фактически выступает А.В. Брушлинский, с целью прогнозирования хода мыслительного процесса пренебрегает его основным механизмом – механизмом анализа через синтез: «На каждом этапе непрерывного взаимодействия субъекта с познаваемым объектом последний выступает всё в новых и новых качествах, поскольку включается во всё новые и существенные для него связи и отношения. Значит, каждая последующая стадия процесса мышления хотя бы в минимальной степени существенно отличается от предыдущей»²²¹. Следовательно, в когнитивной психологии не учитывается способность субъекта приобретать новые качества и, таким образом, изменяться качественно, а не только количественно, путём минимизации когнитивных ошибок. Когнитивная психология, прогнозируя вероятность актуализации какого-либо свойства субъекта, не учитывает внутреннее развитие и внутреннюю активность последнего, что также было характерно, по замечанию Брушлинского, и для советской психологии, когда был принят тезис о том, что сознание есть отражение действительности и что это косвенно подразумевало пассивность субъекта. См. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. – М.: Издательство МПСИ, 2008. С. 130

²²² См. *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. – СПб.: Наука, 2003. СС. 72-83

²²³ См, к примеру, *Дридзе Т.М.* Станет ли социология «наукой наук об обществе»?// Социологические исследования, 2001. №3. СС.19-20

внутренний мир, «омеханичивает» его сознание, нивелирует внутреннюю связь между людьми и уничтожает их сопричастность друг другу²²⁴. Известный английский социолог Э. Гидденс считает, что «классическая социальная теория», продолжая удерживать первые позиции в научном знании, «сохранила отпечаток той интеллектуальной ситуации, в которой впервые обозначились её общие контуры»²²⁵. А это значит, продолжает Гидденс, что такая теория с неизбежностью транслирует формы социального мышления, существовавшие в XIX веке и во многом утратившие свою актуальность в настоящее время. Принципы построения единой теории предполагают существование предмета своего исследования в изолированном виде, что также нивелирует значимость противоречивости социальных процессов и их изменчивости вследствие восприятия результатов научных исследований. Противоречивость и изменчивость предмета социального изучения привносят нестабильность в сам процесс теоретизирования, что сказывается на его предсказательных функциях, на которых акцентирует внимание позитивизм. Российский исследователь Н.М. Смирнова указывает на то, что «утрата общественного доверия к глобальной социальной концепции как к единственно верному и универсальному методу социального познания predeterminedена и тем, что в техногенной цивилизации она выступала средством идеологической легитимации социально жестких модернизационных технологий»²²⁶. Итак, потеря позитивизмом актуальности, как эпистемологической, так и социальной, неадекватность и недостаточность позитивистского исследования социокультурной реальности, отрицательное когнитивное влияние позитивистских исследований на сознание человека, догматичность позитивизма и его функция идеологической и инструментальной платформы жёстких социальных технологий послужили главными причинами открытого

²²⁴ *Салмон Г.* Наука как власть и наука как коммуникация (противоборство двух традиций)// Подвластная наука? Наука и советская власть/ сост, научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. С. 69

²²⁵ *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии// Thesis. 1993. Вып.1 С. 61

²²⁶ *Смирнова Н.М.* Исторические типы рациональности в социальном познании//Исторические типы рациональности. Т.1/ Под ред. В.А. Лекторского. – М.: ИФРАН, 1995 СС. 202-203

порицания натуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук.

Интерпретативистский, или лингвистический поворот, произошедший в науках об обществе и человеке с разной степенью интенсивности, оказался похожим на поворот «классической эры» начала XX в. П. Вагнер считает, что эти повороты отличаются друг от друга тем, что первый по времени возникновения предполагал «актера, достаточно сильного, чтобы трансформировать социальный мир согласно сознательной воле. Эта комбинация сделала возможным появление плано-ориентированных социальных наук». Во втором же «исчезла сильная фигура государства как мощного всеохватывающего центра». Интерпретативистский поворот 1960–1970-х гг. основывался, как полагает Вагнер, на «вере в оптимизацию человеческих взаимодействий без сознательно планирующего субъекта»²²⁷.

Мы подходим к тому, чтобы сопоставить социальные события революционного значения, перевернувшие сознание западного человека, и интерпретативистский переворот в социально-гуманитарных науках. Сопоставление двух дат – самое начало 1960-х гг., когда в социологии стали активно публиковаться научные исследования антинатуралистической направленности, и 1968 год, обозначаемый как год великого перелома, говорит в пользу того, что социальные события 1968 года не могли спровоцировать новую волну интерпретативизма. Начало интерпретативистского поворота на несколько лет предварило собой экономический спад, потерю авторитета США, а также социальную реакцию на «организационную структуру, техноструктуру, кланы, кастовость» (В.Г. Федотова, В.А. Колпаков и Н.Н. Федотова²²⁸), которая выразилась в студенческих бунтах во Франции, США и других странах, а также социально-политических волнениях по всему миру. И социальные волнения, и открытая полемика с позитивизмом, развернувшаяся в научно-

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. С. 261

исследовательских работах, явились разными формами протеста против власти, догматизма и авторитаризма в научном знании и социальной действительности. Поэтому можно говорить об отсутствии в 1960-е гг. прямого воздействия социальных факторов развития социально-гуманитарных наук на когнитивные. Наоборот, интеллектуальная реакция социально-гуманитарных учёных предшествовала социальному протесту и во многом способствовала его наступлению, подрывая авторитет незыблемого и абсолютного знания. Очевидно, что перед нами взаимосвязанные события, развивающиеся на общем социальном фоне, который послужил опосредующим звеном между когнитивными и социальными факторами. После 1968 года интерпретативистская исследовательская программа приобрела социальную ощутимость, когда вернуться назад, в состояние организованного знания оказалось социально невозможным.

С конца 1960–начала 1970-х гг. возникла постмодернистская оппозиция модернизму, которая сменилась всплеском либерального неомодернизма в посткоммунистических странах, резко порывающим с постмодернистскими тенденциями и пытающимся повторить либеральный модерн XIX в²²⁹. Вопрос о завершенности «проекта модерна» 1960–1990-х гг. был снят возникновением новых социальных моделей развития, альтернативных западной.

В 2000-е гг. наступает новое Новое время для незападных стран, означающее начало их модернизации с активным привлечением национально-культурных составляющих²³⁰. Одним из признаков грядущего наступления нового Нового времени стал неожиданный экономический успех Японии и стран Юго-Восточной Азии 1970-х гг. Данный успех «...явился опытом, который не вписывался в модернизационные теории и разрушил представление социальной науки об обществе»²³¹. Он повлиял на самовосприятие как Запада, так и Востока, и стал социальным фактором

²²⁹ См. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. С. 270

развития социально-гуманитарного научного знания. С 1970-1980-х гг. возникает новая форма психологических исследований – национальные психологии: турецкая психология (А. Гьюлерс), китайская психология (Kwang-Kuo Hwang²³²), индийская психология (Г. Мишра), психология народов маори (Э. Лок) и мн. др. Национально ориентированные интерпретативистские исследования стали проводиться интенсивнее в 2000-е гг.

В 2000-е гг. в западной социологии возникли новые модели модернизационного развития, изменилось само понимание модернизации как универсального процесса вестернизации. Незападные страны осознали важность собственного пути развития, отличного от предлагаемых западных моделей и основанного на соединении социально-экономических инноваций и культурно-исторического опыта. Социально-экономические трансформации вызвали в незападных странах рост социально-гуманитарных научных исследований антинатуралистической направленности. Стали наблюдаться тенденции отторжения западного образца рациональности и импортируемых западных моделей человека и общества. Производятся попытки создания новых собственных типов рациональности, объединяющих научную рациональность с дискурсами, основанными на традиционном знании, вписанном в конкретный культурный ореол.

Д. Росс пишет о том, что «постколониальное развитие посеяло сомнение в легитимности антропологического взгляда»²³³. Одним из известных западных учёных, выступивших за продвижение качественных методов в психологии и за создание национальных психологий, стал К. Джерджен²³⁴. Международный коллектив исследователей – К. Джерджен, Э. Лок, А. Гьюлерс, Г. Мишра – проанализировал положение культуры в

²³² См. Kwang-Kuo Hwang Foundations of Chinese Psychology. Confucian Social Relations. Springer, 2012.

²³³ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 233

²³⁴ К. Джерджен, получая классическое психологическое образование, научился, по его словам, «производить из расплывчатых границ лабораторной жизни виды чистые и неоспоримые «факты», приемлемые для профессиональных журналов».

традиционной психологической науке и пришёл к выводу, что культура до недавнего времени не выступала предметом профессионального исследовательского интереса психологов. Культура была локусом встречи теоретических положений более общего порядка. Производились (и производятся до сих пор) обобщённые теории, справедливые для всех человеческих индивидов: теории обучения, мотивации, памяти, восприятия, в которых культурные различия служили лишь для определения характера процесса в различных контекстах (т.е. в качестве уточнения и примера). При подобном подходе на культурные вариации либо не обращают внимания, либо их откладывают «для дальнейшего изучения». Одновременно пишутся тома психологических исследований по культурным универсалиям. Исследователи отмечают, что «обсуждение альтернатив происходит в основном не на североамериканской почве. Эти обсуждения отражают опасения множества учёных, не американских, не западных и/или из стран третьего мира, что существует общая и приемлемая для всех концепция психологической науки и/или что все культуры должны подражать той психологии, которая практикуется в Северной Америке»²³⁵.

К. Джерджен, Э. Лок, А. Гьюлерс и Г. Мишра указывают на развитие психологии, коренящейся в европейской культуре, а также на распространение принципов западного индивидуализма, содержащегося в социально-психологических теориях и конструирование других культур в терминах, насыщенных западными идеалами и предпосылками. Исследователи высказывают подозрение в эксплуатации других культур и колонизации их посредством экспорта западных идей, ценностей и практик, а также посредством самого факта исследования и исходящего из него привилегированного положения исследователя. Г. Мишра считает, что генерирование западного способа мышления и его институционализация с помощью репрезентативных технологий и научных ритуалов происходят

²³⁵ Gergen K.J., Lock A., Gulerce A., Misra G. Psychological Science in Cultural Context// American Psychologist, 1996. № 51, P. 496

посредством экономического и политического давления. Клиническая психология, применяемая к народу маори, является формой социального контроля. Западная психология, которая содержит инструменты оценивания, является рычагом давления постколониального государства (Э. Лок). А. Гьюлерс указывает на то, что западные теории, основывающиеся на однонаправленности, однолинейности, универсализме, иерархичности, прогрессивности и т.д., а также западные модели человека, содержащиеся в психологических теориях – человека рационального, материалистического, прагматичного, функционального, эгоцентричного и автономного, «немногим способствуют пониманию поведения туток. Требуется иная модель, – считает он, – оставляющая пространство для иррационального, духовного, альтруистического, консервативного, направленного на другого, социально-ориентированного и взаимозависимого человека»²³⁶.

На этапе нового Нового времени для незападных стран обозначаются сложные взаимосвязи когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Появление научных исследований антинатуралистической и антизападной направленности как в западных, так и в незападных странах было вызвано борьбой против социально жёстких модернизационных технологий, интеллектуальным проводником которых был позитивизм. Часть учёных находилась в поиске альтернатив научному знанию западного образца. Социальной платформой такой альтернативы стал Восток, заявивший о себе неожиданным экономическим успехом Японии и «азиатских тигров» 1970-х гг. Социальные и социокогнитивные факторы определили дальнейшее когнитивное развитие наук об обществе и человеке. Однако новые формы рациональности во многом обосновали перспективу альтернативного образа жизни для западного и незападного человека и тем самым подготовили наступление нового Нового времени для незападных стран. Таким образом, когнитивные факторы развития наук об обществе и

²³⁶ Ibid. P. 503

человеке повлияли на социальные процессы, что в свою очередь обернулось социальными факторами развития социально-гуманитарных наук.

В настоящее время в науках об обществе и человеке существует мультипарадигмальность знания. Это значит, что объекты исследования социально-гуманитарных наук могут быть изучены посредством использования как позитивистской, так и интерпретативистской методологий, и что такие исследования имеют равный гносеологический статус (В.Г. Федотова). Как объясняет отечественный социолог В.В. Семёнова, «для познания «системных» проблем (социальных институтов как систем) необходимо знание, основанное на количественных данных, их объяснении и формулировке в виде категорий, абстракций. Для познания опыта, переживаний, чувств конкретных людей, их практики – второго ряда проблем – необходимо знание, основанное преимущественно на понимании и интерпретации»²³⁷. Развитие социально-гуманитарных наук происходит в русле неклассической рациональности. Относительность истины, множественность и равноправие подходов к одному и тому же предмету исследования, отсутствие направленности развития объектов научного исследования – ключевые характеристики современного общество- и человекознания.

Изменения происходят на дисциплинарном уровне. Как отмечает отечественный специалист в области эпистемологии Н.Е. Копосов, с середины XX века усиливается разрушение триединства «реальность–разум–университет». Это влечёт за собой рассеивание соответствия между академическими дисциплинами, областями внутреннего опыта и фрагментами реальности²³⁸. Французский социолог М. Доган описывает эту тенденцию как «расплывчатость и неоднозначность границ дисциплин», в результате которой возникают два противоречивых феномена. С одной стороны, растёт уровень полидисциплинарности научного знания,

²³⁷ Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998.

²³⁸ Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. СС. 12-15.

подразумевающий передел (а часто и наслаивание друг на друга) традиционных научных территорий. С другой – появляются дисциплины-гибриды, рекомбинирующие и объединяющие сегменты дисциплин в новых специализированных полях. Решающим методом социально-гуманитарных наук становится компаративный анализ, главным источником инновации – обмен с другими полями других дисциплин²³⁹. В социально-гуманитарных науках исчезает тенденциозность. К примеру, когнитивная наука сейчас открыто признаёт, что не может определить сознание (Т. Черниговская).

Тем не менее, равенство гносеологического статуса, стабильное использование интерпретативистских методов начиная с 1960–1970-х гг. не всегда означают одинаковый социальный статус двух исследовательских программ. П. Вагнер, подробно исследовавший этапы развития современности («модернити») и выделивший две современности: 1) XIX в. – либеральная современность, за которой последовал социальный кризис конца XIX века – начала Первой мировой войны; 2) 1914–1960-е гг. – организованная современность, с последующим кризисом конца 1960-х–середины 1990-х гг., третий этап определяет как ожидаемую либеральную современность²⁴⁰. Однако выделенный Вагнером последний этап современности исследователями развития В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым, Н.Н. Федотовой сейчас пересматривается: ожидаемая либеральная современность не наступила. Вместо неё возникли новые социальные, социально-психологические, экономические и политические трансформации²⁴¹. Социолог Г. Дерлугьян также подчёркивает, что в 1980–1990-е г. происходит «сильный откат» от попыток либерализации 1960–1970-х гг., которая, между тем, прочно закрепились на уровне общественного сознания. Одновременно ключевой парадигмой современной социологии, экономики и психологии по-прежнему остаётся позитивизм, а методы,

²³⁹ Dogan M. *Sociology Among The Social Sciences*. Encyclopedia of Sociology. 2nd Edition. E. Borgatta, R. Montgomery eds. PP. 2913 - 2927. Vol. 5: New York; London: Macmillan Reference USA, 2000

²⁴⁰ Wagner P. *A Sociology of Modernity: Liberty And Discipline*. Routledge, 1994.

²⁴¹ См. подробнее Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. – 608с.

которыми пользуются эти науки, предстают преимущественно количественными. Приоритетность позитивистского направления в указанных социально-гуманитарных науках настолько очевидна, что в социальном восприятии понятие «настоящей науки», которая вообще возможна в области исследования общества и человека, прочно ассоциируется именно с позитивистскими методами – методом эксперимента в психологии, методом опроса общественного мнения в социологии и методом математического моделирования в экономике. Интерпретативистские, качественные исследования по-прежнему воспринимаются как ненадёжные и нестрогие.

Этот перевес подтверждается тем, что количество качественных методов в экономической науке резко снизилось за последние 20 лет²⁴². Г. Фарелл и М. Финнемор приводят статистику, согласно которой исследования в области рационального выбора в 1997г. содержали наравне количественные и качественные методы. К 2006г. количество исследований с числовыми выкладками возросло в 11 раз по сравнению с работами, содержащими качественный анализ. Такую перемену нельзя объяснить прочной связью онтологии с методологией, просто указав, что некоторые (например, интерпретативистские) исследования используют только качественные методы, а некоторые – только количественные. Делать такие утверждения нельзя, поскольку в течение нескольких десятков лет качественные методы в теории рационального выбора успешно применялись в экономике. Г. Фарелл и М. Финнемор делают вывод о том, что количественные методы преобладают в теории рационального выбора (да и в экономике в целом) в связи с их престижностью, т.е. исключительно по социальным причинам.

Отечественный специалист по культурологии А.П. Марков приводит результаты исследования дисциплины-лидера в общественном мнении по данным Центра науковедения Института истории естествознания и техники

²⁴² См. подробнее *Farrell H., Finnemore M. Ontology, Methodology and Causation in the American School of International Political Economy// Review of International Political Economy. 2009. №2. PP. 58-71*

им. С.И. Вавилова. Среди лидеров находятся «политология, экономика, право, социология, психология, т.е. социально-технологические дисциплины», которые «демонстрируют бурный рост». В то время как «в аутсайдерах – история, филология, философия, культурология, педагогика», и в эти науки, не «направлены основные потоки финансовых средств»²⁴³. Если бы интерпретативистская и позитивистская исследовательские парадигмы оценивались как одинаково важные, то наблюдалось бы равное финансирование (и непосредственно связанное с ним развитие) двух исследовательских программ.

Д. Росс, комментируя сложившуюся ситуацию, считает, что вызов дисциплинарному проекту социально-гуманитарных наук, сделанный социально-политической нестабильностью 1960–1970-х гг., вынуждает учёных давать на него разнообразные ответы. Одни социально-гуманитарные учёные проигнорировали критику и возобновили обоснование наук об обществе и человеке математикой и естественными науками. Другие «обратились к историцизму, восприняли критику и пытаются построить проект на более определенном основании»²⁴⁴.

Английский специалист по социальной эпистемологии С. Фуллер отмечает коммерциализацию науки и образования, связанную с распространением позитивистского мышления. С. Фуллер утверждает, что с 1970-х годов постепенно утверждается «общество знания», в социальном управлении и экономическом производстве которого главную роль начинают играть наука и техника. «Общество знания» подразумевает превознесение прогресса информационных технологий, специализации научного знания и посредничество экспертизы в повседневной жизни. При этом формируется отношение к познавательной работе как к тому, что может быть развито и накоплено, а, следовательно, как к тому, что поддаётся тренировке и может быть смоделировано на компьютерах, что неизбежно ведёт к

²⁴³ Марков А.П. Учёный и власть// Подвластная наука? Наука и советская власть/ сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. С. 733

²⁴⁴ Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. PP. 235-236

депрофессионализации. Наука становится массовой; появляется менеджмент знания и научные менеджеры. Возрастает бюджет научных исследований и количество студентов, жаждущих получить диплом, а не знания, что идёт вразрез с опытом прошлого: в прежние времена знание воспринималось как самоцель, вне зависимости от материальных затрат или выгод²⁴⁵.

Технологии экономических и государственных структур основаны на научных данных, получаемых современными социально-гуманитарными науками – социологией (изучение потребительского спроса, анализ общественного мнения), психологией (консультирование, построение эффективных когнитивных схем), экономикой (маркетинг и математическое моделирование) – интенсивно развиваются благодаря заказам различных бизнес структур. Акцент на наличии технологии и эффективности результатов социально-гуманитарного научного знания есть не только констатация его естественнонаучных ориентиров, утилитаристской направленности, но и некоторый гарант интереса к исследованию со стороны политических и экономических структур. Принцип утилитаризма научного знания об обществе и человеке, сформировавшийся в конце XIX вв., воспроизводится в XX и XXI вв.

В данном параграфе был рассмотрен вопрос о социальной обусловленности развития социально-гуманитарных наук с 1960-х гг. до наших дней. Был проанализирован экономический и социальный контекст и сделан вывод о том, что отношения развитие общества и развитие наук об обществе и человеке в данный период носит сложный и неоднозначный характер, предполагающий как независимое существование социально-гуманитарных наук, так и их взаимную обусловленность.

ВЫВОД ПО ГЛ. III. Институционализация социально-гуманитарных наук явилась ответом общества на социальные вызовы эпохи кризиса первой либеральной современности. Наука, несмотря на социальный кризис и

²⁴⁵ Фуллер С. Социальная эпистемология как критика общества знания и защита университета// Социальная эпистемология: идеи, методы, программы/ Отв. ред. И.Т. Касавин. – М: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2010. СС. 417-448

обнаружение неадекватности и неполноты натуралистических исследований, продолжила рассматриваться как двигатель общественного прогресса. Институционализация социально-гуманитарных наук оказала косвенное влияние на развитие научного знания: при институционализации получили развитие именно позитивистские исследования как наиболее согласующиеся с принципами функционирования бюрократического аппарата. Общим между ними оказались ориентация на количественные показатели, формализация и схематизация действительности, парадигма эффективности, элиминация метафизических – не обоснованных эмпирически – объектов действительности.

Институционализация не повлияла непосредственным образом на содержание социально-гуманитарных наук – стали институционализироваться и, соответственно, интенсивно развиваться не только натуралистические, но и антинатуралистические направления научных исследований. Но институционализация ввела формальные показатели в содержание научного знания. А поскольку значительная часть антинатуралистических исследований принципиально не могут быть формализованы, они оказываются менее предпочтительными для развития, нежели те исследования, которые их содержат.

В эпоху второй организованной современности по преимуществу осуществлялось прямое воздействие социальных факторов на когнитивные структуры научного социально-гуманитарного знания – на цель научного исследования, его ожидаемый результат, выбор методологии исследования, направление научной деятельности, определение репрезентативной выборки. Данные когнитивные структуры научного знания определялись не учёными, а представителями экономической и политической системы для получения объективного и достоверного знания, которое использовалось для достижения поставленных целей управления и организации экономической и социальной жизни общества.

Социально-гуманитарные науки в 1920–1960-е гг. посредством прямого социального заказа, осуществляемого государственными и коммерческими структурами, а также частными лицами, были вовлечены в построение организованного общества, функционирующего по предсказуемому и заданному сценарию. Науки об обществе и человеке, вырабатывая математизированное и схематизированное знание об обществе и человеке, подчиняющееся биологическим и механистическим закономерностям, транслировали «организованный», технократический тип сознания.

В 1960-е гг. возникла реакция общества на жёсткие социальные технологии, проводимые властными и экономическими структурами. Всплеск антинатуралистической исследовательской программы социально-гуманитарных наук, направленный против господства натурализма, предшествовал открытым социальным протестам против власти техноструктур. Поэтому нельзя проводить причинно-следственные связи между двумя этими процессами. Социальные протесты и реакция на господство натурализма явились общей реакцией общества на способы конструирования социокультурной реальности. Резкий подъём антинатурализма был обусловлен сложившейся ситуацией в экономической, политической, духовной жизни общества. Но одновременно он имел независимое когнитивное значение, заключающееся в развитии альтернативного метода исследования социокультурной реальности. Соответственно, между социальными волнениями и интенсивным развитием антинатуралистической исследовательской программы существует косвенная связь.

В начале эпохи третьего модерна (2000-е гг.) в западных странах наблюдается активный рост антинатуралистических исследований с выраженной национальной спецификой. Данный рост явился, во-первых, реакцией на гегемонию западных интерпретаций социокультурной реальности, посредством которых Запад проводил свою модернизационную

политику (косвенная связь когнитивных и социальных факторов развития наук об обществе и человеке). Во-вторых, антинатуралистические исследования в незападных странах были вызваны экономическим успехом незападных стран, обусловленным их ориентацией на собственную культуру. Интерпретативистские научные исследования испытали подъём, поскольку они обосновывают национальное развитие и укрепляют национальный менталитет (социальный заказ на знание определённого типа, прямое воздействие социальных факторов на когнитивные). В-третьих, сам экономическому росту незападных стран способствовал научный анализ социально-гуманитарной специфики, проводимой с 1970-х гг. (воздействие когнитивных факторов на социальные).

Со времён начала кризиса второй организованной современности (с 1970-х гг.) по настоящее время содержание социально-гуманитарного научного знания, помимо перманентного воздействия когнитивных факторов (познавательный интерес), продолжает, с одной стороны, детерминироваться социальными заказами государственных и экономических структур. Такого рода исследования, как правило, используют натуралистическую программу, однако, существуют исключения, когда поступают заказы на интерпретативистские исследования (внешняя разведка). С другой стороны, в противовес организованному научному знанию развиваются исследования антинатуралистической направленности (косвенная связь между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук). Часть антинатуралистических исследований не имеет антипозитивистский пафос и развивается благодаря познавательному интересу (когнитивный фактор). В целом в социально-гуманитарных науках существует перевес позитивистских исследований над интерпретативистскими.

Заключение

В представленном диссертационном исследовании была совершена попытка социально-философского осмысления типов взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук в соответствии с типами общества. Основанием периодизации общества выступила новая концепция трёх типов современности (модерна), два из которых выявлены С. Лэшем, П. Вагнером, развиты В.Г. Федотовой и третий предложен ею же в коллективной монографии В.Г. Федотовой, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотовой «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества». В ходе нашего исследования мы пришли к следующим результатам.

Взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук осуществляется постоянно с момента их зарождения. Существуют типы взаимодействия когнитивных и социальных факторов развития наук об обществе и человеке, которые изменяются в зависимости от этапа развития современного общества. На разных этапах развития общества взаимодействие факторов социально-гуманитарных наук носит различный характер.

И когнитивные, и социальные факторы всегда присутствуют в историческом развитии наук об обществе и человеке. Не все из них возможно зафиксировать, поэтому при написании диссертационного исследования мы исходили из тех данных, которые имелись у нас в наличии.

Кроме того, любое научное исследование для получения конечных результатов схематизирует и заведомо упрощает действительность. Наши выводы носят индуктивный характер, поэтому они обладают ограниченностью, как и любые другие индуктивные выводы. Мы сосредоточились на изучении социологии, психологии, экономики и частично антропологии по причине того, что, по оценкам некоторых учёных и исследовательских центров, они являются самые влиятельными,

авторитетными и благополучными, а это значит, что они имеют наибольшее влияние на общественное сознание.

В фокусе нашего исследования было взаимодействие когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук, но в силу пространственно-временных ограничений мы преимущественно изучили воздействие социальных факторов на когнитивные, когда когнитивные факторы участвуют во взаимодействии, но оказываются его пассивной стороной.

Главным независимым когнитивным фактором развития научного знания, как естественного, так и социально-гуманитарного является познавательный интерес, стремление к познанию мира, специфическая черта, присущая человеку как биологическому виду. Именно познавательный интерес движет развитием научного познания, в том числе познания общества и человека. В силу проблематики нашего исследования, сосредоточенного на взаимодействии когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук, мы, абстрагируясь от познавательного интереса как когнитивного фактора, постоянно имели его в виду.

Нами выделяются прямые и косвенные связи когнитивных и социальных факторов развития социально-гуманитарных наук. Между тем любая подобная связь является косвенной, поскольку она опосредована человеческим сознанием. Имея в виду данное обстоятельство, нами проводится разграничение косвенной и прямой связи когнитивных и социальных факторов развития наук об обществе и человеке. При прямой связи когнитивные научные структуры (цель исследования, методология исследования, исследовательская программа, ожидаемые научные результаты) задаются вненаучными субъектами для достижения ими поставленных целей. Прямая связь рассматривается как детерминация когнитивных факторов социальными факторами посредством социального заказа на научное знание определённого типа, содержащее заданные заказом

когнитивные структуры. Косвенная связь между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук означает взаимодействие социальных и когнитивных факторов, опосредованное процессом познания. При осуществлении косвенной связи когнитивные научные структуры не задаются извне, учёные определяют их самостоятельно в процессе научного исследования. Однако конкретное содержание научного знания используется в качестве аргументов в общественных дискуссиях и поэтому получает дополнительные стимулы для своего развития. Косвенная связь между когнитивными и социальными факторами социально-гуманитарных наук также существует при обусловленности содержания научного знания изменениями социокультурной реальности. Возникающие при этом когнитивные научные структуры оказываются реакцией на данные изменения, однако они определяются учёными независимо и имеют самостоятельную научную ценность.

Естественнонаучный идеал стал важным когнитивным фактором возникновения и развития социально-гуманитарных наук. Объекты зарождающихся социально-гуманитарных наук были натурализованы, потому что не было других образцов научности. Социальным фактором выступила социальная потребность, когда общество начала эпохи первой либеральной современности стало нуждаться в специальных науках об обществе и человеке и сделало социальный заказ на рационализацию социальной реальности и человека. Процессы рационализации и либерализации, происходящие в западном обществе после Американской и Французской революций, предполагали развитие общества как свободно выбранного проекта. Поэтому, чтобы максимально точно воплотить данный либеральный проект, необходима была рационализация социальной реальности и человека. Данные обстоятельства свидетельствуют о существовании прямой связи когнитивного и социального в развитии научного знания.

В эпоху первой либеральной современности присутствует преобладание косвенных связей между социальными и когнитивными факторами развития социально-гуманитарных наук. В это время происходит наложение естественнонаучной рациональности на масштабные социально-политические и экономические процессы.

В период между первой и второй современностью антинатуралистическая исследовательская программа возникает как реакция на господство натурализма и разворачивается в условиях социального кризиса. На данном этапе снова присутствует преобладание косвенных связей между социальными и когнитивными факторами развития наук об обществе и человеке.

В эпоху второй организованной современности имеется преобладание прямых связей между когнитивными и социальными факторами развития социально-гуманитарных наук. Политические и экономические системы становятся заказчиками научного знания, содержащего определённые когнитивные структуры.

В эпоху кризиса второй организованной современности начала 1970–конца 1990-х гг. и XXI в. в эпоху начавшегося третьего модерна – национальных моделей модернизации незападных стран имеет место усложнение типов взаимодействия факторов развития социально-гуманитарных наук. Существует комбинация прямых и косвенных связей между когнитивными и социальными факторами. Часть научного знания продолжает формироваться как социальный заказ политических и экономических систем и содержит заданные когнитивные структуры (прямая связь когнитивных и социальных факторов). В то же время между социальными и когнитивными факторами развития наук об обществе и человеке имеется косвенная связь, опосредованная познавательным процессом. Научные когнитивные структуры не задаются извне, содержание научного знания оказывается самодостаточным, но его развитие стимулируется сложившейся социокультурной ситуацией.

Таким образом, связи между когнитивными и социальными факторами социально-гуманитарных наук является в большинстве своём косвенными, а не прямыми. Научное знание об обществе и человеке скорее обусловлено, нежели детерминировано.

Библиография

1. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a10.html>
2. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: Методологический анализ. – М.: Наука. 2005. – 244с.
3. Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ, 2000. – 543с.
4. Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323с.
5. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива [Электронный ресурс]. – М.: Аспект-пресс, 1996. Режим доступа: <http://www.socd.univ.kiev.ua/LIB/PUB/B/BERGER/berger.pdf>
6. Бернал Дж. Наука в истории общества. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. – 735с.
7. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор//Исследования по общей теории систем: Сборник переводов/ Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 23-82
8. Блур Д. Сильная программа в социологии знания// Логос №5-6 (35), 2002. С. 162-185.
9. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: 2000, Изд-во Уральского университета. – 96с.
10. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии// Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19

11. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – М: Издательство МПСИ. 2008. – 408с.
12. Бурдьё П. За рационалистический историзм// Социо-Логос постмодернизма'97. Альманах Российско-французского центра социологических исследований. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 9-29
13. Бурдьё П. Начала. / Пер. с фр./Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А./ – М.: Socio-Logos, 1994. – 288с.
14. Бурдьё П. Поле науки. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki>
15. Бэкон Ф. Новый органон. Соч. в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1978. – 575 с.
16. Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук//THESIS, 1993. вып.3. С. 115-130
17. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. – М.: МГППУ, Смысл. 2003. – 240с.
18. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии//Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. СС. 377-414
19. Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной?// Из опыта изучения экономики как структуры и процесса/ Гл. ред. Я.И. Кузьминов, зам. гл. ред. В.С. Автономов, ред. О.И. Ананьин и др. - М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. - Сер. Истоки. - Вып. 6. СС. 10-32
20. Власова В.Б. Социальная картина мира как проблема идеологии//Теория и жизненный мир человека. М.: Наука, 1995. СС. 106-121
21. Вундт. В. Задача психологии//Очерки психологии. М: Московское книгоиздательство, 1912. СС. 3-6.
22. Вундт В. Основы физиологической психологии. В 3 т. Т.1, Т.2. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1911.

23. Гайденко П.П. Христианство и генезис новоевропейского естествознания.//Философско-религиозные истоки науки/Отв. Ред. П.П. Гайденко. М. 1997. С.44-87.
24. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии/Thesis. 1993. Вып.1 С. 57-82
25. Гобозов И.А. Свобода и ответственность личности//Социальная философия. Под ред. И.А. Гобозова. М.: Издатель Савин С.А., 2003. СС. 325-331
26. Готлиб А.С. Качественная методология социального исследования: исследовательские стратегии, экзистенциальный потенциал. Диссертация на соискание учёной степени доктора социологических наук. Самара, 2005. – 405с.
27. Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. – СПб.: Наука, 2003. – 576с.
28. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М.: Книжный дом «Университет», 2001. – 216с.
29. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии.– Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia/h4.htm>
30. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М: Аванти плюс, 2003. – 331с.
31. Декарт Р. Рассуждения о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Соч. в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. – 654с.
32. Джеймс У. Психология/Под ред. Л.А. Петровской. – М.: Педагогика, 1991. – 368с.
33. Дильтей В. Введение в науки о духе. Собр. Соч. в 6 т. Т. 1. /Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270-730.
34. Дильтей В. наброски к критике исторического разума//Вопросы философии. №4. 1988. С. 135-152.

35. Дридзе Т.М. Станет ли социология «наукой наук об обществе»? // Социологические исследования, 2001. №3. СС.19-20
36. Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 288с.
37. Здравомыслов А.Г. О принципах социологического мышления: несостоявшееся выступление на Пленарной сессии Всероссийского социологического конгресса 21 октября 2008 года, интервью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.jourssa.ru/2009/3/16_Zdravomyslov.pdf
38. Здравомыслов А.Г. Поле социологии в современном мире. М: Логос 2010. – 408с.
39. Зиммель Г. Как возможно общество? // Социологический журнал. 1992. №2, С. 102 - 114.
40. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Соч. в 2т. Т. 1. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2001. – 608с.
41. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2007. – 736с.
42. Касавин И.Т. Конструктивизм как идея и направление // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФ РАН, 2008. С. 63-72
43. Кассирер Э. Философия символических форм. Соч. в 3т. Т1. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 271с.
44. Карнап Р., Хан Х., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000566/index.shtml>
45. Кашников Б.М. Либеральная теория справедливости и политическая практика в России. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2004. – 260с.
46. Кейнс Дж.Н. Предмет и метод политической экономии. – М.: Типография И.А. Баландина, 1889. – 279с.

47. Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания//Социология вещей. Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего. 2006. С. 267-306.
48. Когнитивная психология. Под ред. Дружинина В.Н., Ушакова Д.В. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 480с.
49. Койре А. Очерки истории философской мысли (о влиянии философских концепций на развитие научных теорий). – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 270с.
50. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. – 488с.
51. Колчинский Э.И. Предисловие редактора//Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 5-15.
52. Кон И.С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX в.//История социологии в Западной Европе и США/ Ред. Г.В. Осипов. – М.: Норма. 2001.С. 79-102
53. Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. – М.: Либроком, 2011. – 80с.
54. Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 326с.
55. Копосов Н.Е. Что такое критика социальных наук? [Электронный ресурс]// Журнал Социологии и социальной антропологии. 1999 год, том II, выпуск 3. – Режим доступа: <http://hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/3/4kopos.html>
56. Критика современной буржуазной теоретической социологии/А.П. Ковалев, С.М. Митина, Э.А. Орлова и др./ Ред. Г.В. Осипов. – М.: Наука, 2003. – 280с.
57. Куайн У. Онтологическая относительность// Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. – М.: Логос, 1996. С. 18-40.

58. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный»// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. С. 4-10
59. Куренной В. Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем//Логос 2010. №5(78). С. 166-182.
60. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад исследований науки в общественные науки//Социология вещей. Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего. 2006. С. 342-364
61. Латур Б. Надежды конструктивизма//Социология вещей. Сборник статей. Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. С. 365-389.
62. Лекторский В.А. Дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии//Познание, понимание, конструирование/Ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2007. С. 5-29.
63. Лихи Т. История современной психологии. – СПб.: Питер, 2003. – 448с.
64. Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской литературы, 1996. – 464с.
65. Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма// Вопросы экономики. 2006 №2. С. 77-98.
66. Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология: методы исследования. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. – 544с.
67. Мангейм К. Идеология и утопия//Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 1-52.
68. Мангейм К. Очерки социологии знания (теория познания – мировоззрение – историзм)/Составление, перевод и предисловие Е. Я. Додина. М.: ИНИОН, 1998. – 249с.
69. Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. – 228с.
70. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – 368с.

71. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов//Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т.46 Ч.1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. С.38
72. Марцинковская Т. История психологии. – М.: Академия, 2007. – 544с.
73. Мельников С.А. Досократики//История философии. Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. – М.: Академический Проект. 2005. С. 53-68.
74. Меркулов И.П. Сознание как когнитивная способность//Эпистемология и философия науки. 2005. Т.VI. №4. С. 144-158.
75. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
76. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 100-284
77. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. – 264с.
78. Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб.: Нотабене, 1992. – 445с.
79. Мяки У. Модели и эксперименты – одно и то же. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://institutiones.com/strategies/986-modeli-i-eksperimenty.html>
80. Наука в культуре/ Под ред. В.Н. Поруса. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – 384с.
81. Наука и власть. Воспоминания учёных-гуманитариев и обществоведов/ Отв. ред. Г.Б. Старушенко. – М.: Наука, 2001. – 319с.
82. Нестерук А.В. Логос и космос. М: БИ, 2006. – 443с.
83. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – М.: Культурная революция, 2005. – 880с.
84. Окладной В.А. Возникновение и соперничество научных теорий. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1990. – 240с.

85. Орлова Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия//Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2) СС. 160-175
86. Осипов Г.В. Методы измерения в социологии. – М.: Наука, 2003. С. 14-30.
87. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Эксмо, 2003. – 416с.
88. Парсонс Т. О структуре социального действия. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/08.php
89. Перминов В.Я. Философия и основания математики. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – 320с.
90. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. – М.: Академия, 2003. – 496с.
91. Плахов В.Д. Западная социология. Исторические этапы, основные школы и направления развития (XIX—XX вв.). – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 156с.
92. Подвластная наука? Наука и советская власть/сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Голос, 2010. – 815с.
93. Полян К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. [Электронный ресурс]. – СПб.: Алетей, 2001. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/369666/read>
94. Поппер К. Логика социальных наук//Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики/Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. С. 298-313.
95. Поппер К. Нищета историцизма. [Электронный ресурс]. – М.: Прогресс-ВИА, 1993. Режим доступа: <http://evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/index.html>
96. Пружинин Б.И. Между контекстом открытия и контекстом обоснования: методология науки Густава Шпета// Густав Шпет и

современная философия гуманитарного знания. – М: Языки славянских культур, 2006. СС. 135-145

97. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. – СПб.: Алетейя, 2010. – 316с.

98. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки. – СПб.: Наука, 1997. – 532с.

99. Ритцер Дж. Современная социологическая теория. – СПб.: Питер. 2002. – 688с.

100. Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 568с.

101. Розин В.М. Природа и особенности гуманитарного познания и науки//Наука глазами гуманитария/Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. С.59-93.

102. Рязанова С.В. Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: научный потенциал понятия//Религиоведение, 2010. №1. С. 78-89.

103. Саймон Г.А. Науки об искусственном. – М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 9-33.

104. Сачков Ю.В. Вероятность и базовые модели развития в природе. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elenakosilova.narod.ru/studia4/meluhin/09sachkov.html>

105. Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. – М.: Добросвет, 1998. – 292с.

106. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб: Речь, 2007. – 350с.

107. Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение. [Электронный ресурс] // История зарубежной психологии. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 60-95. Режим доступа: <http://www.intelligence.su/lib/00028.htm>

108. Смирнова Н.М. Исторические типы рациональности в социальном познании// Исторические типы рациональности. В 2 т. Т.1/ Под ред. В.А. Лекторского. – М.: ИФРАН, 1995. С. 193-215.

109. Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании). – М.:ИФРАН, 1997. – 222с.
110. Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – 240с.
111. Солсо Р. Когнитивная психология. – СПб.: Питер, 2006. – 589с.
112. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176с.
113. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2010. – 712с.
114. Социальные знания и социальные изменения/Отв. ред. В.Г. Федотова. – М: ИФРАН, 2001. – 284с.
115. Спенсер Г. Основания социологии // Г. Спенсер. Синтетическая философия. – Киев: Ника-Центр, 1997. СС. 214-225
116. Старк Г.В., Ватин И.В., Ю.Р. Тищенко К вопросу о социальной детерминации научного познания//Социальная природа познания/Под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: Наука, 1979. СС. 41-54
117. Стёпин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты)//Вопросы философии, 2004. № 3. С. 37-43.
118. Стёпин В. С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 619-636
119. Стёпин В.С. Философия науки. – М.: Гардарики, 2007. – 384с.
120. Стивенс С.С. Математика, измерение и психофизика//Экспериментальная психология / Под ред. С.С. Стивенса. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Т.1 С. 19-89.
121. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники/ Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256с.

122. Титченер Э. Б. Очерки психологии. – СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1898. – 286с.
123. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. – М.: Моск. философский фонд, 1997. – 250с.
124. Толстова Ю.Н. Социология и математика: в чём смысл контактов? (Уроки истории). Режим доступа: http://www.isras.ru/publications_bank/1228091270.pdf
125. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? / Пер. и примечания Ю.В. Данилова. – М.: ГИФМЛ, 1960. – 112с.
126. Уотсон Дж. Психология с точки зрения бихевиориста. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/uots_psih.php
127. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. – М.: Культурная революция, 2008. – 608с.
128. Федотова В.Г. Социальная обусловленность общественно-научного знания как методологическая проблема. Диссертация на соискание степени доктора философских наук. Москва, 1986.
129. Федотова В. Г. Эволюция классической концепции истины под влиянием социально-культурной обусловленности // Проблема метода в социально-гуманитарном познании / Отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: Институт философии АН СССР, 1989. С. 4-15.
130. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. – СПб.: Ювента, 1999. – 317с.
131. Фролов И.Т. Детерминизм и телеология (о философской интерпретации проблемы органической целесообразности в современной биологии)//Вопросы философии. 1958, №2. С. 35-49.
132. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М: Ad Marginem, 1999. – 480с.
133. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб: А-сad, 1994. – 407с.

134. Хьюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448с.
135. Чернов Г. Н. Законы теоретической биологии. – М.: Знание, 1990. – 64с.
136. Черткова Е.Л. Познание: ценностный аспект//Познание, понимание, конструирование/Ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2007. С. 68-85.
137. Чесноков С.В. Целое число в социологическом опросе//Социологический журнал. №2. 2009. С. 122-127.
138. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416с.
139. Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках// Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 1994. – 1056с.
140. Юревич А.В. Культурно-психологические основания научного знания // Проблема знания в истории науки и культуры . – СПб.: Алетейя, 2001. С. 155-192.
141. Ядов В.А. Для чего нужна сегодня национальная русская социология? Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=881
142. Ядов В.А. Стратегии социологического исследования. – М.: Академкнига, Добросвет, 2000. – 596с.
143. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века. [Электронный ресурс] – М.: Академия, 1996. – 416с. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yaros01/>
144. Farrell H., Finnemore M. Ontology, Methodology and Causation in the American School of International Political Economy//Review of International Political Economy 2009. №2. P. 58-71.
145. Baert P. Pragmatism Versus Sociological Hermeneutics//Critical Theory: Diverse Objects, Diverse Subjects. Current Perspectives in Social Theory. Vol. 22. Ed. J. Lehmann. – Oxford: Elsevier Science Ltd, 2003. P. 349-365.

146. Baker W.J. Positivism Versus People: What Should Psychology Be About? // Positivism in Psychology: Historical and Contemporary Problems/ ed. by Charles W. Tolman. – NY: Springer-Verlag, 1992. P. 9-16.

147. Boland L.A. Current Views on Economic Positivism. Mode of access: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.28.9427&rep=rep1&type=pdf>

148. Brentano F.C. Psychology from an Empirical Standpoint. – NY, London: Routledge, 1995. P. 2-20.

149. Crano W.D., Brewer M.B. Principles and methods of social research. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Inc., Publishers, 2002. P. 1-58.

150. Dennet D.C. Why The Law of Effect Will Not Go Away? // D.C. Dennet. Brainstorms: Philosophical Essays On Mind and Psychology. – Massachusetts: The MIT Press, 1981. P. 71-89.

151. Dogan M. Sociology Among The Social Sciences//Encyclopedia of Sociology. 2nd Edition / E. Borgatta, R. Montgomery eds. – New York; London: Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 5 P. 2913 - 2927.

152. Gergen K.J., Lock A., Gulerce A., Misra G. Psychological Science in Cultural Context//American Psychologist, 1996. №51. PP. 496-503.

153. Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber. Cambridge University Press, 1971. – 270p.

154. Gunning J.P. Praxeological Economics vs. Positivism: Ignorance and the Universities. Mode of access: http://www.nomadpress.com/gunning/subjecti/mean_sub/subvspos.pdf

155. Gurwitsch A. On the Systematic Unity of Sciences // A. Gurwitch. Phenomenology and Theory of Science. – Chicago: Northwestern University Press, 1978. P. 132-152.

156. Hassard J. Sociology and Organization Theory: Positivism, Paradigms and Postmodernity. Cambridge University Press, 1995. P. 4-18.

157. Hausman D.M. *Essays on Philosophy and Economic Methodology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 13-24.
158. Hawthorn G. *Enlightenment And Despair: A History Of Social Theory*. Cambridge University Press, 1987. – 318p.
159. Heilbron J. *Social Thought And Natural Science//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/* ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 40-56.
160. Hogan P.C. *On Being Moved: Cognition and Emotion in Literature and Film//Introduction To Cognitive Cultural Studies/* ed. by L. Zunshine. The Johns Hopkins University Press, 2010. P. 37-60.
161. Howitt D. *Introduction To Qualitative Research in Psychology*. – Essex: Pearson Education Ltd, 2010. P. 1-27.
162. Kincaid H. *The Empirical Presuppositions of Metaphysical Explanations in Economics// The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics/*ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 15-25.
163. Kursch M. *Psychologism: A Case Study in The Sociology of Philosophical Knowledge*. NY: Routledge, 1995. P. 128
164. Mäki U. *Ontology: What? Why? Where? // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics/*ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 3-14.
165. McKinney J.C. *Constructive Typology Within the Context of Modern Sociology// J.C. McKinney. Constructive Typology and Social Theory*. – N.Y.: Meredith Publishing Company, 1966. P. 68-99.
166. Morris B. *Western Conceptions of The Individual*. – Oxford, Dulles: Berg, 1991. – 512p.
167. Porter T.M. *Genres and Objects of Social Inquiry, From The Enlightenment To 1890//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/* ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 13-39.

168. Porter T.M., Ross D. Introduction: Writing The History of Social Sciences//The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 1-12
169. Richards G. Putting Psychology in Its Place: Critical Historical Perspectives. Routledge, 2010. – 426p.
170. Rickman H.P. Wilhelm Dilthey: Pioneer of The Human Studies. University of California Press, 1979. P. 163-180.
171. Ross D. Changing Contours of the Social Science Disciplines// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 205-237.
172. Smythe W.E. Positivism and The Prospects For Cognitive Science// ed. by Charles W. Tolman Positivism in Psychology: Historical and Contemporary Problems. – NY: Springer-Verlag, 1992. PP. 103-118
173. Stam H.J. The Demise of Logical Positivism: Implications of the Dugem-Quine Thesis for Psychology// ed. by Charles W. Tolman Positivism in Psychology: Historical and Contemporary Problems. – NY: Springer-Verlag, 1992. PP. 17-25
174. Suber D. Social Science Between neo-Kantianism and Philosophy of Life: The Cases of Weber, Simmel and Mannheim//Historical Perspective on Erklären and Verstehen / ed. by U. Feest. - NY: Springer, 2010. P. 267-290.
175. Tyson P.J., Jones D., Elcock J. Psychology in Social Context: Issues and Debates. BPS Blackwell Publishing, 2011. PP. 10-16
176. Urry J.R., Keat R.N. Social Theory as Science. Taylor and Francis e-Library, 2011. P. 1-19.
177. Wagner P. A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. – London: Routledge, 1994. – 266p.
178. Wagner P. Social Science and Social Planning During The Twentieth Century// The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 591-607.

179. Wagner P. *Theorizing Modernity: Inescapability and Attainability in Social Theory*. SAGE Publications, 2001. P. 15-35.

180. *World Social Science Report. Knowledge Divides*. [Electronic resource]/UNESCO Publishing, International Social Science Council. – Paris, 2010. – Mode of access: <http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/resources/reports/world-social-science-report/>

181. Yeo E.J. *Social Surveys in The Eighteenth and Nineteenth Centuries*// *The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences*/ ed. by T.M. Porter and D. Ross. Cambridge University Press, 2003. P. 83-99.